

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА ЯНВАРЬ 1915 ГОДА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

297

№ 13941

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 3-го (16-го) ЯНВАРЯ 1915 ГОДА.

№ 13941

«ВЕЧЕРЬ НА СВЯТНАХЪ». — Оригинальный рисунок С. Плошинского.

Два памятника.

Синий къ парламенту, къ звѣринцу же лицомъ Стоитъ онъ, бронзовый, на площади Бер-

линса. Германия въ немъ зритъ родного исполнителя, бѣ, какъ на испытанный христіанинъ; Онъ былъ могущество германскю твор- подбери такую же команду. Ты возьмешь изъ Рима? Сколько довѣрчивости было въ лицъ легата, когда онъ сказаль:

— Мы остановили свой выборъ на тѣ- подбери такую же команду. Ты возьмешь грузъ и пойдешь подъ флагомъ, Венециан- ской республики сначала изъ Египетъ, а потомъ въ Палестину. Тебѣ укажутъ, что дѣлать.

И мы присутствуемъ сегодня при концѣ

Непрочно строить онъ на стѣни и сѣни... И мы присутствуемъ сегодня при концѣ

Не оловяннаго-ъ огромнаго солдата?

Другой мы памятникъ зrimъ дома у себя... Лицомъ къ монастырю стоять поэты ро- дичи, Попынѣ благостный, донынѣ нѣвѣдимый. Родное воспѣвать онъ, свѣтлое любя. Напѣть Пушкинъ устоитъ, а Бисмаркъ кру-

шече Германію въ потокъ несчастій вовлечеть. Москвѣстій памятникъ о творчествѣ поэти, Берлинскій памятникъ вѣщаетъ разру- шеніе.

Кн. Голицынъ-Муравлинъ.

Поруганная легенда.

«Корабль отплыть съ ori- гинальной цѣлью — поги- бнуть отъ пожара въ откры- томъ морѣ. Нужна была сен- сационная лента для кинематографа»...

Изъ газеты.

I.

Капитанъ трехматтовой бригантины «Св. Марія» не могъ бы объяснить, для чего онъ держитъ курсъ на Египетъ. Такъ піемъ его труды и,

было приказано. Только одно казалось не- разъ въ эту минуту молились у алтарей сомнѣніемъ: дѣло, къ которому онъ при- о благополучіи его путешествія. И къ палубу, а команда было всего двѣнадцать, звать, угодно Богу, иначе для чего стала ждѣть разъ, когда опасность проходила, не считая капитана. На смуглыхъ

лицахъ и теперь не мелькало ничего зла- бѣ. Это не я отѣбѣть имъ: я не былъ вѣщаго: наоборотъ, прежняя привѣтли- бы способъ преодолѣть ихъ дьявольскую вѣсть, несмотря на то, что, взобразившись на корабль, эти нежданнѣе при-

шлось, что наль вимъ невидимо рѣбѣль змысловъ, пользуюсь переговоромъ покровъ святой Дѣвы, и грезиль о по- звигъ, не зная иного выраженія благодар-ности, кроме клятвы—пожертвовать со-бой, если это потребуется для прославле-ния Креста.

Выходъ изъ Александрии отрѣчился недобрымъ событиемъ. «Св. Марія» милювалась въ и только начала понимать, чтобы использовать попутный вѣтеръ, какъ на встрѣчу ей попались двѣ лодки, ужкія и быстрыя, матчи которыхъ

гнулись отъ избытка парусовъ. Тамъ сидѣли смуглые люди и брачали не-посыпанное. Все ближе и ближе подходили лодки и, наконецъ, очутились совсѣмъ

около, подъ самымъ бортомъ, и тогда ста-ли виды смуглыхъ лица,—радушныя, съ привѣтливымъ оскаломъ ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, выдѣлявшихся такъ рѣзко, какъ пѣна на темномъ гребѣ волнъ.

Можеть быть не слѣдовало принимать

Въ Александрии «Св. Марія» брогла этихъ людей? Но вѣдь двое изъ нихъ сами якорь. И здѣсь все было исполнено съ той вскарабкались на палубу, а потому попа- предумѣрительностью, которая не даётся лѣзіи другіе и бросили веревочную лѣст- однимъ холочымъ сознаніемъ долга, а ищу для того высокаго, что суть прозаикъ неожиданно для самого человека на корабѣ, слонъ застыгшій... Безспорно, лѣтка подъ вліяніемъ наитія, будто шелъ ихъ не слѣдовало принимать; надо было

внутри таинственныхъ голоса и откrestи отъ бorta, какъ пристав- ведутъ. Не разъ на берегу Александрии шіе водоросли, чтобы не осквернить. Извѣстно, что

оставляли капитана и, окруживъ его ли христіанскаго корабля. Но борьба ка-

томой, сбивали коварными вопросами, залась безразсудной. Еще слишкомъ неда- ну,—сказаль неизѣстный,—и время не чтобы донескаться правды. Но покровитель легко отошли отъ Александрии, еще виленъ терпѣть. Тамъ напи Богатства и вѣ- ницей его корабля была Святая Марія, а быть дозоръ на ея сторожевыхъ судахъ... напи близкіе, и вѣть мы услышали, что отны церкви напутствовали благословеніе. Иное дѣло, если бы все это произошло въ разбойничьихъ шайкахъ разграбили наши до- ма. Мы заплатимъ тебѣ, сколько хочешь

за этот перебои и не притишил тебе беспокойства.

Неизвестный достал изъ-за пояса золото. Оно сверкнуло въ солнечныхъ лучахъ, и его червленый блескъ, какъ всегда, мелькнулъ альбиносъ отвѣтомъ рѣзыхъ глазахъ людей.

Капитанъ отвѣтилъ:

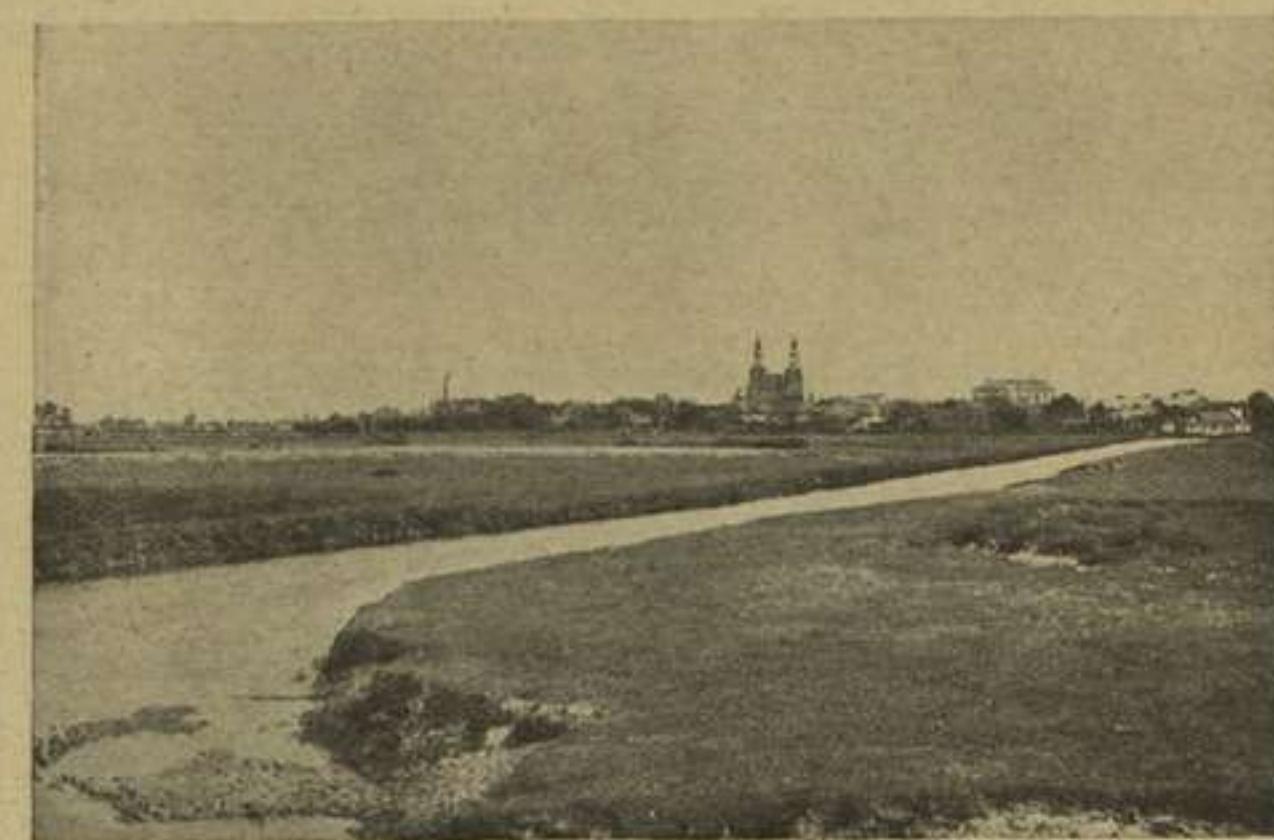
— Нѣть, не возьму съ тебя денегъ, если имущество твоё разграблено и земли—опустошены!

И онъ не взялъ ничего, но съ чензѣніемъ радушіемъ показалъ имъ помѣщеніе, а для знатнаго пришельца отвѣтъ отдельную каюту.

— Твой Богъ вознаградитъ тебя за твою доброту,—говорилъ иноземецъ каждое утро, вмѣсто привѣта, вступая капитана на палубѣ.

II.

Бригантина несла всѣ паруса. Быстро-летная, она обгоняла волны, вскидываясь на ихъ гребни и пѣнила ихъ сильнѣе, чѣмъ вѣтеръ. Позади, на томъ мѣстѣ, где прошелъ корабль, оставалась среди волнъ гладкая полоса, которая кипѣла изнутри изумрудными кругами. А вокругъ этого гладкаго слѣда волны отъ ярості курчавились пѣной, и ясно было, что въ нихъ прибываются силы отъ каждого че-задумали они чудовищное дѣло,—надру-

Рѣка БЗУРА съ видомъ на Ловичъ. Имя этого притока Вислы часто упоминалось въ сообщеніяхъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ Бзура и превышающей 30 саж., глубина ея не доходитъ и сажени. Въ послѣдніе годы существованія Польскаго королевства Бзура была границей между Пруссіей и Польшей.

Паруса съ капитаномъ стоять неизѣдо-мъ, и оба они не были похожи на обычно-венныхъ людей,—и капитанъ съ ясными глазами и длинной сѣдой бородой, и этотъ смуглый чужеземецъ, съ порывистыми движениями, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣвшейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ засторожился. Въ этихъ словахъ незнакомца что-то не ладилось съ его разсказомъ о напавшихъ разбойникахъ. Вѣдь, если онъ вообще опѣшился, при чѣмъ же тогда опредѣленный срокъ, и почему такъ ясно произно-сѣть праздникъ христіанъ?

Поднималась буря и крѣпла среди раздолъ морей, сначала отдельными шквалами, будто пробовала свою силу, а по-томъ совсѣмъ развернулась. Надо было убavitъ парусовъ и мнѣять курсъ почти въ противоположную сторону отъ Палестины. Всі команда, до одного человѣка, работала на-верху. Ночь и день и еще ночь—люди сбились съ ногъ. Откуда только капитанъ бралъ свои силы? Никто не сомнѣвался, что надъ нимъ генеридимо рѣялъ покровъ.

На утро третьего дня къ капитану пришелъ старшій матросъ, блѣдный, какъ вы-ходецъ изъ могилы,—такъ не блѣднѣютъ ни отъ страха передъ бурей, ни даже отъ пред-чувствій смертнаго часа,—и сказалъ, что почью онъ слу-чайко подслушалъ разгово-ры невѣрныхъ и узналъ, что

По не оправдались эти надежды. Вѣ-сомъ. Еще напряженіе, чѣмъ всегда, гатья на Гробомъ Господнемъ въ хри-терь явно падаль, бури утихала. Уже всматривался капитанъ въ движение обла-стянскаго праздника, чтобы ярче воссияла не было непрерывнаго напора урага-ковъ на далекомъ горизонтѣ. Это были слава ихъ пророка, и гаѣкъ была на—онъ разорвался на отдельные шкваль-истинники неба. Теперь они несли тревогу, уничтожена Святая Земля. Что же дѣлать лы, будто разсыпалась чатинутая цѣнь и и спѣшили обжечь небосклонъ, чтобы теперь? Палестина близка, несмотря на большими промежутками разобщилась успѣть предупредить всѣхъ о томъ, что сопротивленіе бури, а праздникъ надви-гается.

— Сколько ихъ въ заговорѣ?—спро-силъ капитанъ.

— Неизѣчно! Можетъ быть всѣ...

Капитанъ испачкалъ, ошеломленный. Эта рѣчь. Онъ поставилъничтожные пару-омуглый чужеземецъ, съ порывистыми движени-ями, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Капитанъ испачкалъ, ошеломленный. Эта рѣчь. Онъ поставилъничтожные пару-

омуглый чужеземецъ, съ порывистыми движени-ями, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣяла са, чтобы замедлить ходъ «Св. Марія», по движени-ямъ, какъ будто всегда натирались. Бѣлки его глазъ минутами гигантски плацались, а въ блескѣ зубовъ было своеобразное благородство хищника.

Оба смотрѣли въ помутнѣющейся гори-зонтъ, чувствуя, какъ усиливается крѣпъ корабля.

Это задержить пашь путь,—сказа-лъ чужеземецъ, гигантъ мотнувъ головой по направлѣнію дали.

И, помочивъ немнога, обронилъ въ за-дунчивости, про себя:

— Сегдня ночью мы должны быть въ далеко отъ береговъ Палестины.

Капитанъ рѣшился на послѣднюю хѣ-тъ, соображая, что штурмъ такъ счаст-тъ, устроивъ новость сразу разсѣ

«АТА А НА БАТАР.Ю».

ной награды за одну пренесенную сдвигались корабли. Тьмъ яснѣ станови зловѣцій силуэтъ, который сопутствовалъ зоси, что на встрѣчномъ суднѣ нѣть ни- обреченному судну и отходилъ отъ него залъ пораженный капитанъ своей коман-

дѣлью, перелетая изъ края въ какой тревоги, хотя клубы бураго дыма только при приближеніи «Св. Марія». Но лѣ... видите знаменіе?

Цѣлую недѣлю, вырываясь изъ его лѣбу, заволакивая зѣты, около клубившагося корабля не вид- для нея ни бурь, ни затишья, ни вѣромѣти старого капитана. Обыкновенно около въ отдаленіи и, очевидно, не предчувствовали, какъ она переста- вороты или шла напрямикѣ среди отмѣ- лей, где вода кипѣла, разбиваясь объ сѣдловинѣ, скользя сколь- ость рифы; былъ такъ чудесенъ сколь- солнечныхъ лучахъ, какъ тѣлья, въ безгѣт- пору, когда морская гладь застыла, а въ дни урагана такой жуткой казалась эта полная парусность, глумившая надъ яростью стихіи! Но наступалъ часъ, и «Св. Марія» возвращалась къ берегамъ Палестинѣ, къ тому мѣсту, где была ея усыпальница, и снова слышалось словословіе, изъ началь четкое, а потомъ все глупше и глупше, будто одинъ за другимъ наростили надъ пѣскопѣней сковы скелена.

Многіе рассказывали о своемъ дивномъ спасеніи. Говорили о томъ, что гибель была неизбѣжной, но появился, неиздомо откуда, таинственный корабль и оставав- ливался около мѣста крушения, не спуская паруса. На его палубѣ почти всегда царилъ молчаніе, какъ въ первыи, только изредка капитанъ отдавалъ приказанія. Матросы не вступали въ бесѣду, но иногда они внимательно вслушива- лись въ разговоръ, улавливая звуки род- ного языка, и по этимъ отрыжкамъ узнавали изъ года въ годъ, что было перекито міромъ.

IV.

Протекли вѣка, измѣнилась жизнь моря. На встрѣчныхъ корабляхъ уже давно не попадались ополченія рыцарей, покинувшихъ родину, чтобы обагрить свою кровью Святую Землю въ борьбѣ съ не-ѣрѣнми. Ничего не осталось отъ былого экстаза, полнила жизнь, поблекли сами люди, но зато съ каждымъ вѣкомъ они порабощены стихіи. Однѣ разъ капитанъ «Св. Марія» увидѣлъ, что вдалекъ, за горизонтомъ, показался густой дымъ. «Пожаръ»,— мелькнуло въ его мысляхъ и онъ круто повернулъ руль и ринулся на помощь, зная по опыту, что нѣть ничего страшнѣе морского пожара. Но тѣмъ ближе

долго онъ держалъ курсъ «Св. Марія», вблизи чудескаго корабля и, когда отошелъ, сказалъ командѣ:

— «Люди что-то придумали, но какъ бы ни были могучи ихъ замыслы, они могутъ покорить только землю».

Въ слѣдующіе годы дымъ пароходовъ уже не вызывалъ изумленія среди коман- ды «Св. Марія».

Двигалось время... Жизнь становилась суровѣе и мельче, но еще величествен- нѣй казался мѣръ—созданіе Бога, по срав- ненію съ убогимъ творчествомъ людей. На небѣ по прежнему замигали факелы. Предѣльного, и никто не былъ въ силахъ превозмочь ихъ таинственного блеска; мол- піи разыскали побоюводъ, а сѣверное сияніе разукрашивало его узорами изъ тихаго зеленоватаго сѣта, и опять никто не дерзнулъ бы посчитать на эти переливы небесныхъ огней. Да и само море еще оставалось тѣмъ же своеобразнымъ и вѣчно не- покорнымъ,—только буревѣстники не боялись его пучинъ, а для людей оно всегда готово было раскрыть свои темно-синія безины.

Въ который разъ вставала со дна мора «Св. Марія» и вѣгла надъ собою ясныя зѣты? Поднимется, содрогнется, мигнуту постоитъ въ первѣнствѣ и затѣмъ увѣ- ренно направить свой бѣгъ. Такъ было въ этотъ разъ. Още шла теперь въ при- брежной полосѣ большого материка, на которомъ вырасталъ опинъ горючъ за дру- гими, и люди утратили грани между ночью и днемъ въ безумномъ стремлѣніи къ ко- ристи. Отъ плавильныхъ печей и силь- наго свѣта по почамъ стояло зарево, а шумъ непрѣрывной работы тревожилъ себѣ отыхавшихъ.

Смотрите въ ту часть неба,—сказ- жертву.

«Какъ странно»—подумалъ капитанъ, «какъ странно служилъ предѣстникъ гибели. Даже зазорожденный кевидакиный зѣблицемъ,—такъ,—стѣнами говорить небо»...

И они были взъюнчаны чудомъ. Вы- видѣли зѣты, окроуко въ небѣ, на облакахъ появились огромныи буквы, складывая невѣдомыя слова.

«Счастливые, — прошепталъ капи- танъ, — почему они не несутъ парусовъ, а По ему недолго пришло любоваться зна- узнавать идуть такъ же быстро, какъ въ штормѣ? мѣсѧть, посланные свыше,—какое-то

Геройская смерть командира роты шт.-кап. ПУРЦЕЛАДЗЕ, 29 ноября.

Ориг. рис. А. Прокопьевского

Январь
1914. г.

Февраль

«Дурацкое»
событие

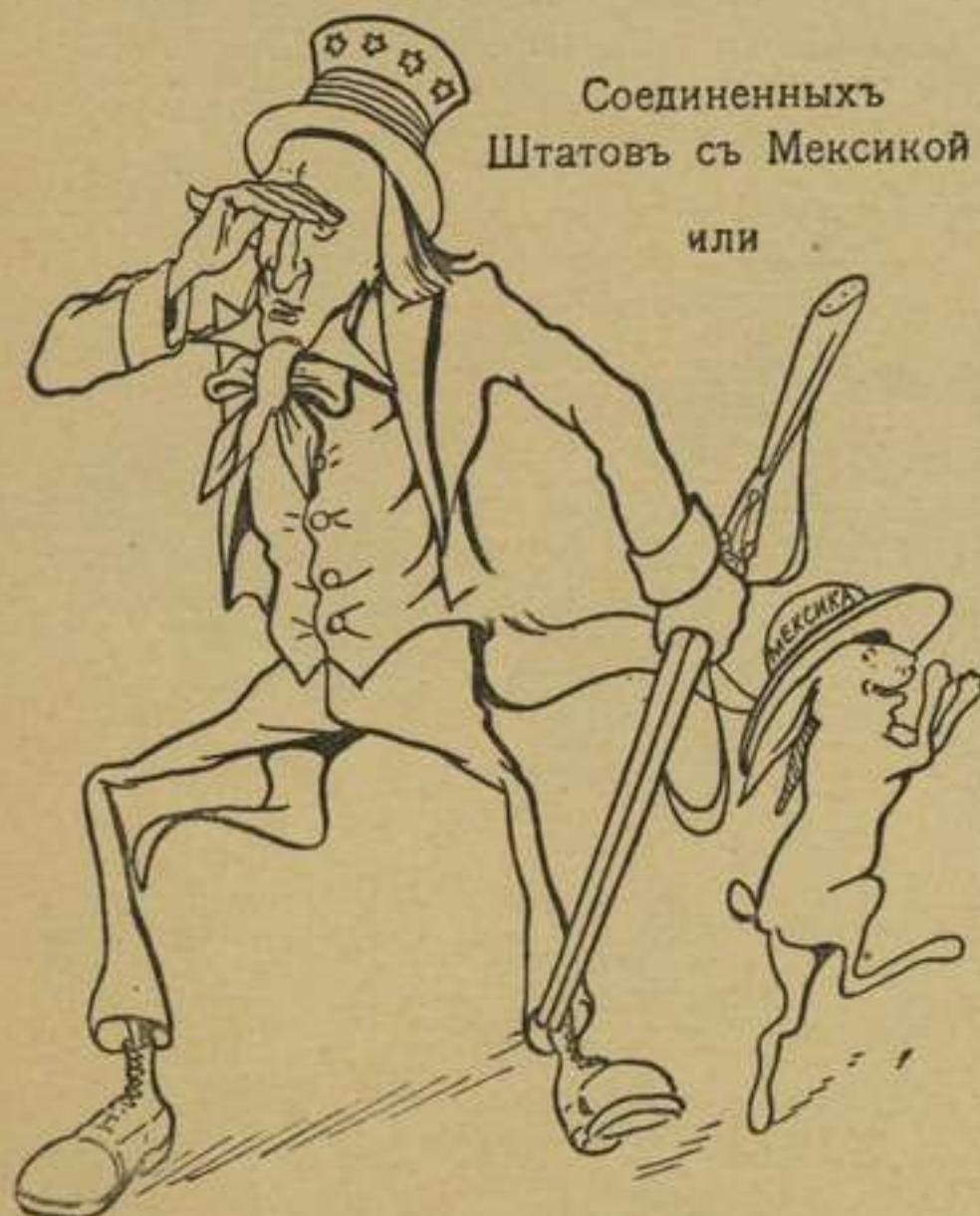
Мартъ

Поднятая Берлинскими
газетами кампанія
противъ Россіи
произвела на послѣднюю
колossalное впечатлѣніе!

Торжественное вступленіе принца Вида
въ столицу Албаниі.

Апрель

Война

«Дядя Самъ» на охотѣ

Май

Лѣтнія моды.

Послѣдняя новость:
dessous, выдуманныя
немками

Іюнь

Англійские гости
въ Петроградѣ.

Утренній визитъ,
сдѣланный англійскими моряками въ
Городскую Думу, засталъ нашихъ
«отцовъ города» нѣсколько неготовыми.

Іюль

Нашествие гунновъ.

Августъ

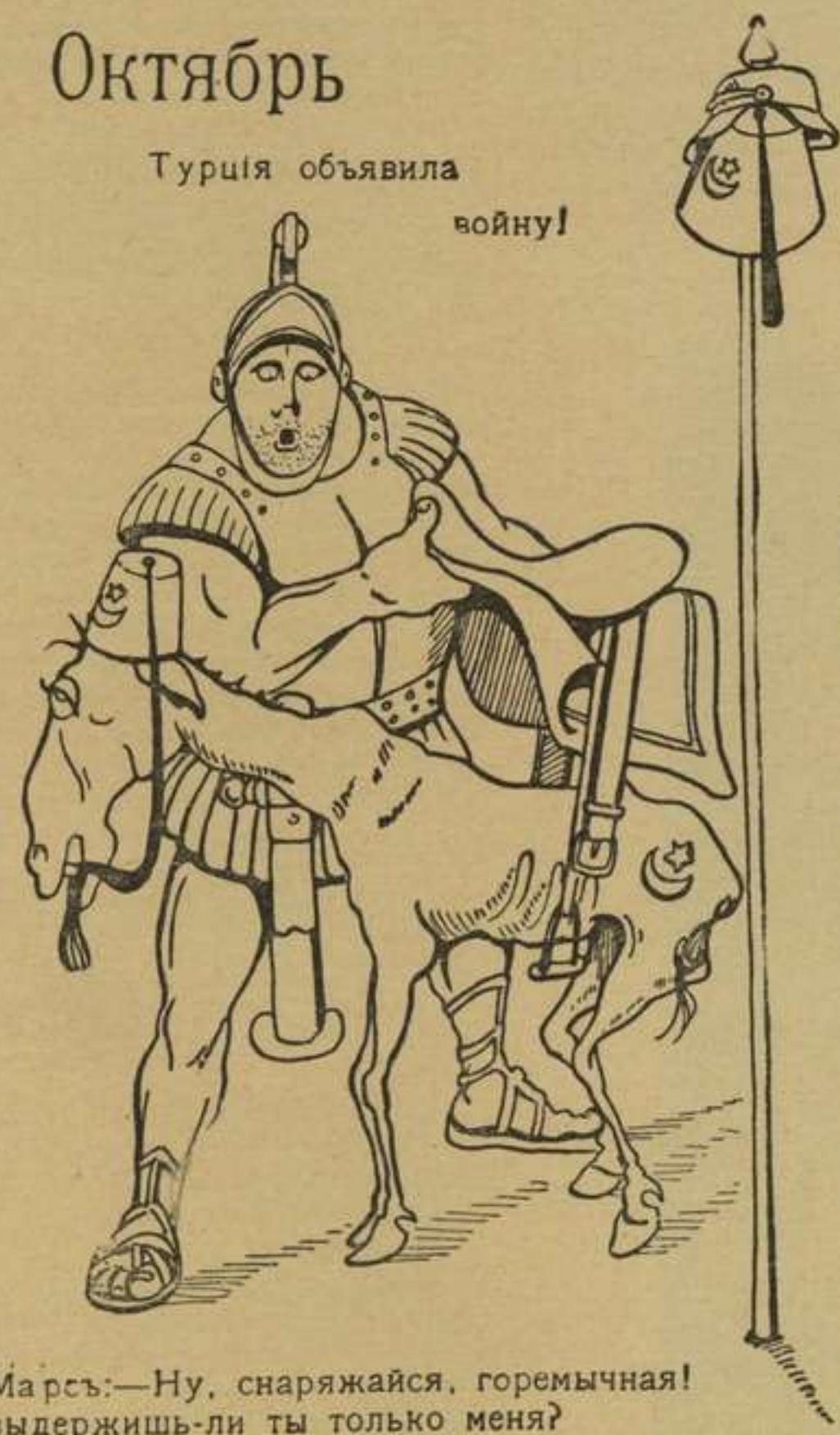
Отчаянный флиртъ
Нѣмца съ Турцией

Сентябрь

Не рѣшаясь открыто примкнуть
къ Европейскому концерту, Италия
и Румынія отдельно подъ сурдинку
наигрываютъ чувствительную мелодію
на слова «Когда бъ я зналъ!»

Октябрь

Марсъ:— Ну, снаряжайся, горемычна!
выдержишь ли ты только меня?

Ноябрь

Сколько взять?

Декабрь

судно по близости терпело крушение и сты поспешили к нему, едва спасение. Всех удалось подобрать. Это была разномленная толпа, покинувшая свои родные страны, чтобы поискать счастья в новой земле. Они говорили ба разных языках, спакала о крушении, а потом—когда спокойно посмотрели вокруг—объягненной рекламы на небо.

Капитан был удручен, понявши чистое значение сказанных слов:

— Неужели въ погонѣ за золотомъ добрались до неба и осмыслили его корыстными цѣлами?

Командѣ оѣтъ сказать:

— Все равно! Пусть упиваются своимъ могуществомъ, море будетъ разбивать ихъ корабли, какъ всегда!

V.

Прошли еще годы, и человѣкъ уже посыпалъ надъ морями, вольный, какъ птица. Бушующее море глухо ревѣло гдѣто внизу и вздымало безвредныя волны. Капитанъ согнулся подавленный:

— «Они вѣсельныы, ижь нѣть препрѣда, они доберутся до моря и наѣргаются наѣть его угрозами!»

Въ отчаяніи онъ ухватился за послѣднюю надежду:

— Надъ ними всегда витаѣтъ смерть, а съ нею они никогда не посмѣютъ шутить!

Быть зимний солнечный день, первый ясный день послѣ долгаго ненастя. «Св. Марія» склонно, ничего не предчувствуя, крейсировала около береговъ одного изъ сѣверныхъ морей, когда нендалекъ надъ какимъ-то кораблемъ вспыхнуло пламя и неистово забушевало.

Что же значило, что и на этотъ разъ было видно черного призрака? Старый капитанъ переставалъ понимать окружающее... Люди метались и, охваченные смертельнымъ ужасомъ, искали спасенія въ морскихъ волнахъ; даже дѣти бросались въ воду,—ихъ головы то погружались, то вновь выплывали, и вся эта судорожная борьба говорила обѣ упавшихъ силахъ, обѣ изнеможеній. Не было сомнѣнія, что нуженъ-ли теперь миру подвигъ смерть соберетъ богатую жатву.

«Но почему иѣть призрака,—думалъ капитанъ,—и почему погибающіе не плавутъ къ берегу, который такъ близко?»

Опѣ взглянула на берегъ. Тамъ стояло много людей, но никто не обнаруживалъ тревоги.

«Надо действовать»,—сказалъ капитанъ и отдалъ распоряженіе подойти вплотную къ торжественному судну.

Повидимому это памѣрепе разгадали на берегу и взволновались, показывая жестами, чтобы «Св. Марія» не уѣхала ихъ дѣлу. Вскорѣ съ берега отчалилъ катеръ, пытавшися объяснить капитану смысла всего происходящаго, и капитанъ действительно уловилъ самый важнѣйший выводъ: все это нужно для зрелица. Съ этой целью взяты и дѣти.

«А какъ же ихъ матери?» — хотѣлъ онъ спросить, но смолчалъ и отдалъ приказаніе идти къ берегамъ Палестины.

По пути онъ говорилъ командин:

— Люди не пощадили даже смерти,—самаго таинственнаго и страннаго, что только есть въ ихъ судьбѣ. Изъ предсмертнаго часа они сѣѣли забаву и смеются наѣть угрозами моря; иѣть уже для нихъ ничего святого, все поругало. Они опоминаются, если смерть будетъ еще беспощаднѣе.

И онъ невольно вспомнилъ о томъ зловѣшемъ призракѣ, который, какъ погребальная тѣнь, появлялся около гибнущихъ. Кто же благотвориѣ взігаетъ на міръ: «Св. Марія», когда оттоняется ужасъ и посогѣтъ спасеніе, или тотъ, темный, который искажаетъ лица пресмертной судорогой и не уступаетъ самымъ горячимъ мольбамъ?

Капитанъ не долго думалъ надъ отвѣтомъ:

— Только тотъ нуженъ... Онъ одинъ, и никто больше! Пусть сгущается пред-

по слѣдамъ германскаго нашествія.

Деревня Монсо (деп. Марны), сожженная «на всякий случай» Нѣмцами.

смертьное томление, пусть без помощнѣе
лечутся люди отъ ужаса, и только тогда
отвыкнутъ искать забавы въ неисповѣдимыхъ таинствахъ».

Впервые за долгѣ вѣка подвигъ спасенія показалъ вреднымъ для міра.

— Будемъ просить Всемогущаго,—
сказалъ капитанъ съ нескрываемой
скорбью,—чтобы «Св. Марія» не приходила къ людямъ на помощь...

Истекли святые дни, и наступила
часть отдыха. Звѣзды переливались ти-
хими огнами, къ борту «Св. Марія» ка-
тилась волна. Снова послышалось слаженое
словіе, но, погружаясь въ морскія глубины,
подвижники не знали, суждено ли имъ
быть вспомнить. Не знали даже, Я не отдаю за счастіе прежнихъ дней!

Борисъ Демчинскій.

Я бѣ не хотѣлъ вернуть назадъ былое,
Все пережить—иначе и сѣѣтъ,
У старой скорби жало вынуть злое,
Полнѣтъ любить и чувствовать светлѣй.
Мнѣ такъ ясна ошибкѣ неизбѣжность,
Мнѣ такъ понятна линія судьбы!
Но далека отъ сердца безнадежность:
Я жажду вновь волнующей борьбы.

Илья Тхоржевскій.

У разрушенной фермы.

Бѣлая Дама Гогенцоллерновъ.

Старая легенда о Бѣлой Дамѣ—тайно появляющейся въ стѣнахъ берлинскаго дворца предъ какимъ-либо несчастью, угрожающимъ династіи, просуществовала несолько вѣковъ и, не взирая на весь скептицизмъ 20-го вѣка, продолжаетъ быть популярной въ Германии.

Въ Берлинѣ, въ концѣ аллеи подъ Липами, возвышается огромный, около полукилометра въ окружности, Старый Дворецъ.

Онъ былъ сооруженъ въ 1699 году первымъ королемъ Пруссии Фридрихомъ I, стремившимся всю свою жизнь къ одной цѣли: затмить Версаль и превзойти «Бурголя-Солице» въ роскоши и великолѣпіи.

Въ тѣ времена Берлинъ представлялъ грязный, громадный городокъ, затерянный среди плоской и пыльной равнины, омываемой мутными водами незначительной Шпрее. Дворецъ, какъ исполнить, занималъ надъ одноэтажными заколоченными строеніями резиденціи первыхъ Гогенцоллерновъ.

Изъ дворцовыхъ сооружений особенно известна «башня подъ зеленымъ куполомъ». У этой башни свое стопія. Во времена Фридриха «Желѣзный Зубъ» изъ одной изъ комнатъ башни находилась мрачная «Мадонна Инквизиціи», перенесенная вслѣдствія въ Нюренбергскій Дворецъ.

Эта статуя—полая внутри—открылась на подобіе шкафа и внутреннія стѣны ея усыпаны были острыми лезвіями. Когда военный судъ, дѣйствовавшій въ ту эпоху безпрерывно въ Берлинѣ, не находилъ достаточныхъ уликъ для того, чтобы предать подсудимаго публичной казни, его приводили къ статуй Мадонны.

— Благодарите Богоматерь!—говорили несчастному, и, послѣ краткой молитвы, его вталкивали внутрь статуи и плотно закрывали за нимъ двери. Острые ножи впивались во все тѣло жертвы, умиравшей въ страшныхъ мученіяхъ.

По преданию «Бѣлая Дама» избрала своей резиденціей именно мрачную башню, и отсюда она появлялась въ роковые для Гогенцоллерновъ дни, проходила легкой въ прозрачной тѣнью по всемъ покоямъ Старого Дворца.

Кто же она, эта Бѣлая Дама? Существуетъ несолько версий этой легенды. Три наиболѣе популярны.

По одной изъ нихъ Бѣлая Дама—дѣвушка изъ народа, Анна Сильва, прекрасные глаза которой погибли въ 16-мъ вѣкѣ Иоахима II.

Этотъ владѣтельный принцъ разорился въ прихоти своей возлюбленной и, въ концѣ концовъ, обратился къ содѣстїю алхимика Филопоуса Филарета, взывшагося при помощи «философскаго камня», дать Иоахиму 300 миллионовъ золотыхъ талеровъ. Но философскій камень не помогъ, и пришлось обратиться къ болѣе простому и вѣрному средству—выкликать необходимыя суммы изъ народа, обременить его огромными налогами.

Преемникъ Иоахима, Иоаннъ-Георгъ, заточилъ Анну въ замокъ Шландау, где она и умерла.

Народное предание гласить, что ея душа, не находя себѣ покоя, поселилась въ пыльномъ дворѣ Берлина, сохранивъ и послѣ смерти тяготы къ великолѣпію и непавицѣ къ Гогенцоллернамъ.

По другой версіи, Бѣлая Дама—дѣвушка графиня Агнесса Орламундъ, которую увлекся маркграфъ Альбертъ Красный—одинъ изъ первыхъ Гогенцоллерновъ. Маркграфъ имѣлъ неосторожность однажды сказать своей возлюбленной: «Я женился бы на тебѣ, если бы между нами не было двухъ паръ глазъ». Графиня приняла эту фразу за намекъ ей, что Альбертъ отдаляетъ отъ нея ея

двоих детей от первого брака. Движимая честолюбием, она не задумалась умертвить их самым злодейским образом, вонзив в головы детей длинные шпилки.

Впоследствии выяснилось, что маркграф имел в виду своих родителей; графиня сошла с ума, терзаемая раскаянием. Душа ее обречена на вечное скитание по резиденции Гогенцоллернов, ради одного из которых она не задумалась пред страшным злодейством.

По третьей версии Белая Дама—душа той женщины, которая служила моделью для арочной «Мадонны Инквизиции». Судебою ей предрешено преследовать потомков жестокого Фридриха-Железного Зуба, и исчезнет она из залы Старого Дворца лишь тогда, когда последний представитель Гогенцоллернов лишится престола и сядет в ряды незаметных дворян Германии.

Каково бы ни было происхождение Белой Дамы, какъ бы ни создалась легенда, по Белая Дама для германцев—не легенда, а действительность. Указывали сотни лицъ, видѣвшихъ ее, да и среди современниковъ найдется немало, готовыхъ подъ клятвой утверждать, что они видѣли Белую Даму въ мрачныхъ коридорахъ или пустынныхъ залахъ Старого Дворца. И каждый разъ, когда какое-либо несчастье насылается надъ Гогенцоллернами, въ народѣ таинственно шепчутся: «А что, вы не знаете, видѣли ли «ее»?

«Она» двигается неслышно и безшумной тѣнью, не причиняя зла тѣмъ, кто попадается на ее пути. Но горе, если найдется смѣльчакъ, который решится окликнуть ее! Старые слуги дворца рассказутъ, какъ въ XVIII вѣкѣ одинъ дерзкий паж подошелъ къ Белой Дамѣ, обнялъ ее за талию, и насмѣшилъ спросить:

— Куда вы спѣшите такъ, прекрасная лада?

Она дотронулась до его логовы ключомъ, открывающимъ ей все 600 дверей Старого Дворца, и паж упалъ мертвымъ!

«Белая Дама» неоступно слѣдуетъ за Гогенцоллернами. Пока они жили въ старомъ деревянномъ дворѣ, она скользила по его низкимъ комнатаамъ, когда они выстроили себѣ новую великолѣпную резиденцию,—она немедленно послѣдовала за ними!... И легенда о «Белой Дамѣ» передавалась въ теченіе вѣковъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, прочно основалась на берегахъ Шпрее, берлинцы склонились и сроднились съ нею.

Во всей истории «Белой Дамы» есть лишь одинъ случай, когда появленіе ея объяснялось самимъ прозаическимъ образомъ: это было передъ смертью первого короля Пруссии Фридриха I, когда въ 1701 году потомокъ мелкаго таможеннаго чиновника, родоначальника Гогенцоллерновъ, одѣлъ на свою голову королевскую корону.

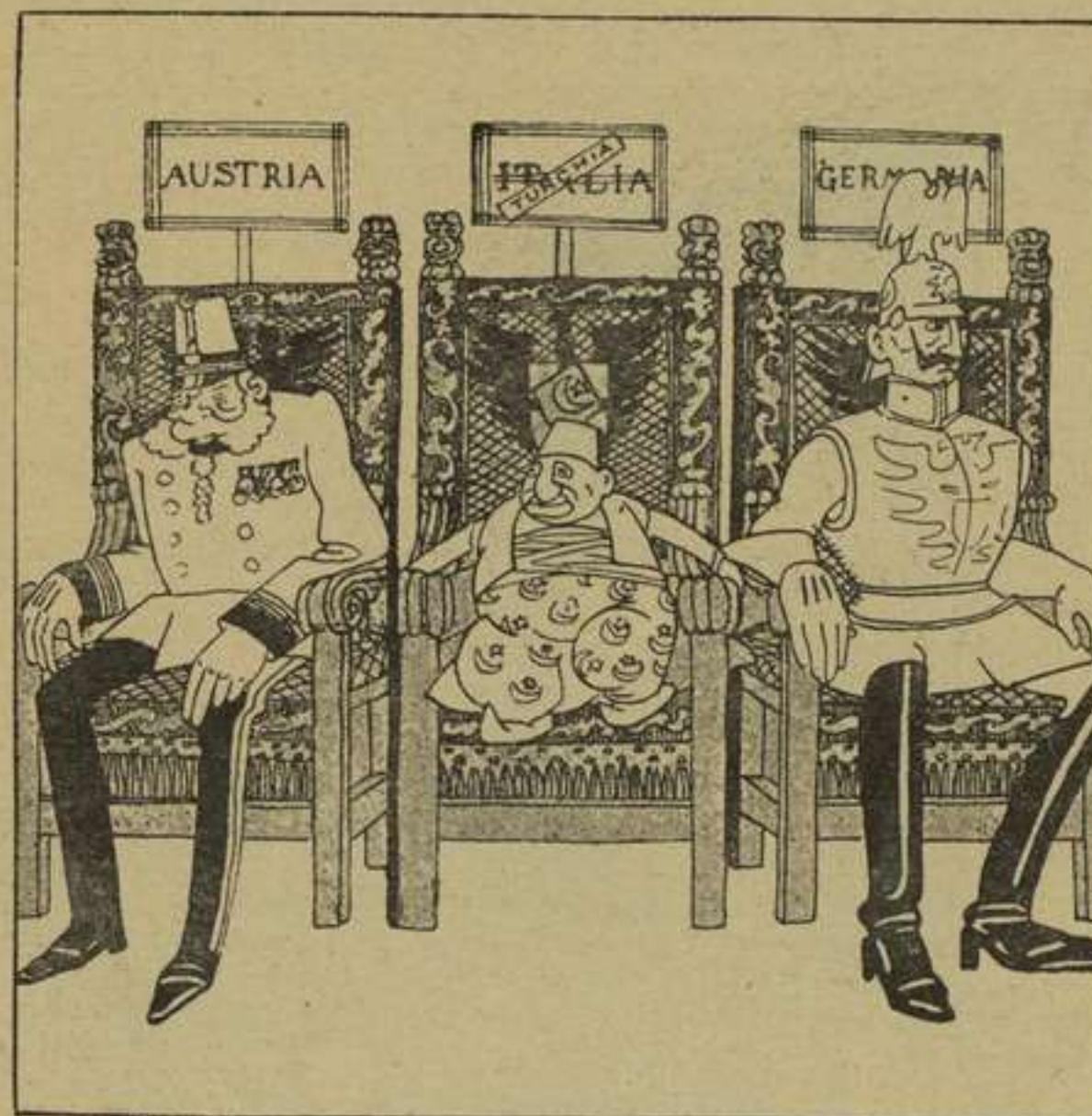
Ни одна изъ великихъ державъ не признала нового короля, и Фридрихъ I уѣхалъ въ постигшемъ его одиночествѣ тѣмъ, что намѣревался ослѣпить мѣль своимъ великолѣпiemъ, и въ глубинѣ души онъ сомнѣвался, что затмевалъ «Короля-Солнце».

Фридрихъ I былъ женатъ дважды. Въ первый разъ на Софи-Шарлоттѣ Ганноверской, образованной и талантливой принцѣ, насчитывавшей среди своихъ друзей знаменитаго Лейбница. Она искренно презирала своего мужа, называла его клоуномъ и шутомъ, и рѣшительно отказалась принимать участіе въ пышныхъ, но безвкусныхъ празднествахъ двора.

Послѣ смерти Фридрихъ быстро уѣхалъ, довольный, что судьба убрала съ его дороги эту неподходящую подругу жизни, отказавшуюся украсить своимъ живымъ умомъ новоиспеченный королевский дворъ.

Начались поиски второй супруги, и вы-

ЗАМѢСТИТЕЛЬ.

Троєчинный союзъ,—пересмотрѣнныи и дополненныи.
„Numero“, Туринъ.

Королева шла изъ набожности въ ханжество, окончательно разстроила свои первы и, въ концѣ концовъ, сошла съ ума. Историки Гогенцоллерновъ передаютъ слѣдующимъ образомъ конецъ ее жизни:

Фридрихъ I заболѣлъ почти одновременно со своей супругой, и врачи заботливо скрывали отъ него безуміе королевы. Но однажды королева, будучи въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи, вырвалась изъ своихъ покоя и побѣжалъ по галереямъ дворца. Въ одномъ изъ залъ она разбила ударомъ кулака зеркало и побѣжалъ въ комнату короля стъ окровавленными руками, въ разызывающихъ бѣлыхъ одеянияхъ.

Король спалъ, и ея появление разбудило его. Безумная набросилась на него съ ударами и проклятиями. Сѣжившіе офицеры съ трудомъ освободили короля изъ цѣлихъ объятій сумасшедшей. Переизжитое потрясеніе было роковымъ для короля; онъ произнесъ только: «Я видѣлъ белую женщину и умру», и упалъ въ забытье.

Действительно, отъ умеръ къ вечеру слѣдующаго дня. Это былъ единственный случай, когда Белая Дама оказалась реальнымъ существомъ.

Нѣть указаний на то, видѣла ли его преемникъ Фридрихъ-Вильгельмъ фамильный призракъ передъ смертью. Впрочемъ, онъ пынялся въ дни и ночи, и поэтому вѣрь ли сохранилъ, очнувшись, воспоминанія о бредовыхъ явленіяхъ, вызванныхъ парами сина.

При Фридрихѣ II «Белая Дама» также не появлялась ни разу. Съентицескій другъ Вольтера презиралъ женщинъ и развлекался лишь въ обществѣ своихъ барабанщиковъ. Къ тому же, отъ умеръ неожиданно отъ неспаренія желудка, обѣявшись бифштексомъ, и омарами, а это мало благоприятныя условія для появленій поэтической тѣни изъ потусторон资料.

Зато при послѣдующихъ короляхъ фамильный призракъ вполнѣ извергъ по терпимое время, и «Белая Дама» продолжала тревожно скользить по безмолвнымъ заламъ Старого Дворца. Даже императоръ Вильгельмъ I, победитель 1870 года, терялся въ жизни этой тревожной и загадочной легенды.

Однажды почт., въ сопровожденіи своего здѣшнаго, онъ обошелъ всѣ залы дворца, не видѣвъ призрака. По этому поводу Берлинцы довольно немочитительно острили: «караульные видѣли императора, но духа не видѣли».

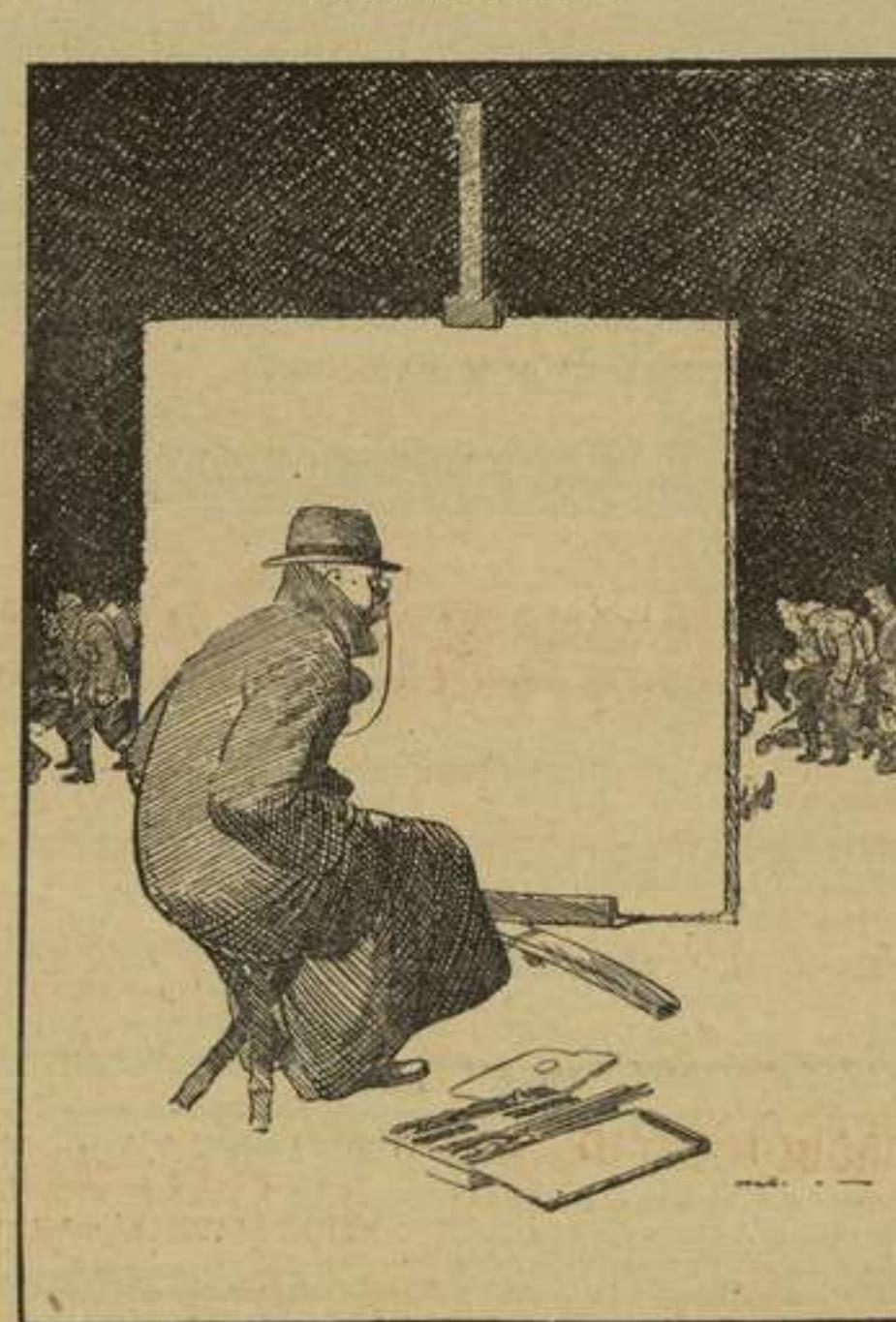
И въ послѣдніе тревожные дни, когда «кровавый императоръ» привелъ Германию на край пропасти, не одинъ Берлинецъ тревожно спрашивалъ себя, пытливо глядя на темныя окна зеленої башни, когда сумерки тихо спускаются надъ мутными водами Шпрее: «а что, не видѣли ли «ее», сегодня во дворѣ?...

Гимнъ эзиру.

Нѣмцы передъ атакой возбуждаютъ себя эзромъ.

Эзиръ—волшебникъ: онъ въ героевъ и ландштурмистовъ претворять; Онь, вражью рать въ очахъ удвоивъ, Героя въ битвѣ съ ногъ валить, И, видя пынныя гримасы, Услышавъ дикій, хрюпій вой, Сыны славинской «рабской расы», Поймутъ: Эзиръ понесся въ бой! Несисъ же, «вольный сынъ эзира», Пріемъ, о богъ, тебѣ готовъ, И мрачно грянетъ въ честь Эзира Финаль изъ «Гибели боговъ»...

И. Пересильдовъ.

Знаменитый нѣмецкий художникъ «Іоганнъ фонъ-Картофель», официально приглашенный сопровождать нѣмецкій войска, чтобы запечатлѣть на погонѣ ихъ побѣды.
„Bystander“, Лондонъ.

* Игра словъ: Gieser по-нѣмецки «духъ» и «умъ».

Книги, поступившие в редакцию.

В. ИПАМОННИЧЬ. На погребь (стихи). Петроградъ. 1915 г. Стр. 47. Ц. 40 к.

А. РАКИНСТАРЬ. Отклик оружия по поводу общеевропейской войны 1914 г. Выпуск II. Петроградъ. 1914 г. Стр. 48. Ц. 50 к.

МИЛЛ СТРЕМИНЬ. Звонарь Реймского собора. Лирико-драматическая поэма. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 16. Ц. 30 к.

КЛОД ФАРРЕНЬ. Корсаръ из Сент-Мalo. Переводъ Е. Преображенской. Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 314. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮДМИЛА ТРУБИНИНА. Юристка. Изъ жизни птической студентки. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

М. ЖЕРЛИЦЫНЬ. Кольриджъ и английский романтизмъ. Одесса. 1914. 8°. Стр. XII+300. Ц. 2 руб.

С. Н. КРИВЕНКО. М. Р. Салтыковъ. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. Издание 3-е, съ шерто-литографией М. Е. Салтыкова и предисловиемъ и привѣтствіемъ А. Югорского. Петроградъ. 1915 г. Стр. IX+105. Ц. 10 к.

П. А. ДЬВИНЬ. Философия преподаванія родного языка. Выпускъ I. Основные положенія. Издание автора. Петроградъ. 1914 г. Стр. 68. Ц. 50 коп.

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. М. Ю. Лермонтовъ. Къ 100-лѣтию со днія рождения великаго поэта. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 141. Ц. 90 к.

А. ДАВЫДОВЪ. Научные доказательства наименія личного безмерія. Опытъ теории физико-механического построения духовного организма. Москва. 1914. Стр. 179. Ц. 1 р.

М. Н. ЕРШОВЪ. Проблема Богопознанія изъ философіи Мальбранши. Казань. 1914. 8°. Стр. 228. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Д. ЧЕЧУЛИНЬ. Римская исторія, изложенія по Моммезу. Съ портретами Моммеза и Юлия Цезаря и узелателемъ личныхъ имёнъ. Изд. 2, кн. А. К. Горчакова. Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 387+ХII. Ц. 1 р.

А. МОРСКОЙ. Военная мысль Ростр. Предсказания ген.-ад. А. Н. Куропаткина и ихъ критика. Гр. С. Ю. Битте. Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 228. Ц. 1 р. 25 к.

А. С. РЕЗАНОВЪ. Иламенія любви (сборникъ изъ второму изданию). Издание М. А. Суворина. Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 224. Ц. 1 р.

Д. Н. БОРОДИНЪ. Исторический очеркъ русской адвокатуры (отъ 50-лѣтия присяжной адвокатуры). 1864—1914 гг. Часть I. Петроградъ. 1915. 8° Стр. 101. Ц. 1 р. 50 к.

Б. ИПХАНИНЪ. Экономическая и общественные основы армяно-грузинского антагонизма. (Контртистический анализъ). Изд. Книжн. маг. Гуттбергер № 85. Тифлісъ. 1914. Стр. 91. Ц. 40 к.

П. Ф. КАПТЕРЕВЪ. Исторія русской педагогіи. Издание второе, пересмотренное и дополненное. Петроградъ. 1915 г. Стр. XXI+746. Ц. 3 р. 25 к.

ЕГО ЖЕ. Новая русская педагогія, ея главнейшія идеи, направления и дѣятельн. Изд. второе, дополненное. Петроградъ. 1914 г. Стр. 211.

А. П. МЕДВѢДКОВЪ. Педагогика для самообразования, школы и семьи. Изд. Я. Башмакова и К. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. VI+362. Ц. 1 р. 25 к.

М. С. УВАРОВА. Школьная гигиена. Краткий курсъ для учителей начальныхъ училищъ. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 120. Ц. 75 к.

И. М. ГОЛЬДШТЕЙНЪ. Германскіе спидиаты и русскій экспортъ. Москва. 1914. 8°. Стр. 64. Ц. 60 коп.

Г. С. ВОЛЬТКЕ. Новый юридический судъ. Ч. II. Сборникъ уголовныхъ законовъ и установокъ, применяемыхъ въ мѣстномъ судѣ. Изд. Г. С. Вольтке. Петроградъ. 1915 г. Стр. XXVIII+773. Ц. 2 рубля.

С. И. МИНИЛОВЪ. Периодические и конченные десятичные дроби и дѣятельн. надѣльны. Сиб. 1914. Стр. 44. Ц. 45 к.

М. И. ФРИДМАНЪ. Винная монополія. Т. I. Винная монополія въ иностраннѣхъ государствахъ. Сиб. 1914. Стр. XII+648. Ц. 8 р.

А. П. ПАВЛОВЪ. Геологический очеркъ окрестностей Москвы. Пособіе для экскурсій. Съ 68 рисунками. Второе, дополненное издание т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1914. Стр. 111. Ц. 50 к.

А. Ф. ДОБРОХОТОВЪ. Овцеводство въ крестьянскомъ хозяйстве. Практическое наставление къ разведенію и содержанию овецъ примѣнительно къ условиямъ крестьянскихъ хозяйствъ. Съ 24 рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девренія. Сиб. 1914. Стр. 89. Ц. 25 к.

И. И. КОРАБЛЕВЪ. Кормление пчелъ и приготовленіе кормовъ. Какъ приготовить корма. Когда, какими кормами и какъ слѣдуетъ кормить пчелъ. Съ 18 рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девренія. Сиб. 1914. Стр. 32. Ц. 25 к.

А. ВИНТЕГАЛЬТЕРЪ. Практическій курсъ природоподѣлки. Часть II. Книга для преподавателей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1914. Стр. 137. Ц. 50 к.

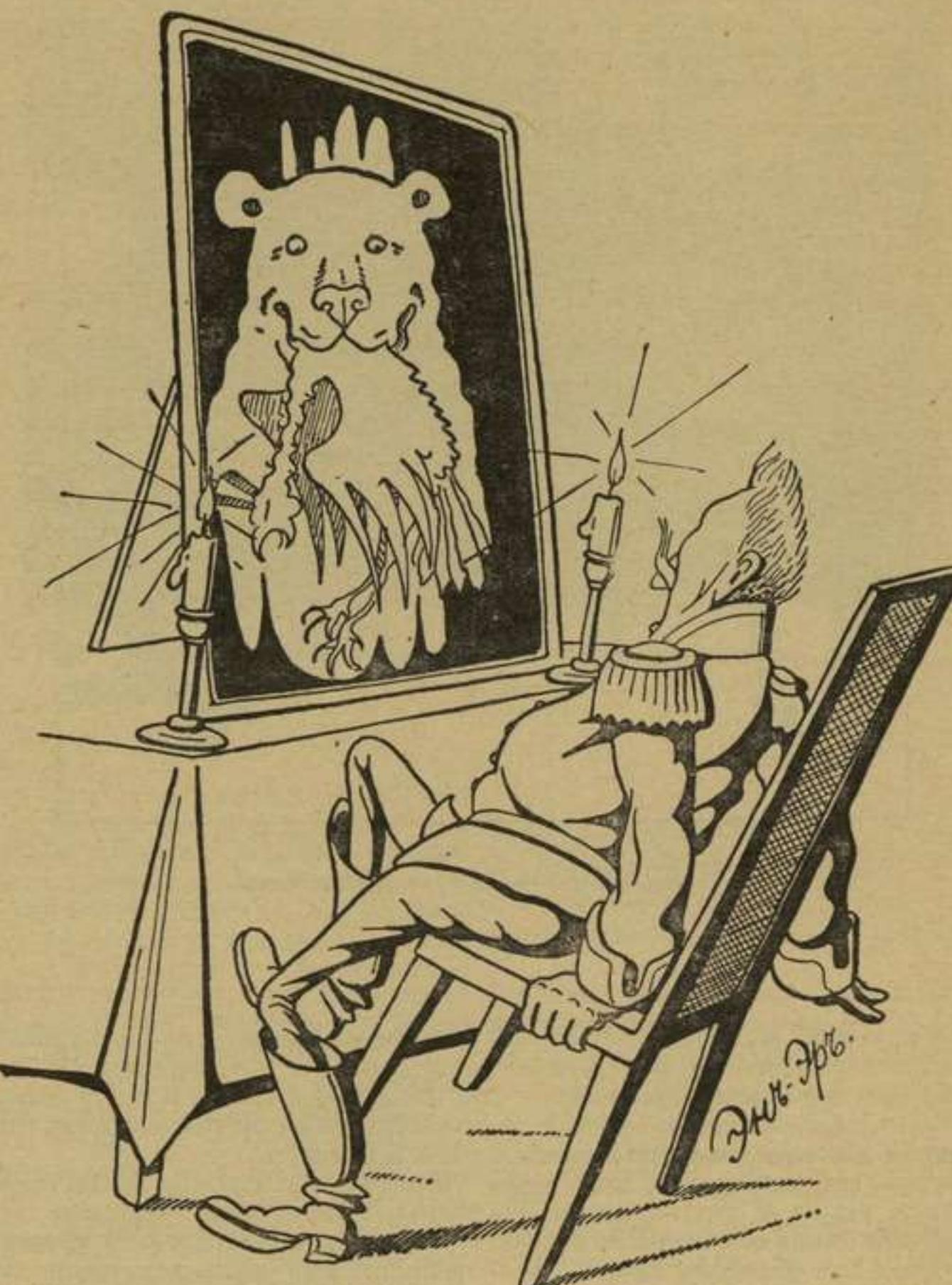
М. ПАУЛЬМАНЬ и Р. БЛАУМЪ. Дноуглубительные спираты и плавающее землю облучивание. Описание, расчетъ и детали спиратовъ. Переизд. съ тѣмъ же. И. И. Киттмера. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 821. Ц. 8 р.

ПРОФ. В. В. ФАРМАКОВСКІЙ. Малышевъ-дѣтчики и склонность къ болѣзнямъ. Практическіе дѣтчики и склонность къ болѣзнямъ. Практическіе дѣтчики и склонность къ болѣзнямъ. Дѣтчики внутр. сокращ. и гигиеническое. Библия «Сотрудникъ». Кіевъ. 1915. 8°. Стр. 310. Ц. 3 р.

И. И. СОЛОСИНЪ. Начальный курсъ истории русскаго языка изъ славянъ съ дослѣд.-петровскими. Учебникъ по русскому языку для IV класса срецинхъ учебеныхъ заведеній. Изд. т-ва А. С. Суворина — «Новое Время». Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 96. Ц. 50 к.

В. В. БРУСЯНИНЪ. Дѣти и писатели. Литературно-общественные параллели. Дѣти въ произведенияхъ А. П. Чехова, Л. Андреева, А. Куприна и А. Ремизова. Москва. 1915. 8°. Стр. 272. Ц. 80 к.

«Сваточное гаданіе съ зеркаломъ».

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Преданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

изучающимъ родную словесность
полезно пособіе:

«КЛАССИКИ ВЪ ШКОЛЪ»

подъ ред. прив.-доп. Н. С. Державина и препод.
едаг. Акад. Г. Тумина. Биографіи писателей,
тексты произведений, крит. иск. статьи Аполлона
Григор'ева, В. Г. Былинского, В. Я.
Стоюнина, С. А. Веневитинова, Д. Овсянника-
Куликовского, И. Котляревского и Д.
Мережковского.
КАРАМЗИНЪ, И. М. Бѣлая Лиза. Ц. 20 к.
КАРАМЗИНЪ, И. М. Письма (избранные) рус-
ского путешественника. Ц. 30 к.
ЖУКОВСКИЙ, В. А. Элегіи. Ц. 25 к.
ЖУКОВСКИЙ, В. А. Избранные баллады. Ц. 40 к.
ГОГОЛЬ, Н. В. Шинель. Ц. 30 к.
ГОГОЛЬ, Н. В. Повѣсть о томъ, какъ поссори-
лся Иванъ Иванъ съ Иваномъ Никифоромъ. Ц. 30 к.
ГОГОЛЬ, Н. В. Ревизоръ. Ц. 75 к.
Скл.: Т-во «И. П. Карбасниковъ». Петроградъ. Гостиныйъ, 19.

«Книгоизд. Т-во», Петроградъ. Невскій, 158.

В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ

«Свѣточіи чехіи», вѣт. рим. 2 р.
(Почтил. отзывъ Академіи Наукъ)

«ПАУТИНА», рим. 2 р. 50 к.
(Нѣмецкое вѣсніе).

«БЛАЖЕН. НИЩІЕ ДУХОМЪ», 1 р. 80 к.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время»

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

П. Е. Васильковскаго

Диковижки Земли

Съ 83 рисунками въ текстѣ.

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ

Цѣна 1 р. 75 к.

РЫБОЛОВЫ И ОХОТНИКИ

Требуйте за 7 к. марку пробн. № журн.
«Рыболовъ и Охотникъ», Адресуя: Вятка,
конт. «Рыболовъ и Охотникъ».

НОВАЯ КНИГА А. П. АРАПОВОЙ:

КТО ЖЕ?

ПЕРВОБЫТНАЯ ФЕМИНИСТКА.

Цѣна 2 рубля.

Превосходный
для
цвѣта
лица,

оѣѣжко-рій кожу,
блѣгантный кремъ.
Дермоловъ Д-ра
Антона Мейеръ,
имѣетъ очаровательный
ароматъ изѣѣущихъ розъ.
Онъ являетъ гор-
доѣмъ женщины, желаютъ
свой моложавый видъ. Дермоловъ продается
во всѣхъ аптекахъ, изъ банкнотъ по 80 граммъ.
О-тест-страйтъ подѣлочки. Слѣдите, чтобы
имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатерин-
инъ: 9 были напечатаны полно-ть.

НОВАЯ КНИГА:
М. Матерлинкъ. Смерть,

10 сб. 1. Арденіна. Петроградъ. 1914 г. Стр. 163.
Ц. 1 р. 25 к. съ перес. налог. плат. 1 р. 55 к.
СОДЕРЖАНІЕ: Гл. I. Наша есправедливость
— смерть. Гл. II. Небытіе. Гл. III. Есмъ смртъ съ
жизнью. Гл. IV. Геофізическая гипотеза. Гл. V. Нео-
спиритская гипотеза. Гл. VI. Общ. не съ мер-
твымъ. Гл. VII. Переѣздъ. Гл. VIII. Переѣзданіе. Гл. IX. Участь сознанія. Гл. X.
Для вида безъконечности. Гл. XI. Наша участіе въ
этыхъ безъконечностяхъ. Гл. XII. Заключеніе.
Скл.: Т-во «И. П. Карбасниковъ». Петроградъ. Гостиныйъ, 19.

ЖОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

2

№ 13948

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 10-го (23-го) ЯНВАРЯ 1915 ГОДА.

№ 13948

въ дворцовомъ лазаретѣ въ царскомъ селѣ.

Августейши сестры милосердія среди находящихся въ лазаретѣ раненыхъ офицеровъ: Ея Императорское Величество Государыни Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОЕНА и Ихъ Императорскія Высочества Елкинія Нижини ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА и ТАТИАНА НИКОЛАЕВНА (у лѣвой колонны). На переднемъ планѣ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь АЛЕКСІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ. За Государыней Императрицей—Ихъ Императорскія Высочества Великій Нижини МАРИЯ НИКОЛАЕВНА и АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА.

На полѣ брані.

Леть сѣть холода луна.
Кругомъ, въ окопахъ—тишина...
Несущихъ долгъ—святое бремя—
Сонъ уложилъ. Однихъ на время:
На часъ, быть можетъ, до утра.
На вѣкъ другихъ сокнулись вѣжды...
Прошайте свѣтлая надежды!..
А завтра въ бой—и вновь «ура!»
Вновь потечетъ живая лава,
И на знаменахъ намъ родныхъ,
И на скрижаляхъ вѣковыхъ,
Святой Георгій впишетъ: «Слава!..».

Герои-братья! Вамъ любовь,
Какъ дань за подвиги, за кровь...
А вамъ, святые жертвы битвы—
Вамъ: скорбь, и слезы, и молитвы!..

Варн. Сутарека.

Исторія моего брата.

Разсказъ.

I.

Въ близко шумѣвшемъ городѣ только что отошла праздничная суета. Въ санаторіи доктора по нервнымъ болѣзнямъ Макіевскаго висѣла тосклиая скуча. Особенno мрачной казалась столовая, безъ солнца, узкая, длинная, съ старымъ буфетомъ, криво и неровно висящими картиными. Всѣ картины въ дому доктора висѣли криво, и самъ опь былъ взлохмаченный, добродушный перахъ.

Одна страсть Макіевскаго къ цветамъ украшала и оживляла грустное убѣжище. По всемъ комнатамъ стояли горшки съ пчально сидѣла у деревянного стола на противъ воротъ, прислушиваясь къ колоколу, тихо и однообразно звонившему въ цѣтующими растеніями, а изъ маленькой колы, пахло соѣднѣй церкви. — Ловко сталаѣздить Юлия Ивановна?—крикнулъ опь на ходу, балансируя

На широкомъ окнѣ лѣстницы заливалась канарейки, одѣв карушая печальную лась. Миццева, наскучивъ молчаниемъ, къ

тишину дома.

Прѣмъ еще не начался. Больные, изъ старушки съ сѣдыми, коротко стриженными волосами и острымъ носомъ.

— Да. Братъ прѣдѣть непремѣнно.

— А вы кого?—отвѣтила Юлия Ивановна.

— Мужа и дѣтей. Теперь докторъ раз

ѣшилъ.

Въ саду было весело отъ сверкающаго солнца сиѣга, щебетанья сиѣгирей и пѣль птицъ.

— Ужасно все такъ грустно здѣсь.

— Точно—островъ мертвыхъ, — замѣтила

Большія мохнатыя собаки, Динко и Миццева и вздохнула.

Сузтанъ, мирно лежали у крыльца.

— Лечебница, — сентенціозно сказала

Марья Дмитріевна Миццева, блѣдная, Юлия Ивановна, и оглянулась на подѣзду худая женщина, страдающая истеріей, жавшаго къ пимъ по песчаной дорожкѣ

на велосипедѣ сына доктора Петю, румяного 13-лѣтнаго гимназиста.

— Ловко сталаѣздить Юлия Ивановна?

— — — — —

Она петербургово ждала мужа и дѣтей. руками.

Павшие смертью храбрыхъ.

Корнетъ В. Н. Щегловъ,
скончался отъ ранъ.

Поруч. С. Т. Поповъ;

Подпор. Конст. Харит.
Андреевъ-Богатиковъ.

Мичманъ К. П. Ерискоринъ.

Мичманъ Н. А. Сабуровъ.

Прап. А. Г. Мищенко,
скончался отъ ранъ.Прап. Н. Эд. Крель,
скончался отъ ранъ.Прап. Илар. Конст. Пославский,
скончался отъ ранъ.Шт.-кап. Л. Н. Молчановъ,
скончался отъ ранъ.Поруч. Н. Ф. Чукановъ,
скончался отъ ранъ.

— Довко.

Она засмѣялась, старчески-добродушно, тѣй одинаково и никакой разницы ни въ кто, сердце браты, рѣдкое по добротѣ, роза. Красавица она была—высокая, бѣлая, синеглазая. Браты любили горячо,

— Вашему брату сколько лѣтъ? Проласкахъ, ни подаркахъ моими родителями отгыччивое, благородное.

Браты любили горячо, синеглазая. Браты любили горячо,

стите за нескромный вопросъ,—сказала не дѣялось.

Катя была добра, очень хороша, прида-тила его прямо, какъ святого.

Мирцева.

Сестры, выйдя замужъ, разѣхались и пое за ней давалось одинаковое съ нами,

— Ну,—нескромный; выдумали еще! остались мы съ Катей.

Вотъ тоже, какъ теперь, на праздники,

Мигъ 47 лѣтъ. А что?

да въ немъ братъ и не нуждался. Мать и прѣхали сестры съ мужами, начались

— Ужасно моложавъ. Я думала лѣтъ брата къ безродной сироткѣ.

бѣзъ молодежи и были не противъ брака.

35, не болѣе.

Сказали вѣмъ не хвались,—я обрадова-

— Да, оѣь моложавъ. Это у насъ въ
роду. Я тоже до болѣзни казалась моложе.

Въ нашемъ дому настала атмосфера уладу. Свадьбу решено было праздновать

Юлия Ивановна слегка вздохнула.

послѣ Пасхи.

Изъ мужскаго отдѣленія послышались
звуки фортепиана и виолончели.Торопиться нечего. Жениховъ дѣ-
ло—самое приятное,—говорилъ отецъ.— Я вѣмъ еще не рассказывала исто-
рию моего брата?—спросила забывчивая
Юлия Ивановна.

И молодежь согласилась ждать.

— Никогда,—ответила Мирцева.

П.

Старуха на минуту задумалась.

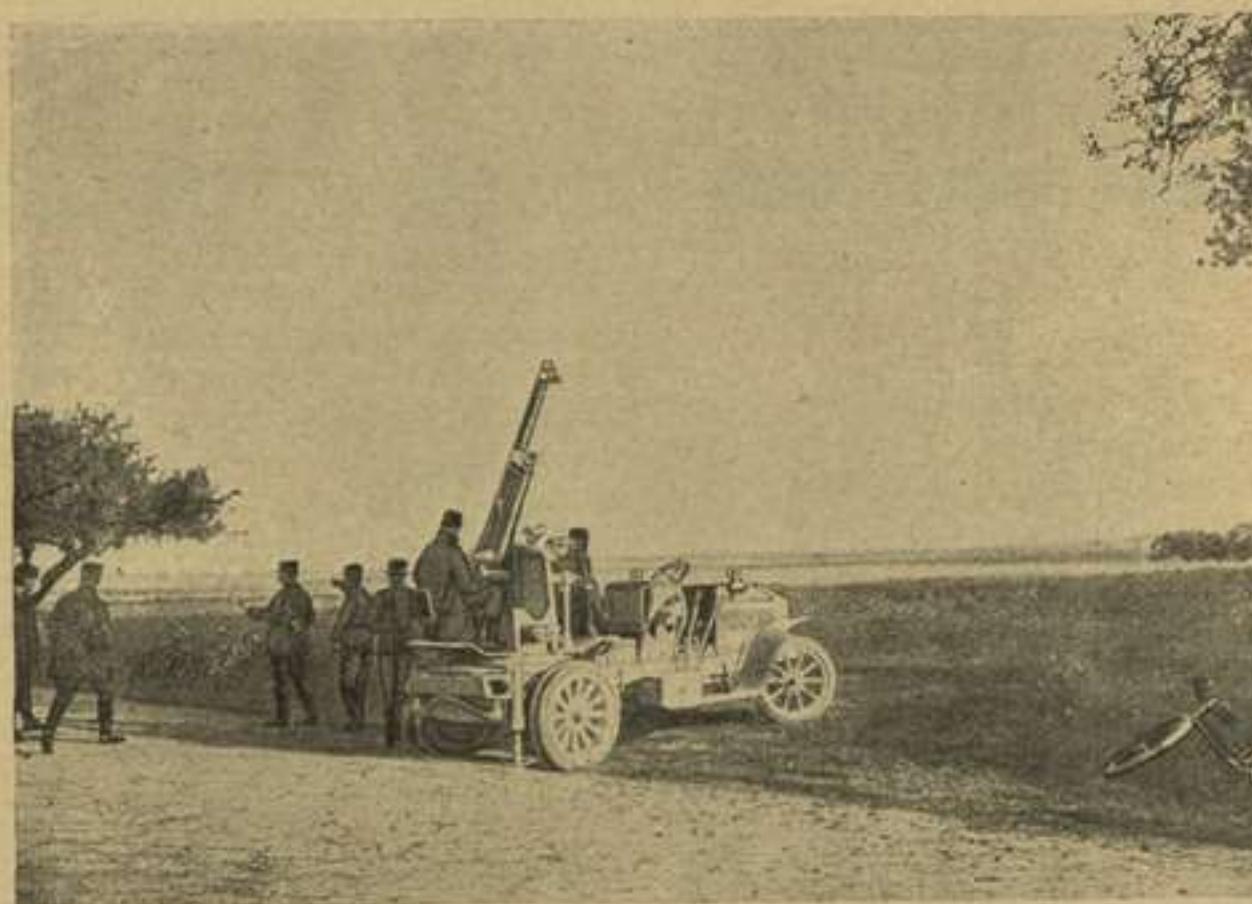
Встрѣчать Новый годъ они поѣхали къ
Перфириевымъ, у которыхъ былъ дочь
въ переулкѣ, около Поварской, старый
престарый, съ колоннами, крашеный по-
ломъ, люстрами и сѣдыми занѣмы Фокой.— Удивительная. И братъ мой необык-
новенный человѣкъ,—начала она свойПерфириева была вдова и жила вмѣстѣ
съ двумя дочерьми, барышнями. Варей,
рѣзвой шалуньей, и тихой, ласковой Па-
дей.

разсказъ.

Весело встрѣтили Новый годъ, и точно
съ этого вечера повернулось что-то въ из-
ней счастливой жизни: черная полоса по-
шла.Мирцева, слушавшая сперва невниматель-
но, не спуская глазъ съ калитки, кон-
чила тѣмъ, что забыла о своихъ и съ ин-
тересомъ послушала до конца исторію
Юлии Ивановны.Вернувшись очень поздно отъ Перфири-
евыхъ, мы прошли съ Катей въ пашню мезо-
нипп и начали разѣхаться.— Насть у матери было пять человѣкъ:
два мальчика и три дѣвочки, да вос-
питывалась еще дочь бѣдной швеи, умер-
шей отъ чахотки,—Катя. Старшій мой
брать умеръ ребенкомъ, второй, Дмитрій,
о которому я хочу рассказать вѣмъ, только
что тога окончилъ курсъ и жилъ съ нами.
Сестры, за исключеніемъ меня, обѣ хо-
рошенькия, скоро вышли замужъ.Свернувъ подъ ночной чепчикъ свою
густую косу, Катя, смотрѣ, пристла на по-
стель и вдругъ какъ-то странно начала
мигать глазами.— Я однѣ какимъ-то пустощѣтомъ
вымыла, — улыбнулась Юлия Ивановна и
продолжала дальше.Я подошла къ ней:
— Глаза болятъ?—спрашивала.

Она головой покачала.

— Попало что-нибудь?

Знаменитая французская 75-мм. пушка, приспособленная на автомобиль для стрѣльбы въ вер-
тикальномъ направлѣніи.

Прап. Б. Н. Соханский,
тяжело раненъ.Подпоруч. П. В. Прохофьевъ,
раненъ и находится въ пльну.Кап. Анат. Ив. Бычинский,
тяжело раненъ.Поруч. Е. А. Расильевъ,
тяжело раненъ.Подполков. П. Р. Рейнботъ,
контуженъ и раненъ.

— Ничего не попало... Это у меня ужъ въ первый разъ; точно заволочеть чѣмъ трудомъ отѣтила я.

Катя, потомъ пройдетъ,—сказала Катя.

Я стала смотрѣть глаза: они были со-

вершенно чисты и даже не слезились.

— Пройдетъ... Но все-таки завтра надо грозить...—началь Маевскій и остановилъ Федоровича показать,—посовѣтова-

ла я.

Катя засмѣялась.

— Вотъ еще... Изъ-за всякихъ пустяковъ доктора звать.

Но вышли не пустяки.

На другой день, взявъ книгу, Катя хотѣла читать—и не могла.

— Буквы сливаются. Не вижу,—жаловалась она.

Мама встревожилась и послала за нашимъ домашнимъ докторомъ Карломъ Федоровичемъ Федоромъ. Тотъ прѣѣхалъ, осмотрѣлъ глаза, прописалъ какую-то примочку и, успокоивъ маму и больную, вышелъ въ залъ, позвавъ меня.

Мать и Катя остались въ гостиной.

— Я не хотѣлъ пугать мамашу и молодой дѣвицы, но вамъ я долженъ сказать правду. Немедленно везите больную къ специалисту по глазнымъ болѣзнямъ. Случай очень серьезный,—сказалъ Федоръ,—сумрачно глядя на меня.

Сердце такъ и упало.

— Серьезный... Что же съ Катей?—задыхалась отъ волненія спросила я.

— Я ничего не могу сейчасъ опредѣлить... Позѣжайте къ специалисту. Не надо только пугать барышню и мамашу,—онъ такой первинный,—закончилъ докторъ и, откланившись со мной, уѣхалъ.

Я осторожно передала этотъ разгово́р матери и отцу и на другое утро мы съ Катей поѣхали къ знаменитому доктору по глазнымъ болѣзнямъ, Маевскому.

Удивительно, какъ я помню этотъ кабинетъ, скѣтлый, съ тяжелой старинной мебелью, портретами ученыхъ и врачей, и самого доктора, маленькаго, черненькаго, съ глубокимъ умнымъ взглядомъ.

Безконечно долго изслѣдовала онъ глаза Кати и, слегка вздохнувъ, сѣгъ въ кресло у письменного стола.

Мы ждали, я съ замирающимъ сердцемъ, Катя спокойно и терпѣливо.

— Я попрошу барышню на минуту оставшую насъ однихъ,—ласково и словно улыбаясь обратился ко мнѣ Маевскій.

— Михъ уйти?—поднялась съ места Катя.

Онъ кинулъ головой.

Она вышла въ соседнюю комнату, и мы остались одни.

Секунду длилось молчаніе. Только где-то тихо насвистывала канарейка.

На окнѣ я замѣтила въ хрустальномъ бокалѣ блѣдную, умирающую розу.

Прислушавшись къ замирающимъ шагамъ Кати, докторъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы—сестра этой особы?..—тихо началь онъ.

— Не родная... Мы росли вмѣстѣ...—съ

сердце замирало больно, тоскливо...

— Я долженъ вамъ сказать... Болѣзнь раздѣльно, наклонившись къ самому мос-

холода.

— Потеря зрѣнія...—совѣмъ тихо и

И, внезапно вспомнивъ брата, я вся по-

роговорила я.

— Я пошатнулась и почти упала на стулъ.

Рыданья сжимали горло...

— Что же грозить ей?..—задыхалась

проговорила я.

— Слѣпая!.. Боже Великій!.. Моя

Катя...

— Слѣпая жена!.. Какой ужас... Ужасъ

да я.

Не помню, какъ я вышла отъ доктора, помню одно, что сказала Катя, будто докторъ не нашелъ у нея ничего опаснаго.

Отцу я открыла истину, но мать долго оставалась въ неѣтѣніи относительно на-

стоящаго положенія больной.

Братъ уѣзжалъ на пѣсколько дней въ Кіевъ навѣщать заболѣвшаго дядю, брата отца, и, ничего не подозрѣвая, вернулся домой.

Узнавъ о болѣзни неѣтѣы еще непол-
ную истину, онъ сперва встревожился, по-
скоро успокоился.

На видъ Катя казалась цветущей и ве-
селой.

Бѣдная, она и не подозрѣвала грозящаго
ей ужаса.

— Читать только не могу, особенно ве-
черомъ,—жаловалась она, терпѣливо ожи-
дая, когда все пройдетъ.

Но это не прошло. Слѣпота приближа-
лась, правда, медленными, но вѣрными
шагами.

III.

Время шло и подходила Пасха. Въ домѣ
приготовлялись къ свадѣѣ; шили при-
даное.

Я страдала мучительно, глядя на эти
приготовленія.

«Чего ты ждешь?

«Развѣ не твоя обязанность предупре-
дить брата, спасти его отъ женитьбы на
стѣнушкѣ?»—терзалась мыслен-
но я, и все не рѣшалась.

Порой что-то близкое къ ненависти
пробуждалось во мнѣ, при видѣ все болѣе
тускнѣющихъ глазъ будущей спутницы
жизни моего Миги.

Казалось иногда, что Катя отлично со-
знаетъ свое положеніе, но скрываетъ его
изъ боязни потерять жениха.

Бѣдняжка,—она сама обманывалась,
вѣрь успокоеніемъ нашего доктора, и
только разъ, оставшись со мной какъ-то
вечеромъ одна, вдругъ порывисто обнѣла
меня и заплакала.

— Юли... дорогая моя, я осѣтилъ...
Правда вѣдь? Что Маевскій сказалъ тѣ-
бѣ?..—рыдала она.

Сердце мое скажалось болью.

Я успокоила ее какъ могла, но рѣшила
переговорить съ братомъ, употребить все
свое влияніе, чтобы отвлечь отъ брака съ
полусѣйкой дѣвушкой.

Братъ выслушалъ меня молча. Лицо
его слегка поблѣдѣло, но осталось спо-
коинно.

— Ты мнѣ открыла не новость, дорогая
моя,—сказалъ онъ и тихо прибавилъ:
близко.

— Да,—Катя слѣпнѣть и скоро будетъ
совсѣмъ слѣпая... Я узналъ это отъ

Ант. Валент. Покроеский, известный виртуоз—виолончелистъ. Отправился въ дѣ-
ствующую армию прапорщикомъ запаса.
Паль въ бою.

ВЪ ГАЛИЦІІ.

Посѣщеніе архіепископомъ ЕВЛОГІЕМЪ галицко-русского села Жолтаны. Вмѣстѣ съ влады-
кой — членъ Госуд. Думы свящ. М. В. Митроций, мѣстный настоятель прихода о. І. Стисло.
Налѣво отъ владыки — сотрудникъ «Нового Времени», известный дѣятель въ области славян-
скаго вопроса, Д. Н. Вергунъ, уроженецъ Галиции.

СЪ БОЙНЫ.—Стрѣлки отбивають атаки Нѣмцевъ.

Ориг. рис. А. Пржесцлавскаго.

Лейбъ-гвардіи казачьяго Его Императорского Величества полка хорунжий Дм. ЕОННИНЪ, 3 декабря онъ, находясь въ разъѣздѣ, попалъ подъ сильный перекрестныи огонь. Призвавъ казакамъ разсыпаться и уйти назадъ и оставившись затмъ одинъ, д. Е. Боткинъ былъ раненъ и упалъ съ лошади. Окруженный германской пехотой, отказавшись сдаться, онъ отстрѣливался изъ револьвера и, убивъ германского офицера, палъ геройской смертью. Пожалованъ орд. св. Георгія 4 степени. См. № 13937 «Нов. Врем.».

Маевскаго, къ которому нарочно ходилъ за этимъ. Маевскій—знатность по глазамъ, и опѣйтъся можетъ.

«Болѣнь первая, неизлечимая»,—вотъ скротечной чахотки.

Братъ былъ неутѣшенъ. и я знаю. не

его діагнозъ.

«Но именно потому-то я особенно и хочу жениться болѣе. — Когда мы съ вами поправимся,—если Стѣпана или зрячай,—для меня они вы захотите этого, я поведу васъ на ея одинаково дорога; теперь даже больше, по-могилу и покажу памятникъ, чудесный, гому что жалка и безномнощна какъ заказанный Димитріемъ въ Италии. Мра-

дитя,—твѣро закончила братъ, и я не морная женщина (портретъ Кати) по-отверженная любовь человѣка, только смѣла спорить.

И никто не могъ помѣшать его браку быть песней около ея могилы, свѣжей, за- согрѣли на мигъ ея тоскующую, изболѣв- шую душу.

Юлия Ивановна смѣкла. Молчала и Солнце быстро угасало за старыми, обнаженными деревьями парка.

уѣхали за границу. Дмитрий хотѣлъ Калитку хлопнула, и въ садъ вошелъ Холодало...

еще съ иностранными высокій, еще нестарый человѣкъ, съ Мирцевой вспомнился домъ, елка, дѣти

усталыми умными глазами и курчавой и мужъ, все счастливое, дорогое, уходящее, знаменитостями.

Черезъ годъ молодые вернулись въ Стѣпьюющей головой.

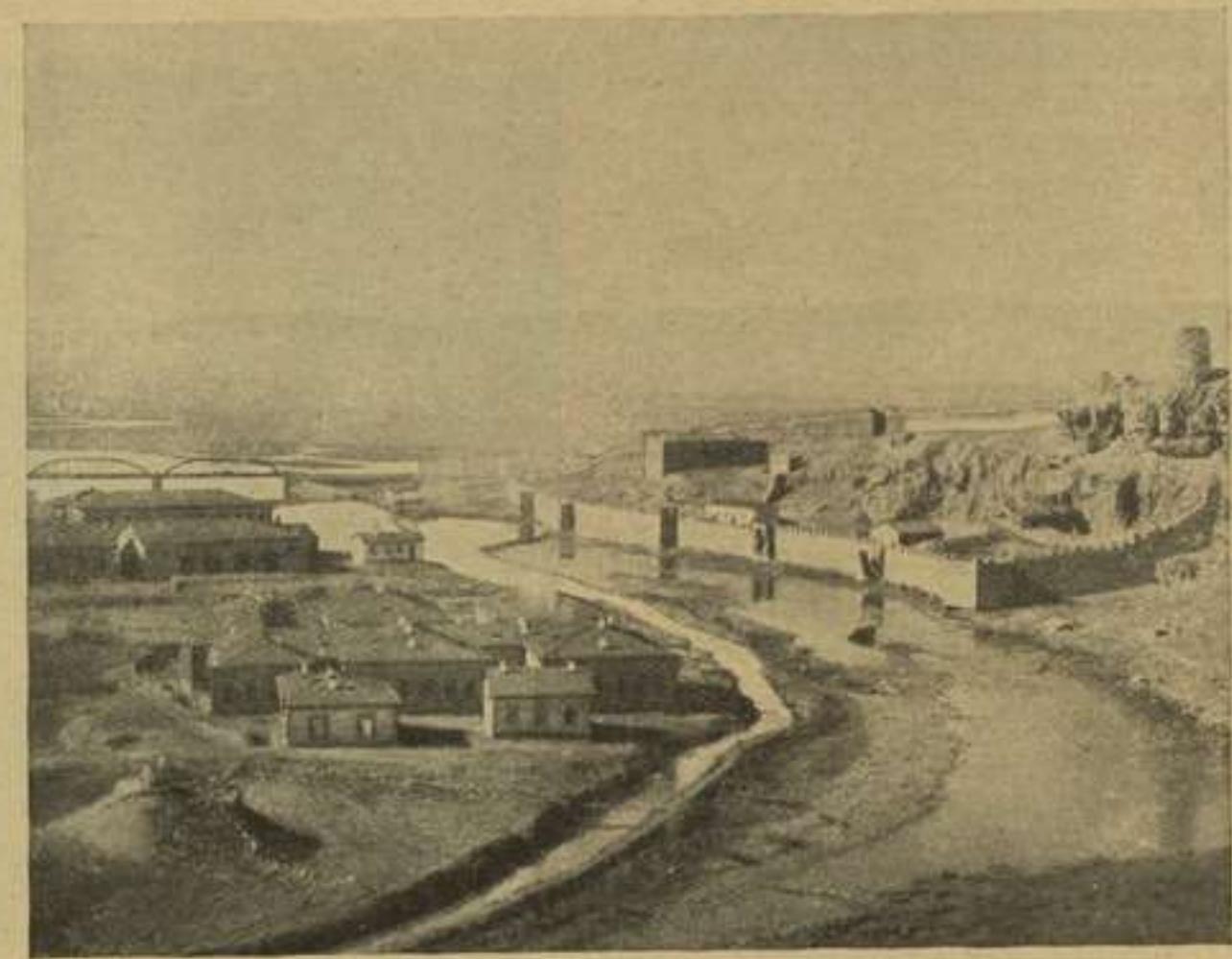
— Митя!.. Юлия Ивановна поднялась и быстро по- окнахъ зажигались первые огни.

шла навстрѣчу брату.

Оба вошли въ домъ. Мирцева осталась одна, задумчиво глядя въ здѣсь.

Чистый образъ бѣдной слѣпой, само-

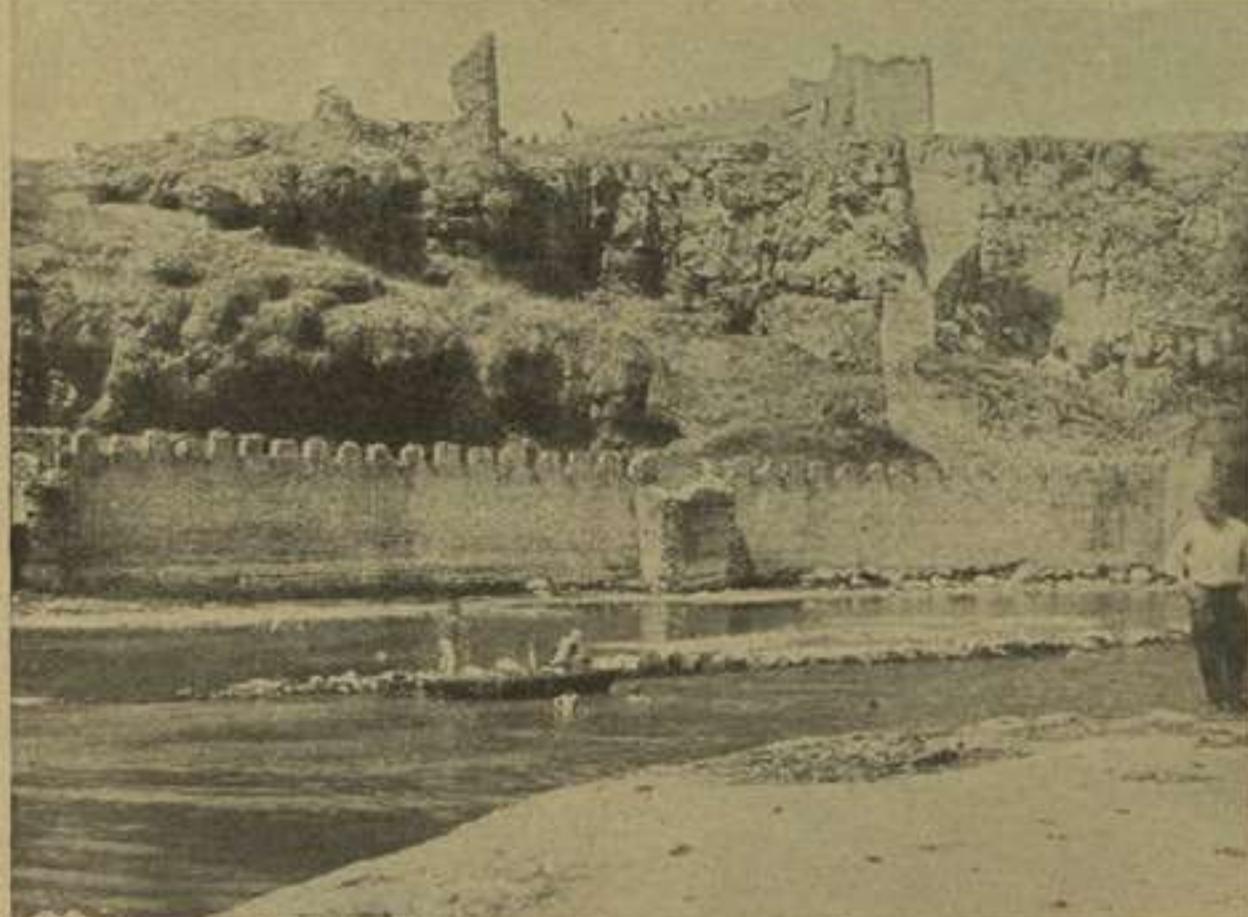
В. Воличъ.

АРДАГАНЪ. За руинами древней крѣпости находится туземная часть городка. Черезъ Куру построено хороший мостъ. Шоссе идетъ отъ Нарса до Ардагана, у моста оно прерывается, не продолжаясь къ побережью Чернаго моря. Отъ Ардагана есть еще шоссе и на Ольты.

Городъ АРДАГАНЪ (туземная часть). За развалинами древней крѣпости находится гора, на которой въ 1877 г. былъ устроенъ главный фортъ.

Руины кр. АРДАГАНА въ 1910 году. Когда-то здѣсь были казармы на одинъ батальонъ пѣхоты. Епослѣдствія эти казармы были снесены.

Ген.-лейт. Пав. Люд. ХЕЛМИЦКИЙ, высочайше помилованный за отличие въ дѣлахъ противъ непріятеля: орденомъ Бѣлого Орла съ мечами и св. Равноапостольного князя Владимира 2 степени съ мечами.

Полк. Эри. Лавр. ЛЕВСТРЕМЪ, произведенъ за боевые отличия въ ген.-м., назначенъ командиромъ стрѣлковаго полка и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени.

Военный лётчикъ, шт.-кап. Георгій Леон. ШЕРЕМЕТЕВСКІЙ, награжденъ золотымъ оружиемъ и орденомъ св. Георгія 4 степени.

Команд. пѣхотнаго полка Левъ Львовичъ БАЙНОВЪ. За отличие въ дѣлахъ съ непріятелемъ удостоенъ производствомъ въ ген.-м., награжденъ медалями къ ордену св. Владимира 3 ст., Георгиевскимъ оружиемъ и орденомъ св. Георгія 4 степени.

Въ бою 7 окт. былъ контуженъ въ голову, но продолжалъ оставаться въ строю и непрерывныхъ боихъ до 2 ноября, когда и былъ эвакуированъ въ Россию для лечения тяжелыхъ последствий контузии.

Отклики войскъ.

Дѣти.

Редуть соорудивъ изъ пыльныхъ книжъ и

чертъ

И выстроивъ полки за пушкою кустарной,

Два юныхъ школьника играли въ бой надъ

Марной

И тщательно вели солдатамъ пашинъ

счетъ.

Ядромъ гороховыхъ стрѣлъ въ переплетъ,
Однѣ тѣсниль врага, ведя солдатъ

шопарю,

Другой же, слѣдя стратегіи бездарной,
Какъ Нѣмецъ, массами все наступалъ

въ обходъ.

Рѣдѣть за изводомъ възводъ. Въ твердыню
изъ тетрадокъ

Старался убѣжать въ атакѣ пыжий Клукъ

И оловянныхъ войскъ исправить беспородость,

Но ягнѣ сыпались изъ ложихъ дѣтскихъ

рукъ,

И вдругъ, настяпнутый одною дѣлъ

горошинъ,

Свалился генераль и былъ въ коробку

брошенъ.

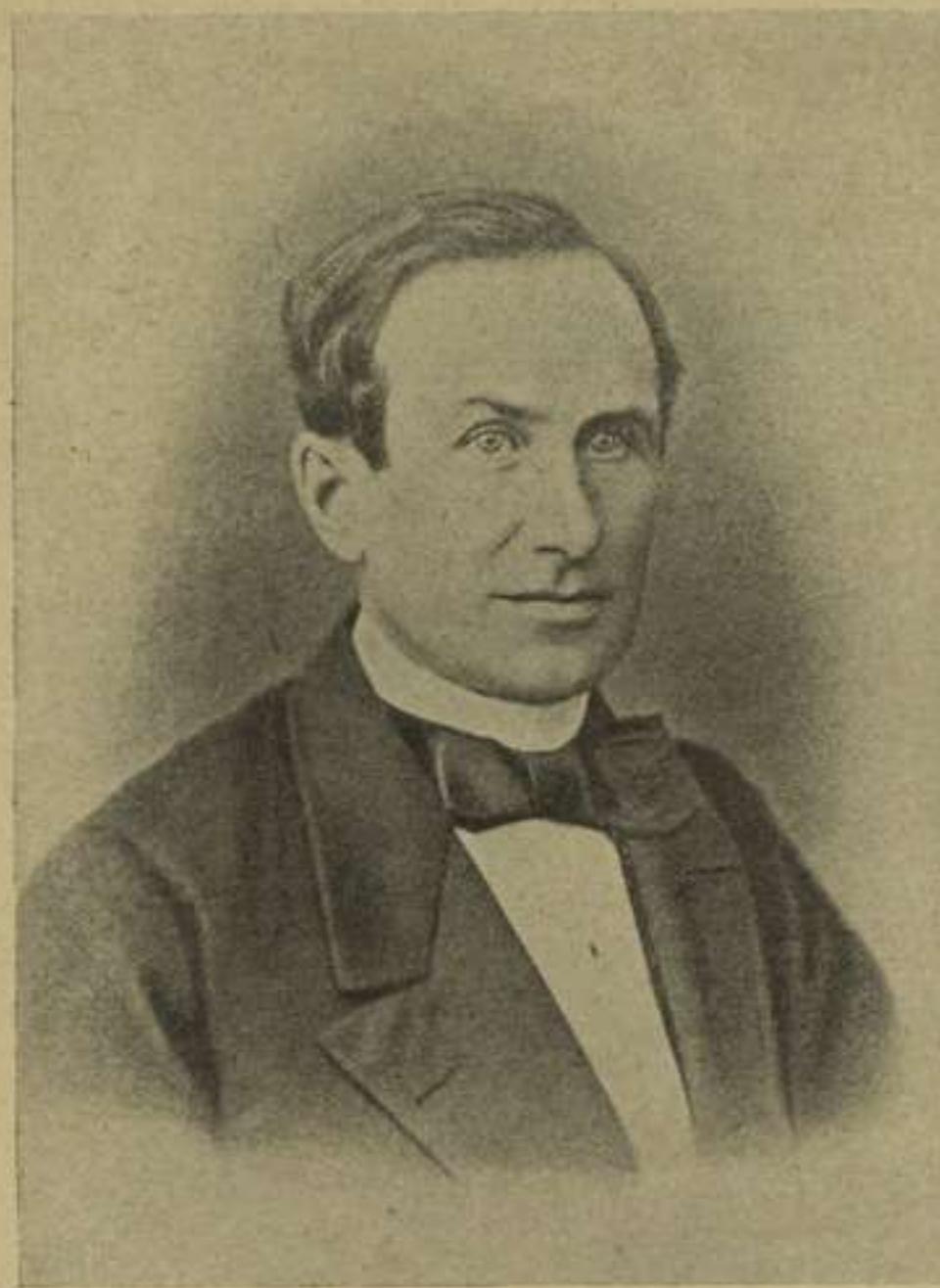
В. Жуковский.

Членъ Гос. Совета Н. И. ШРЕЙБЕРЪ, со всѣмъ своимъ багажомъ, при возвращеніи изъ Германіи въ Петроградъ, гдѣ застала его война,

Командующій полкомъ полковникъ Дм. Макс. КНЯЖЕВИЧЪ. Участвовалъ въ Японской войнѣ и былъ тогда награжденъ орденомъ со. Станислава и св. Анны 2 степ. съ мечами, а также офицерскимъ крестомъ Почетнаго Легиона. Въ нынѣшнюю войну награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени.

Константи́н Ка́рлович Гро́тъ, госуда́рственный дѣятель и филантропъ, основатель Попечительства Императрицы Марии Александровны о слѣпыхъ. Къ столѣтию со дnia рожденія—12 января 1815—1915 г.

Юбилей пангерманизма въ пламени кроваваго года.

Въ текущемъ году Германия собиралась отпраздновать съ неизбѣжной помпой и выношенностю столѣтию годовщину рожденія Бисмарка,—творца Германской Империи, нашедшаго возможность выразить реально идею пангерманизма. По странной ironии судьбы, рокъ избралъ именно эту годовщину для того, чтобы низвергнуть зданіе, воздвигнутое жѣльзнымъ канцлеромъ съ такимъ трудомъ, такими неизрѣйтными ухищрениями.

Не будь этой войны, не раскрой она истинное значеніе пангерманизма, какъ постоянной угрозы для всего, что стоитъ въ тевтонскаго мѣра, мы бы, пожѣрное, отмѣтили этотъ юбилей со свойственнымъ

намъ добродушіемъ, по всѣмъ правиламъ международного «хорошаго тона», опираясь на восторженные гимны германской печати.

Теперь не то! Германия настолько потрясена кровавыми событиями, угрожающими самому ея существованію, что, кажется, забыла о юбилѣѣ, о которомъ столько писали Нѣмцы въ первые мѣсяцы 1914 года, и о которомъ не обмолвились ни одна газета за истекшіе 17 дней бритыхъ ба англійскій ладъ депутатовъ 1915 года! До творца ли пангерманизма теперь, когда самъ пангерманизмъ трещитъ по всѣмъ швамъ?

Но если Германцы забыли объ юбилѣѣ своего «национального героя», то почему бы не вспомнить о немъ въ другомъ лагерѣ?

1815 годъ!. Въ то время, какъ союзники триумфально вступали во вторую разъ на почву Франціи, чтобы окончательно уничтожить «великаго Корсиканца», въ глубинахъ Бранденбурга, въ небольшомъ помѣстїи Шенгаузенъ, родился Отто Эдуардъ-Леопольдъ Бисмаркъ, впослѣдствии имперскій князь и жѣльзный канцлеръ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ проявляется въ немъ упрямство, настойчивость въ достижениіи цѣли и жестокость.

Проходитъ годы, Бисмаркъ поступаетъ въ Геттингенский университетъ. Къ этому времени выясняются уже его политическая страсти и мечты объ единству Германии. Однако онъ не сходится съ обществомъ Burschenschaft, задавшимся цѣлью сдѣлать Германию единой и свободной. Терминъ «свобода» непрѣятно рѣжетъ слухъ юнаго Бисмарка, и онъ неизменно способствуетъ объединению аристократического Bund'a, преслѣдовавшаго ту же цѣль, чѣмъ и первый—объединеніе Германиі, независимо отъ того, въ какую форму оно выльется.

За годы студенчества Бисмаркъ дрался на 28 дуэляхъ, слѣдуя старой студенческой традиціи. Память объ одной изъ нихъ осталась ему на всю жизнь, въ видѣ рѣзкаго шрама на всемъ лицѣ.

Въ 1835 году Бисмаркъ поступаетъ на службу, сначала при берлинскомъ окружномъ судѣ, а затѣмъ референариемъ при петропольской управѣ. Въ 1838 году, 23 лѣтъ отъ роду, онъ отбываетъ воинскую

повинность въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Военная служба еще болѣе подчеркиваетъ основные черты его характера: бретерство, упрямство и заносчивость.

Возвращеніе въ Потсдамъ за свою коптиорку мелкаго чиновника не особенно увлекается ему, тѣмъ болѣе, что отецъ прекратилъ высылку всякихъ субсидий, мотивируя это крайней задолженностью родового имѣнія.

Бисмаркъ рѣшаетъ избрать карьеру сельского хозяина, имѣя въ видѣ туманныхъ еще пока мечты о болѣе блестящемъ будущемъ. Ему удается получить управление нѣсколькими померанскими помѣстьями, и почти на десять лѣтъ будущий жѣльзный канцлеръ скрывается въ провинциальной глушь. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ рѣшительно заявляетъ:

— Свекловица и заморозки интересуютъ меня больше всякой политики!

Онъ ревностно слѣдитъ за хозяйствомъ, съ увлечениемъ охотится, но въ то же время очень много читаетъ.

Цѣлые ткани журналовъ и книгъ доставляются еженедѣльно въ Бинзхоффъ,—резиденцію Бисмарка.

Послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ 1845 году, Бисмаркъ быстро приобрѣтаетъ влияние на всю округу; черезъ годъ онъ уже избранъ членомъ саксонскаго провинциальнаго земѣтага, гдѣ опредѣлено назначается его крайняя пенависть къ либераламъ. Уже въ тѣ отдаленные дни отъ проявлять имѣютъ жестокій мѣтагъ. Тамъ, по поводу мартовскихъ дній 1848 года въ Берлинѣ, онъ категорически высказался: «всѣ большіе города слѣдовали бы спешить съ лица земли, какъ очаги революціи!». Подобный рѣзкій выходъ—а ихъ было не мало—окончательно упрочилъ за Бисмаркомъ репутацію крайнаго консерватора, сторонника мелкаго дворянства. И когда, въ 1849 году, онъ попадаетъ во вторую

палату, эта партія сразу находитъ въ немъ своего лидера и оратора.

Въ эту эпоху Бисмаркъ, стройный, бородатый, загорѣлый,—сильно выдѣляется съ среди своихъ единомышленниковъ, вынужденъ ни одна газета за истекшіе 17 дней бритыхъ ба англійскій ладъ депутатовъ. Его краснорѣчіе было нѣсколько запутано и туманно, но среди рѣчей блестѣтъ часто яркіе образы, рѣзкія выходки. Народъ, по его словамъ, «загитированъ, оселъ, отѣвши шкуру льва и ренуши на плечахъ». Парламентъ—это «скопине безумцевъ! Горе тѣмъ, кто съ ими считается!»

Сенаторъ гофкейстеръ Дм. Ник. Любимовъ, назначенный помощникомъ Варшавскаго генераль-губернатора.

ни Бисмарка. Вчерашній сельскій хозяинъ попадаетъ въ качествѣ дипломата ко двору России и Франціи, послѣ короткаго дипломатическаго стажа въ Франкфуртъ на Майнѣ. Въ Петербургъ Бисмаркъ искусилъ лѣстить Горчакову, называя себя «ученикомъ» старого канцлера.

Когда въ 1862 г. либеральное министерство въ Берлинѣ смѣнилось консервативнымъ, отмѣтивъ начало «новой эры», Бисмаркъ получаетъ предсѣдательство въ этомъ новомъ министерствѣ. Къ этому времени уже вполнѣ ясно обрисовывается что вынесъ Бисмаркъ изъ своей дипломатической карьеры.

Онъ увидѣлъничтожество германскаго союза, уѣхалъ въ томъ, что гегемонія Австріи ненужна для Германии, что Пруссія нечего бояться своихъ германскихъ союзниковъ, и что достаточно лишь уловить моментъ, чтобы вознести Пруссію выше Австріи. Съ другой стороны, дипломатическая дѣятельность развила въ немъ извѣстную рѣзкость ума и любовь къ разнымъ ловкимъ комбинаціямъ, могущимъ привести къ достижению цѣли.

Вставъ во главу министерства, Бисмаркъ повсѣдѣніемъ темпомъ дѣло объединенія Германиіи и возвышеніе Пруссіи. Реорганизація прусской арміи, умѣдливая политика съ мелкими германскими

Съ 1851 года по 1862 годъ наступаетъ дворами, новый періодъ, новое десятилѣтіе въ жизнѣ Австріи — все это поставило въ и-

НОВАЯ ЖЕНСКАЯ ПОЛИЦІЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Женщина-полисменъ охраняетъ почтовый автомобиль.

Памятникъ Н. И. Гро́ту, стоящий передъ училищемъ слѣпыхъ на Песочной ул. въ Петербургѣ.

У СОЮЗНИКОВЪ.

Въ праздникъ на британскомъ военномъ корабль. Питье грога за здоровье короля.

самъко лѣть Пруссію на виду, и заявить Вильгельму письменно, что онъ роль ея оказалась вполнѣ опредѣленной «подчинится германскому императору, но къ моменту объявленія франко-пруссійской не подчинится прусскому королю», и это принудило Вильгельма предпочесть планъ Бисмарка.

Исторія выказалась уже о той низкой роли, которую сыгралъ Бисмаркъ въ этомъ вопросѣ, съ ложной редакціей знаминтой эмской депеші. Получивъ отъ Мольтке, что чѣмъ скорѣе начнется война, чѣмъ это выгоднѣе для нѣмецкой арміи, Бисмаркъ опубликовалъ изврашеній текстъ депеші,—и война была объявлена.

Въ 1871 году Бисмаркъ лично поднесъ королю Пруссіи императорскую корону, чтобы подать въ отставку и постыднѣ въ Версалі. Кронпринцъ протестовалъ 8 лѣтъ жизни желѣзного канцлеру, противъ этого, настаивая на восстановленіи древне-германского титула «короля Германцевъ», причемъ все прочие короли его вызвали новый взрывъ шовинизма, ибо Вильгельмъ II понималъ все значеніе Бисмарка побудилъ баварскаго короля не «национального героя» для поддержки

До смерти императора Вильгельма I, Бисмаркъ неустанно работалъ надъ развитіемъ идеи пангерманізма внутри страны. Въ 1890 г., вслѣдствіе несогласія съ сыномъ Вильгельмомъ II, Бисмаркъ принялъ на себя заботы о поддержкѣ канцлеру, умоляя пощадить ея мужа, не разстрѣливать его.

Послѣдніе звуки его голоса: «Чѣмъ больше зла вы причините мирному населенію, тѣмъ ближе миръ».

Онъ рѣзко осуждаетъ Баварцевъ, не виновныхъ достаточно «любви» къ дѣлу разстрѣла плененныхъ.

Въ Каммерса жена одного крестьянина бросается въ ноги Бисмарку, умоляя пощадить ея мужа, не разстрѣливать его.

— Встаньте, добная женщина, — съ улыбкой заявилъ Бисмаркъ, — мы его не оценку «желѣзному канцлеру». Этотъ судъ и суровый голосъ исторіи объясняютъ разстрѣлья... Мы его повѣсимъ.

Въ послѣдствіи, въ отставкѣ уже, онъ гордѣво сознается въ дружеской бѣдѣ:

— Да, я хотѣлъ войнъ, ибо изъ крови Германіи получили бы званіе герцоговъ.

Бисмаркъ побудилъ баварскаго короля не «национального героя» для поддержки

нія патріотизма и идеи «Deutschland über Alles» въ народѣ! И если онъ не могъ ужиться съ деспотичнымъ канцлеромъ, не дававшимъ ему проявлять инициативу, то мертвый лидеръ пангерманізма не могъ обезлюдить его.

Надо отдать справедливость Бисмарку, что онъ значительно облегчилъ задачу историкамъ, для оценки его дѣятельности и значенія для Германіи, откровенно, до цинизма, высказывая свое политическое слово.

Въ 1877 году онъ говорилъ графу Беннигсену: «Моя цѣль—это упроченіе нашей национальной безопасности. Необходимо хлопотать, чтобы Германія прочѣе прославилась, и для этой работы хороша всякая сила, лишь бы она являлась силой».

Жестокость его по отношенію къ врагамъ стала легендарной и нашла достойныхъ послѣдователей въ лицѣ разрушителей Лувена и Реймса.

Въ Базель онъ съ улыбкой заявляетъ, юхая гарь пожарища:

— А знаете, — жареный французскій крестьянинъ пахнетъ лучомъ!

Въ Турѣ, посль попытки сопротивленія, подымаютъ бѣлый флагъ. Нѣмецкій генералъ прекращаетъ бомбардировку, а Бисмаркъ съ яростными проклятиями набрасывается на него за это «неумѣстное милосердіе».

Послѣдніе звуки его голоса: «Чѣмъ больше зла вы причините мирному населенію, тѣмъ ближе миръ».

Онъ рѣзко осуждаетъ Баварцевъ, не виновныхъ достаточно «любви» къ дѣлу разстрѣла плененныхъ.

Въ Каммерса жена одного крестьянина бросается въ ноги Бисмарку, умоляя пощадить ея мужа, не разстрѣливать его.

— Встаньте, добная женщина, — съ улыбкой заявилъ Бисмаркъ, — мы его не оценку «желѣзному канцлеру». Этотъ судъ и суровый голосъ исторіи объясняютъ разстрѣлья... Мы его повѣсимъ.

Въ послѣдствіи, въ отставкѣ уже, онъ гордѣво сознается въ дружеской бѣдѣ:

— Да, я хотѣлъ войнъ, ибо изъ крови Германіи получили бы званіе герцоговъ.

Марг. Ром. КОКОВЦОВА въ формѣ вольноопредѣляющагося, отправившагося на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ она участвовала въ сраженіи и была ранена.

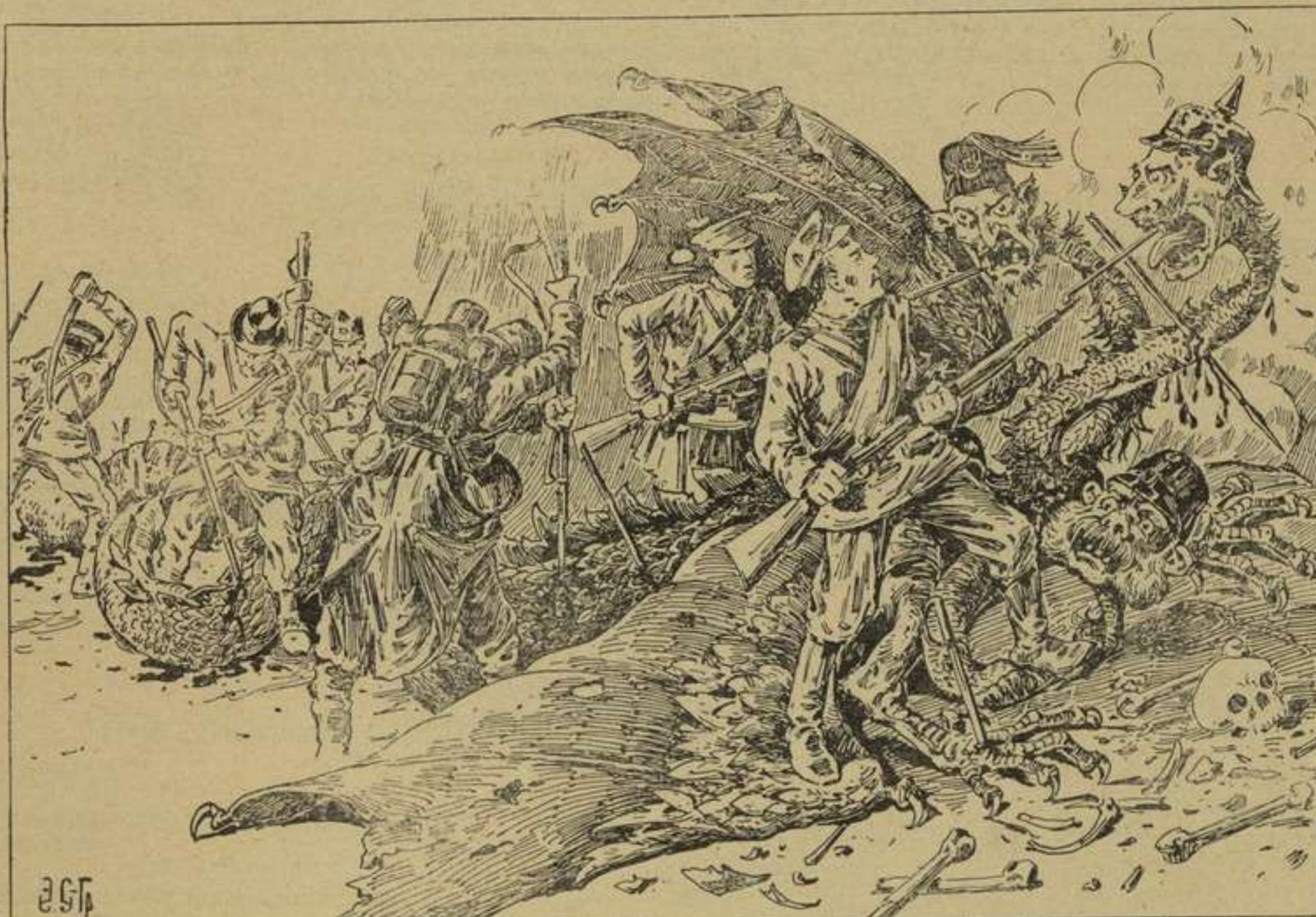
чая, странная для сестёр. Въ шесть лѣть мы вели три войны! И я не знаю, что меня больше увлекало: пораженія ли враговъ на полѣ битвы, или сознаніе, что я привѣль ихъ къ войнѣ, играя ими, какъ марионетками.

Если бы исторія писалась только Германцами, несомнѣнно, что образъ Бисмарка отдался бы потомкамъ въ видѣ национального героя безъ страха и упрека. Но правда

— Встаньте, добная женщина, — съ улыбкой заявилъ Бисмаркъ, — мы его не оценку «желѣзному канцлеру». Этотъ судъ и суровый голосъ исторіи объясняютъ разстрѣлья... Мы его повѣсимъ.

Въ послѣдствіи, въ отставкѣ уже, онъ гордѣво сознается въ дружеской бѣдѣ:

— Да, я хотѣлъ войнъ, ибо изъ крови Германіи получили бы званіе герцоговъ.

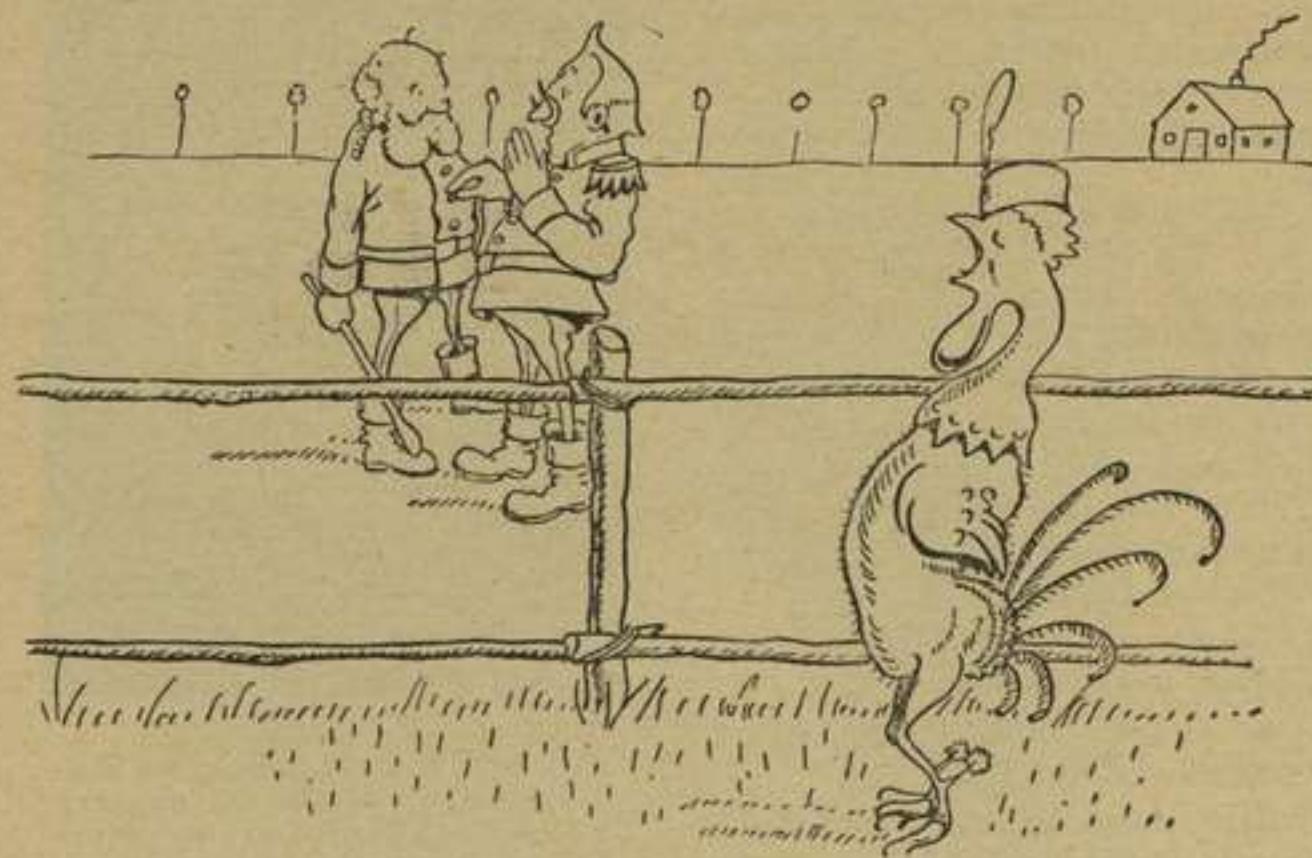
БОРЬБА СЪ ТРЕХГЛАВЫМЪ ЗМІЕМЪ.

Рис. В. Суліман-Трудзинскій.

Францъ и Вилли.

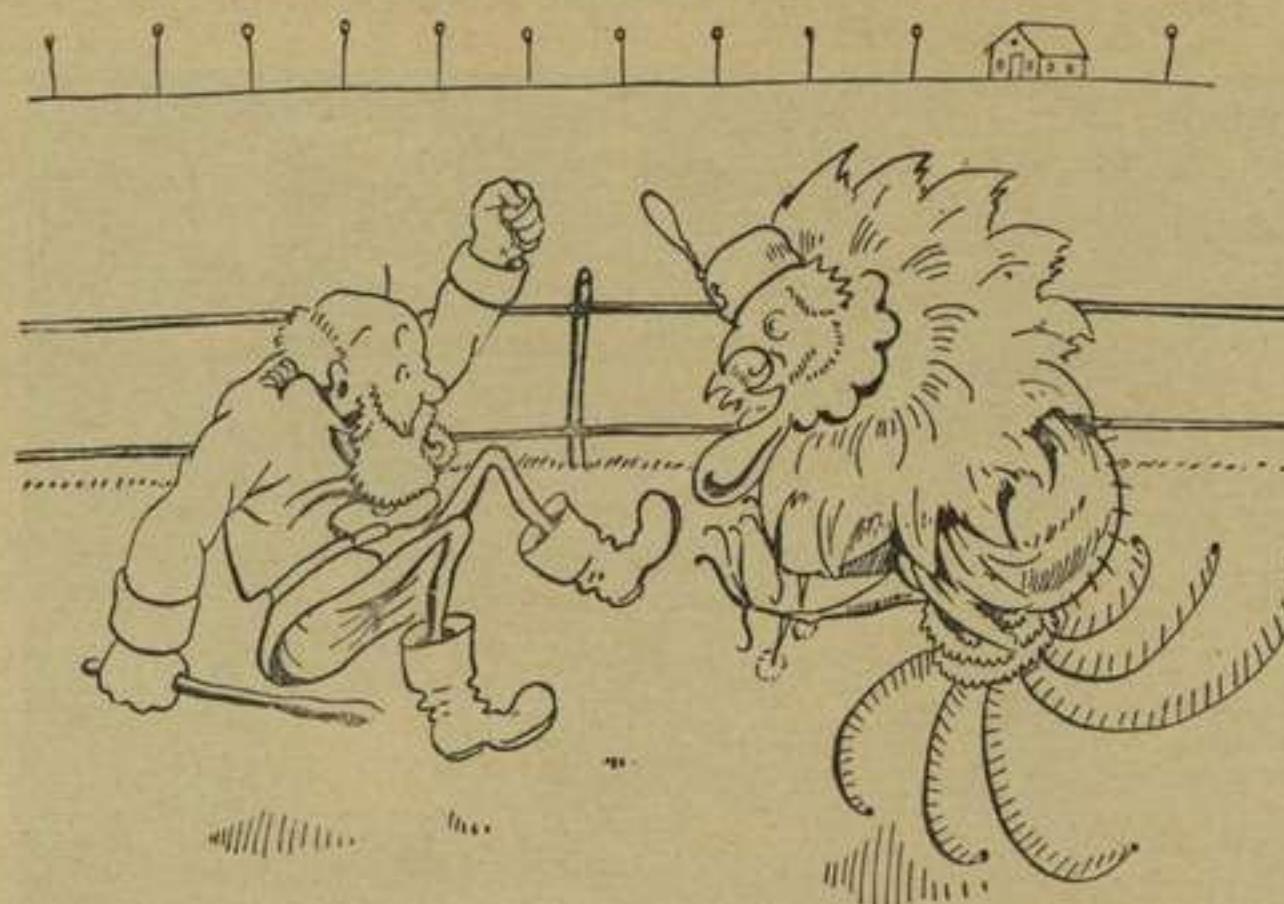
(Историческая повесть).

VII *.

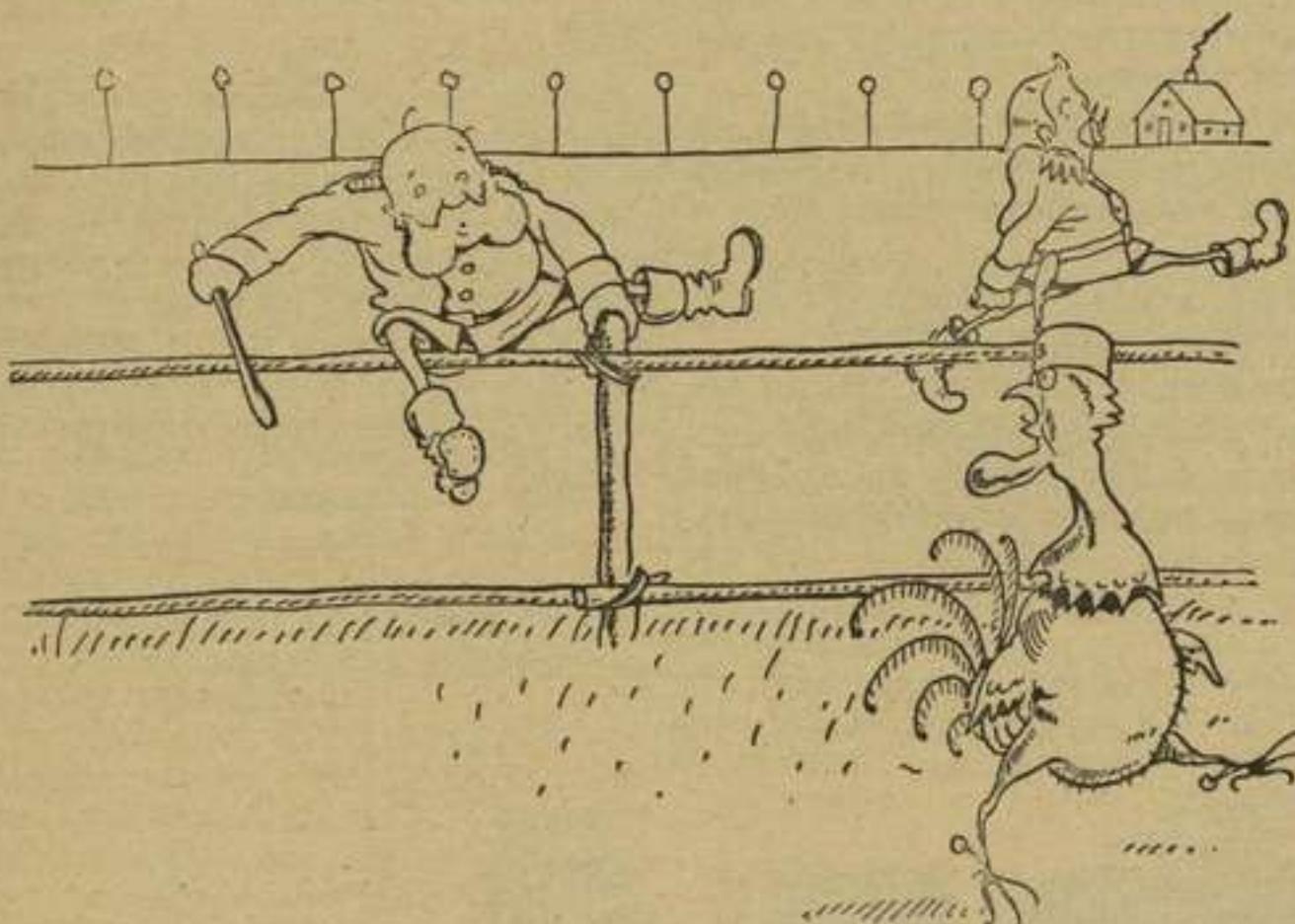
Приумноживши хозяйство
То посредством попрошайства,
То захватомъ,—какъ-то разъ
Францъ предъ Вилли на-показъ
Всъ выкладывалъ лоскутья.

Вотъ дошли до перепутья
Оба друга... Чрезъ заборъ
Былъ чужой, Бѣлградскій, дворъ.
Велика лъ заборъ програда?..
Пѣтушокъ, краса Бѣлграда,

Чрезъ заборъ онъ... Апетитъ
Разыгралися: «деревенской
Птицѣ—кстати бъ соусъ вѣнскій!»
Пѣтушку желая такъ
Датькусить культурныхъ благъ,
Францъ на видъ быль все же страшентъ.
Пѣтушокъ быль ошарашенъ,—
На мгновеніе сталь онъ нѣмъ...
Хитрый Вилли между тѣмъ.
Краснорѣчія запасы
Истощая, точить язы

Предъ недремлющимъ «chargé»,
И, увы! его уже
Онъ довѣль почти до транса...
Той порой, не видя шанса
На успѣхъ въ движеньи вспять,
Пѣтушокъ весь пыль опять
И задоръ обрѣлъ свой прежній.
Тѣмъ для Франца незѣтжный
Былъ трагіческій финалъ,
Чтимъ храбрѣ начинать
Онъ походъ... Расшибъ онъ лобъ ли
Или спину,—только вони

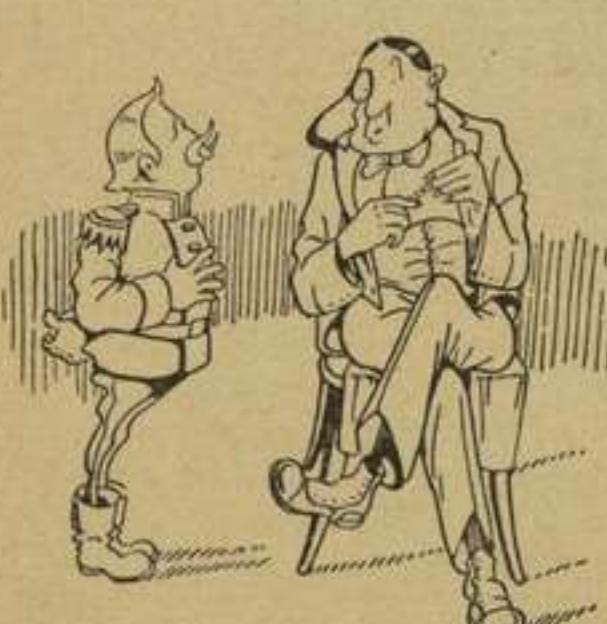

Пѣль за нимъ: ку-ка-ре-ку!
Значить: «я-де на чеку!»
Францъ шепнулъ: «Не худо бъ, Вилли,
Если бъ вмѣстъ придавили
Мы легонько пѣтушка...»
Шустрый Вилли для дружка
Радъ на все...—«Ну, что жъ такое!
Выйдетъ славное жаркое...
Только надо будеть, братъ,

Все обдѣлать въ-акуратъ».
Францу что! Онъ любить сласти,
И въ его широкой пасти,
Средь зубовъ острѣе спицъ,
Ужъ истезло много птицъ.
Онъ, смѣясь (какъ добродушель
Былъ туть смѣхъ!), твердилъ,—что, скуч-
шись

Услыхалъ «chargé»... На гвалтъ
Такъ онъ ринулся, что фалъ
Развѣвавшихся, какъ крылья.
Захватить не безъ усилия
Вилли кончики лишь могъ
И, невольно тутъ потокъ

Прекративъ рѣчей безстыжихъ,—
Покатился, какъ на лыжахъ...
Соблюдая свой престигъ,
Возстанавливаетъ тишина,—
Протоколъ составилъ точный,—
Tante-Европы полномочный...

Францемъ будучи самимъ,
Съ той поры ужъ нетомимъ
Никакимъ никто желанеемъ,
Ибо счастливъ онъ сознанѣемъ,
Что обрѣлъ себѣ покой
Онъ въ утробѣ,—и како!
Ужъ раздувшійся до глянца,
Ну, въ утробѣ, словомъ, Франца...
Съѣсть бы, значитъ, не грѣшокъ,—
Только жаль, что пѣтушокъ
На виду у tante-Европы...
Хотѣ веди тайкомъ подкопы,
Чтобъ ея «chargé d'affaires»,
Не предпринялъ строгихъ мѣръ...
Вилли, въ усъ себѣ не дуя,
Говорить: «Къ нему пойду я!
Тары-бары, то да се,—
Ты жъ обдѣлаешь здѣсь все
И расправишись съ нимъ живо...»
Францъ при случаѣ на-дизо
Прытокъ быль... Чуть не летить

Францъ потрепанъ пѣтушкомъ
И пластвется онъ шажкомъ
Къ другу Вилли жалкой клячей
Разсказать, какъ неудачей
Завершился хитрый планъ.
Отъ ушибовъ онъ и ранъ
Облегченъ, какъ въ бальзамѣ,
Ищетъ въ дружбѣ со слезами:
«Другъ единственный! утыны...»
Вилли глазитъ Францу пѣши...
Но тоска сидѣаетъ грудь имъ...
—«Пѣтушку мы шею скрутимъ...
Пусть получить онъ урокъ»,—
Вилли молвилъ: «дай лишь срокъ!»

Бенедиктъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Преданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

ЖОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 13955

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 17-го (30-го) ЯНВАРЯ 1915 ГОДА.

№ 13955

Группа пленных подъ Саракамышемъ.

Отклики бойки.

Раненый.

Сестра, мигъ софьсто: я ванихъ ласкъ не
стого.

Мигъ лучше, стихла боль. Попробую заснуть.
Скажите, кто вчера мигъ положилъ на грудь
Цыты душистые заботливой рукою?

Я къ срѣжимъ ландышамъ и пышному
лелюю
Моей руки еще не въ силахъ протянуть...
А какъ хотълось бы привѣтъмъ ихъ
вздохнуть
И вспоминать о томъ, что прервано
судбою.

Старушки-матери семейный образокъ
Всегда, вездѣ со мной. Онь и отца, и сына
Отъ смерти на войнѣ незряко уберегъ...
А ландышъ, сестра, любимый мой цвѣтъ,
Мигъ ихъ прислать могла—я знаю—только
Нина,

Вѣдь я женихъ ея и счастья близоянъ срокъ,
В. Жуковская.

„Вольтеръянецъ“

Исторический разсказъ.

I.

Въ тусклое декабрьское утро 1772 года
оберъ-гофмейстеръ Иванъ Ивановичъ Бец-
кий явился въ Зимний дворецъ для пред-
ставления императрицѣ Екатеринѣ. Еще
наканунѣ, на собраний въ Эрмитажѣ, госу-
дарыня изустно пригласила его пріѣхать

Наши драгуны захватываютъ германскій аэропланъ.

Ориг. рис. А. Пржевальского

Павшие смертью храбрыхъ.

Подполк. А. Ф. Начуринъ.

Полковн. В. Е. Стоженский.

Шт.-кап. П. И. Чивайдзе.
Скончался от ранъ.

Подполк. Б. М. Нильцовъ.

Подпор. Н. К. Михайловъ.

ла на него какъ на старого друга и мнѣ дѣлъ вашихъ, копы, такъ сказать, шутя небудь. Иванъ Ивановичъ, подшутилъ протягивая Бецкому руку, которую оль гое ему извинила. А все-таки бѣдному Ива- производите. Слово, онъ приводить ме- надъ нимъ, должно быть, потому что почтительно поцѣловать. Иванови- бывало не по себѣ, когда ни въ отчаяніе, что мнѣ отъ роду безъ оберъ-полицеймейстеръ нашъ, Чичеринъ, Всльдъ за Бецкимъ позвать быль къ императрица черезъстру, какъ ему каза- малаго деваносто лѣть и потому я не доложилъ мнѣ, что это неправда, но Но-императрицѣ и Полянскій. Это быль тотъ лось, подобно входила въ дѣла его вѣдь—могу быть очевидцемъ всего этого! Г. По-лянскій сидѣть безъ дѣла и шалитъ. И именно молодой человѣкъ, который про- пія, хотя всегда была къ нему ласкова, лянскій сколько очень умный, столько хотѣла бы, чтобы Полянскій быль у вѣсъ боязль обратить на себя внимание ста- никогда не выговаривала, и только давала же и добрый человѣкъ, коего сердце съ вѣ академіи художества на вакансіи кон- раго оберъ-гофмейстера.

му совѣты. Въ приемной, передъ каби- истинныи усердемъ привезано къ ва- ференцъ-секретаря, если вы другого кого «Какой онъ еще юный!»—подумала им- нестомъ государыни, было немнога пред- шему величеству».

ставлявшихся лицъ, и онъ, усѣвши въ — Видите, другъ мой, Иванъ Ивано- людми ператрица, взглянувъ на сѣйшее, молодое не памтили. Вы такъ хорошо молодыми ператрица,—прибавила им- лицо Полянскаго и замѣтилъ его смущеніе: кресло, имѣть время предаться своимъ вѣчъ,—сказала императрица, откладывая ператрица, смотря вопросительно на Бец- «надо его приласкать!»

размышиленіемъ, почти не замѣчая стоивъ въ сторону прочитанное ею письмо.—каго.

шаго взоръ него стройнаго молодого че- какъ Полянскій обворожилъ нашего ста- — О, государына, я буду счастливъ ис- господинъ Полянскій?—спросила она.

лотка, одѣтаго по послѣдней версальской ричка! А вотъ и другое Вольтерово писа- полнить волю вашу!

модъ, съ изѣжнымъ, красивымъ лицомъ. вѣ: «Я получиль печальное извѣстіе, что — Да, да,—задумчиво проговорила Ека- — И я имѣла о вѣсъ за это время доб- Онъ низко поклонился Бецкому при его тогъ Полянскій, который по волѣ вашей терина,—у вѣсъ тамъ, въ академіи, вс- взглядъ, но Иванъ Ивановичъ, сѣдавъ путешествовалъ и котораго и столько лю- таки сонное царство... Авось молодой че- — Я и имѣла о вѣсъ отъ нашего общаго знакомаго,— продолжала императрица.—Вы не догады- вѣсъ общій поклонъ, не обратилъ на не- бѣль и почиталь, возвратившись въ Пе- логбѣкъ встрѣчаетъ кое-кого. И Нѣмцевъ— продѣлъ, то я чрезмѣрно сожалѣю». Кто- рѣвъ, утонулъ въ Невѣ. Если это то много, а онъ Русскій, да еще Вольте- ваетесь отъ кого? Отъ господина Вольтера, правда, то я чрезмѣрно сожалѣю». Кто- рѣвъ, утонулъ въ Невѣ. Если это то много, а онъ Русскій, да еще Вольте- рекомендовалъ мнѣ вѣсъ съ хорошей стороны, и такъ какъ вѣмъ пока нечего дѣлать въ комиссии законовъ, то я назначила вѣсъ конференцъ-секретаремъ въ Академіи Художествъ. Иванъ Ивановичъ знаетъ, и вы къ нему явитесь. Не сомнѣваюсь, что вы оправдаете и мою вѣ- вѣмъ доѣрѣнность, и рекомендацию умѣшаго человѣка въ Европѣ,—ласково при- бавила Екатерина, старалась ободрить смущеннаго и удивленаго Полянскаго.

— О, государына,—воскликнулъ По- лянскій,—всѣ силы мои посвящу на слу- женіе вашему величеству, если только буду годиться.

— Я и не сомнѣваюсь въ томъ,—сказала императрица.—Счастливаго успѣха на новой вашей должности!

Поцѣловавъ руку государыни, Полянскій не помнилъ уже, какъ онъ, не сбоядая, быть можетъ, всѣхъ обрядностей при- дворного этикета, вышелъ изъ кабинета приемной и какъ добрался до дворцо- ваго подѣза въ ту минуту, когда отъ него отѣзжалъ золотая карета Бецкаго, очень обѣзпокоенного словами государыни о «сонномъ царствѣ» въ академіи и большомъ количествѣ академическихъ Нѣмцевъ- художниковъ.

II.

Чичеринъ, санкт-петербургскій поли- цеймейстеръ, спрѣдливо докладывалъ Екатеринѣ, что Василий Ипатій Полян- скій «шалилъ» въ Петербургѣ по прѣѣздѣ своемъ изъ чужихъ краевъ. За границѣ постоянныи университетскіи занятія, зна- комство съ просвѣщеннѣшими представителями западно-европейской литературы и науки, самыи складъ общественной жизни излагали на подвижный, увлекающійся характеръ Полянскаго пѣхоторую узду. Возвратившись въ Петербургъ, Полянскій помогалъ получить какое-либо мѣсто, но скоро узналъ, какъ трудно добиться этой цѣли безъ содѣствія милостивцовъ. Но зато молодость Полянскаго, изящный,

Ген.-офф.-инф. баронъ Антонъ Егоръ ЗАЛЬЦА, назначенный комендантомъ Петроградской крѣпости. Членъ Александровскаго Комитета о раненыхъ. На службу поступилъ въ 1862 году, — подпоручикомъ л.-гв. Стрѣлковаго батальона. Императорской Фамилии. Участвовалъ въ Польской кампаниѣ 1863—1864 г.г. и въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г., когда, кроме другихъ боевыхъ отличий, получилъ орденъ св. Георгия 4 ст. и золотое оружие. Георгиевскій крестъ имѣлъ полученъ за взятие штурмомъ горы Аджи-Альма, съ находившимся подъ его начальствомъ 1-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ батальономъ, въ спискахъ кото- раго съ той поры числится ген. Зальца.

Прошло нѣсколько минутъ, и изъ кабинета императрицы вышелъ графъ Ни- кита Ивановичъ Панинъ. Едва успѣхъ Бецкій обмѣняться съ нимъ привѣтствиями, какъ и самъ приглашенъ быль къ го- сударыни. Екатерина сидѣла за люби- мымъ своимъ рабочимъ столикомъ, вогну- тымъ съ двухъ сторонъ и, милостиво про- тянувъ руку для поцѣлуя, взглянувъ указа- зала Бецкому мѣсто противъ себя. Смотря на его старческое лицо, напряженное отъ ожиданія, императрица слегка улыбну- лась и проговорила:

— Не удивляйтесь, другъ мой, Игать Ивановичъ, что я потревожила вѣсъ. Но, право, вы мнѣ очень нужны сегодня по- тому, что и меня тревожить своими пись- мами, знаете кто? Господинъ Вольтеръ, вѣшъ старый знакомый, и я хочу съ вѣми посовѣтваться. Не зналъ ли вы, Иванъ Ивановичъ, по комиссіи обѣ уложеніи молодого чиновника Полянскаго? Можетъ быть припомните: онъ писалъ о соп- вѣстномъ судѣ, и я послала его затѣмъ учиться за границу? Нѣтъ?

Бецкій нахмурилъ брови, сморщилъ лицо, и вдругъ лучъ воспоминанія сверк- пуль въ его глазахъ.

— Будто я сейчасъ видѣлъ его въ приемной вашего величества,—сказалъ онъ.—Помню, помню!

— У вѣсъ прекрасная, счастливая на- мѣсть, Иванъ Ивановичъ, я всегда это го- ворила,—замѣтила Екатерина съ улы- бкой.—Ну, вѣтъ, о Полянскомъ и пинкель- мнѣ Вольтеръ изъ своего Ферлея. Я про- чту вѣмъ, что онъ пишеть, но вы не вѣрите ему, что онъ пишеть обо мнѣ: вѣмъ вѣдомо, какой онъ ласкателъ. Слушайте: «Господинъ Полянскій дѣлаетъ мнѣ иногда честь своими посыщеніями. Онъ приводить вѣсъ въ восхищеніе описаніемъ великолѣпія двора вашего, вашей енисходительности, непрерывныхъ вѣ- шихъ трудовъ и множества великихъ

свѣтской лоскъ, привезенный имъ изъ-за войнъ куколки съ высокой взбитой, из подо- свѣтили свою жену, несмотря на всѣ ея брачные въ нравственно испорченныхъ границы, и тысяча душъ въ Казанской дѣ корабля, при ской, а la reine d'Angle- просыбы. Она любила разспрашивать По- придворныхъ и свѣтскихъ кругахъ, твер- губерніи, доставшаяся ему отъ отца, обез- теге, съ парусами и мачтами. До- лжикаго о его жизни за границей, о его до вѣрить въ неприкосновенность домаш- печили для него хороший приемъ въ выс- стигнувшемъ 20-лѣтнаго возраста, Лизавѣ- знакомствѣ съ гремѣвшими на весь мѣръ его очага. Да и по натурѣ своей шесть петербургскому обществу. Онь та Александровна рѣшилась выйти за- писателями, а онъ любилъ и умѣлъ ей раз- онъ не былъ способенъ волноваться. Но сталь желаннымъ гостемъ всюду, гдѣ мужъ за Демидова. Женихъ елъ, вѣлько склонялся къ Демидовой—едва ли онъ самъ могъ тѣлько не менѣе доступенъ былъ глубокому молодежи: у Нарышкиныхъ, Голицыныхъ, молодъ, богатъ и вѣдомъ, камергеръ себѣ объяснилъ, но Демидова, вспомо- чувствуя, хотя и самъ не зналъ, какъ оно Чернышевыхъ, особенно живое участіе высочайшаго двора, чѣмъ, въ глазахъ ея преструемая внушеніемъ т-е Florand, можетъ у него выльиться. Сомнѣваться въ принимая въ комедійныхъ зрѣлищахъ, родителей, Лопатинихъ, изъ старинаго была въ восторгѣ отъ «друга Вольтера», вѣрности своей жены, даже ревновать ее устраивавшихъ любителями изъ высшихъ, но нечиновного дворянскаго рода, имѣло отъ безакорднаго, на ея взглядъ, па- къ кому-либо ему никогда не приходило аристократическихъ круговъ. Скучанъ безъ особый вѣсъ и значеніе. Притомъ, послѣд- рижанина, павшаго къ ея ногамъ.

быть къ было къ былъ тотъ первый про- маніе ста-

умала им- се, молодое сущеніе:

хъ краяхъ, она.

император-

время доб- акомаго,—

не догады- вольтера.

ть хорошей ока, нечего

я назна- аремъ въ

Иванови- витесь. Не

и мою къ- ию умѣ- сково при-

здѣсть сму- каго.

жнуль По-

ну на слу- голько буду

томъ,—ска- го успѣха

и, Полян- не соблю-

ностей при-

ѣ кабинета

до дворца— когда отъ

а Бецкаго,

сударыни о

и большомъ

Нѣцвѣтъ.

скій поли-

окладываль-

ичъ Полян- по прѣдѣ-

а границей

нити, зна- и представ-

литературы

ной жизни

закающейся

вторую узду.

Полянскій

мѣсто, но

бѣться этой

ивѣрь. Но

изящный,

придворныхъ и свѣтскихъ кругахъ, твер- губерніи, доставшаяся ему отъ отца, обез- теге, съ парусами и мачтами. До- лжикаго о его жизни за границей, о его до вѣрить въ неприкосновенность домаш- печили для него хороший приемъ въ выс- стигнувшемъ 20-лѣтнаго возраста, Лизавѣ- знакомствѣ съ гремѣвшими на весь мѣръ его очага. Да и по натурѣ своей шесть петербургскому обществу. Онь та Александровна рѣшилась выйти за- писателями, а онъ любилъ и умѣлъ ей раз- онъ не былъ способенъ волноваться. Но сталь желаннымъ гостемъ всюду, гдѣ мужъ за Демидова. Женихъ елъ, вѣлько склонялся къ Демидовой—едва ли онъ самъ могъ тѣлько не менѣе доступенъ былъ глубокому молодежи: у Нарышкиныхъ, Голицыныхъ, молодъ, богатъ и вѣдомъ, камергеръ себѣ объяснилъ, но Демидова, вспомо- чувствуя, хотя и самъ не зналъ, какъ оно Чернышевыхъ, особенно живое участіе высочайшаго двора, чѣмъ, въ глазахъ ея преструемая внушеніемъ т-е Florand, можетъ у него выльиться. Сомнѣваться въ принимая въ комедійныхъ зрѣлищахъ, родителей, Лопатинихъ, изъ старинаго была въ восторгѣ отъ «друга Вольтера», вѣрности своей жены, даже ревновать ее устраивавшихъ любителями изъ высшихъ, но нечиновного дворянскаго рода, имѣло отъ безакорднаго, на ея взглядъ, па- къ кому-либо ему никогда не приходило аристократическихъ круговъ. Скучанъ безъ особый вѣсъ и значеніе. Притомъ, послѣд- рижанина, павшаго къ ея ногамъ.

но какъ ни восторгалась т-е Florand для него одно и то же. Отъ не подозрѣ-

оглядки въ открытии ему мѣръ веселы, сдѣлавшись потому ея компаньонкой, личностью Василія Ипатича, онъ не вѣрь, что у Лизавѣты Александровны мо-

стей и наслаждений. Но особо «прятная т-е Florand, внушила уже своей вѣрѣ подошелъ къ ея идеалу. Онъ ока- гутъ быть иныхъ требованій къ жизни,

чувствованія» возбуждало въ немъ вниманіе воспитанницы, что замужней женщинѣ зался въ на высотѣ парижскаго своего чѣмъ у него самого, и чистосердечно ду-

нѣ петербургскіхъ красавицъ, а въ то вре- гораздо легче, чѣмъ дѣвушки, пользовать- воспитанія: онъ отвергъ теорію «тѣнажъ малъ, что, удовлетворяя вѣрѣ ея жела-

ма онъ были такъ нестроги и такъ мало спѣшили, что прежде, чѣмъ полюбить ко- а іго», и, какъ дикій Скинъ, не трону- пія и даже капризъ, онъ даетъ ей

голову. Любить ее и вѣрить ей было

дѣйствіемъ, Василій Ипатич ринулся безъ плая губернантка Лизавѣты Александров-

и, Но какъ ни восторгалась т-е Florand для него одно и то же. Отъ не подозрѣ-

оглядки въ открытии ему мѣръ веселы, сдѣлавшись потому ея компаньонкой, личностью Василія Ипатича, онъ не вѣрь, что у Лизавѣты Александровны мо-

стей и наслаждений. Но особо «прятная т-е Florand, внушила уже своей вѣрѣ подошелъ къ ея идеалу. Онъ ока- гутъ быть иныхъ требованій къ жизни,

чувствованія» возбуждало въ немъ вниманіе воспитанницы, что замужней женщинѣ зался въ на высотѣ парижскаго своего чѣмъ у него самого, и чистосердечно ду-

нѣ петербургскіхъ красавицъ, а въ то вре- гораздо легче, чѣмъ дѣвушки, пользовать- воспитанія: онъ отвергъ теорію «тѣнажъ малъ, что, удовлетворяя вѣрѣ ея жела-

ма онъ были такъ нестроги и такъ мало спѣшили, что прежде, чѣмъ полюбить ко- а іго», и, какъ дикій Скинъ, не трону- пія и даже капризъ, онъ даетъ ей

голову. Любить ее и вѣрить ей было

дѣйствіемъ, Василій Ипатич ринулся безъ плая губернантка Лизавѣты Александров-

и, Но какъ ни восторгалась т-е Florand для него одно и то же. Отъ не подозрѣ-

оглядки въ открытии ему мѣръ веселы, сдѣлавшись потому ея компаньонкой, личностью Василія Ипатича, онъ не вѣрь, что у Лизавѣты Александровны мо-

стей и наслаждений. Но особо «прятная т-е Florand, внушила уже своей вѣрѣ подошелъ къ ея идеалу. Онъ ока- гутъ быть иныхъ требованій къ жизни,

чувствованія» возбуждало въ немъ вниманіе воспитанницы, что замужней женщинѣ зался въ на высотѣ парижскаго своего чѣмъ у него самого, и чистосердечно ду-

нѣ петербургскіхъ красавицъ, а въ то вре- гораздо легче, чѣмъ дѣвушки, пользовать- воспитанія: онъ отвергъ теорію «тѣнажъ малъ, что, удовлетворяя вѣрѣ ея жела-

ма онъ были такъ нестроги и такъ мало спѣшили, что прежде, чѣмъ полюбить ко- а іго», и, какъ дикій Скинъ, не трону- пія и даже капризъ, онъ даетъ ей

голову. Любить ее и вѣрить ей было

дѣйствіемъ, Василій Ипатич ринулся безъ плая губернантка Лизавѣты Александров-

и, Но какъ ни восторгалась т-е Florand для него одно и то же. Отъ не подозрѣ-

оглядки въ открытии ему мѣръ веселы, сдѣлавшись потому ея компаньонкой, личностью Василія Ипатича, онъ не вѣрь, что у Лизавѣты Александровны мо-

стей и наслаждений. Но особо «прятная т-е Florand, внушила уже своей вѣрѣ подошелъ къ ея идеалу. Онъ ока- гутъ быть иныхъ требованій къ жизни,

чувствованія» возбуждало въ немъ вниманіе воспитанницы, что замужней женщинѣ зался въ на высотѣ парижскаго своего чѣмъ у него самого, и чистосердечно ду-

нѣ петербургскіхъ красавицъ, а въ то вре- гораздо легче, чѣмъ дѣвушки, пользовать- воспитанія: онъ отвергъ теорію «тѣнажъ малъ, что, удовлетворяя вѣрѣ ея жела-

ма онъ были такъ нестроги и такъ мало спѣшили, что прежде, чѣмъ полюбить ко- а іго», и, какъ дикій Скинъ, не трону- пія и даже капризъ, онъ даетъ ей

голову. Любить ее и вѣрить ей было

дѣйствіемъ, Василій Ипатич ринулся безъ плая губернантка Лизавѣты Александров-

и, Но какъ ни восторгалась т-е Florand для него одно и то же. Отъ не подозрѣ-

оглядки въ открытии ему мѣръ веселы, сдѣлавшись потому ея компаньонкой, личностью Василія Ипатича, онъ не вѣрь, что у Лизавѣты Александровны мо-

стей и наслаждений. Но особо «прятная т-е Florand, внушила уже своей вѣрѣ подошелъ къ ея идеалу. Онъ ока- гутъ быть иныхъ требованій къ жизни,

чувствованія» возбуждало въ немъ вниманіе воспитанницы, что замужней женщинѣ зался въ на высотѣ парижскаго своего чѣмъ у него самого, и чистосердечно ду-

нѣ петербургскіхъ красавицъ, а въ то вре- гораздо легче, чѣмъ дѣвушки, пользовать- воспитанія: онъ отвергъ теорію «тѣнажъ малъ, что, удовлетворяя вѣрѣ ея жела-

ма онъ были такъ нестроги и такъ мало спѣшили, что прежде, чѣмъ полюбить ко- а іго», и, какъ дикій Скинъ, не трону- пія и даже капризъ, онъ даетъ ей

голову. Любить ее и вѣрить ей было

дѣйствіемъ, Василій Ипатич ринулся безъ плая губернантка Лизавѣты Александров-

и, Но какъ ни восторгалась т-е Florand для него одно и то же. Отъ не подозрѣ-

оглядки въ открытии ему мѣръ веселы, сдѣлавшись потому ея компаньонкой, личностью Василія Ипатича, онъ не вѣрь, что у Лизавѣты Александровны мо-

стей и наслаждений. Но особо «прятная т-е Florand, внушила уже своей вѣрѣ подошелъ къ ея идеалу. Онъ ока- гутъ быть иныхъ требованій къ жизни,

чувствованія» возбуждало въ немъ вниманіе воспитанницы, что замужней женщинѣ зался въ на высотѣ парижскаго своего чѣмъ у него самого, и чистосердечно ду-

нѣ петербургскіхъ красавицъ, а въ то вре- гораздо легче, чѣмъ дѣвушки, пользовать- воспитанія: онъ отвергъ теорію «тѣнажъ малъ, что, удовлетворяя вѣрѣ ея жела-

ма онъ были такъ нестроги и такъ мало спѣшили, что прежде, чѣмъ полюбить ко- а іго», и, какъ дикій Скинъ, не трону- пія и даже капризъ, онъ даетъ ей

голову. Любить ее и вѣрить ей было

дѣйствіемъ, Василій Ипатич ринулся безъ плая губернантка Лизавѣты Александров-

и, Но какъ ни восторгалась т-е Florand для него одно и то же. Отъ не подозрѣ-

оглядки въ открытии ему мѣръ веселы, сдѣлавшись потому ея компаньонкой, личностью Василія Ипатича, онъ не вѣрь, что у Лизавѣты Александровны мо-

ген.-лейт. князь Павелъ Никол. ЕНГАЛЫЧЕВЪ,
назначенный Варшавскимъ генераль-губернаторомъ.

ВЪ СЕРБИИ.—Король Петръ съ возвышенности наблюдаетъ за боемъ, который кончился побѣдою сербскихъ войскъ. За королемъ его свита.

ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ЛАЗАРЕТЪ ВЪ ПЕТРОГРАДЪ.

Какъ освящали Англійский лазаретъ для нашихъ раненыхъ воиновъ. Этотъ лазаретъ, находится на Большомъ пр. Васильевского Острова въ Петроградѣ, устроено на 50 кроватей.
Освящалъ лазаретъ, въ сослуженіи съ англійскимъ священникомъ, о. Строковскій,—бышій діакономъ въ русской церкви въ Лондонѣ. На освященіи присутствовалъ великобританскій посолъ, сэръ Джорджъ Бьюкенэнъ, его супруга, лади Джорджина Бьюкенэнъ, несущая обязанности сестры милосердія въ лазаретѣ, дочь посла, миссъ Маріель Бьюкененъ, известная писательница, и другія лица.
Puc. Fr. Dadd («The Graphic»).

rand,—я только думаю или иначе кажется, Прошло часа два. Лизавета Александровна что она уѣхала съ господиномъ Полянскимъ стала чувствовать себя лучше, уже «воздушнымъ» самоваръ и открыли дорожный погре-

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого весь домъ Демидова былъ изъ ногахъ. Mme Florand, бывшую въ обморокѣ, перепесли въ ее комнату, а самъ Демидовъ, взлюстъ котораго какъ рукой сняло, уже выѣзжалъ въ каретѣ съ вершинками къ обѣръ-полиціймайстеру Чичерину. Недолго продолжалось общество между сановниками, и черезъ двадцать минутъ Демидовъ, въ сопровожденіи полицейского офицера и будочниковъ на двухъ тройкахъ, уже несся по Московской дорогѣ съ твердой рѣшимостью, рано или поздно, догнать соблазнителя и невѣрую супругу.

Въ заботѣ, чтобы на нее не пало подозрѣніе въ соучастіи въ планахъ счастливыхъ любовниковъ, Mme Florand слишкомъ рано поспѣшила ихъ выдать. Полянскій разсчитывалъ, что она будетъ имѣть по крайней мѣрѣ сутки ходу предъ Демидовымъ, что когда на другой день Никита Григорьевичъ узнаетъ по возвращеніи изъ Царскаго Села о бѣгствѣ его жены, то тогда и рѣчи не можетъ быть о погонѣ. Онь успѣть доставить Лизавету Александровну къ себѣ въ деревню, а тамъ,—что-жъ?—пусть мужъ хлопочетъ о разводѣ. Полянскій не сомнѣвался ни одной минуты въ томъ, что похищеніе удастся. Оньѣхалъ по Московскому шоссе легко и спокойно, не гоня лошадей, въ доріѣ четверней. Былъ сопровождаемъ лишь крѣпостной дядька Полянскаго, Семенъ, помѣстившійся на запяткахъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера дормezъ Полянскаго былъ уже въ Тоснѣ, откуда послѣ недолгаго отдыха, необходимаго для разстроенныхъ нервовъ Лизаветы Александровны, Полянскій думалъ двинуться рано утромъ въ дальнѣйшій путь на сѣржихъ лошадахъ. Въ то время на всѣхъ большихъ станціяхъ по Московской дорогѣ существовали постоянные дворы съ чистыми комнатами для проѣзжающихъ. На одночь изъ такихъ дворовъ и расположилъся Полянскій, лаская и успокаивая дрожащую свою спутницу, которая какъ бы только теперь уразумѣла все значеніе своего поступка и истерически рыдала.

Командиръ батареи, подполк. Сергій Михайлович Ильїнъ.
Награждены орденомъ св. Георгія 4 ст.

Ген.-лейт. Пав. Оск. Папенъ УТЬ, награждены орденомъ св. Георгія 4 ст.

Командиръ бригады ген.-м.
Никол. Максим. ИВАНОВЪ, награжденный
орденомъ св. Георгія 4 ст. и Георгіев-
скимъ оружиемъ.

ВЪ ФЮРНЕСЬ.—ГЛАВНОЙ КВАРТИРЪ КОРоля АЛЬБЕРТА. Старая церковь, расположенная въ несколькихъ километрахъ отъ германскихъ позиций, является какъ бы отражениемъ всей Бельгіи, у которой остались лишь храбрость ея бойцоў - героевъ, во главѣ съ королемъ-рыцаремъ, и вѣра въ Божію Правду. Часть утомленныхъ солдатъ свалились, изнеможенные, и забылись крѣпкимъ сномъ на каменномъ полу церкви часть, на колынахъ, окружила крестодру, оттуда льются слова утешенія и надежды.

бецъ съ яствами, какъ вдругъ передъ постолымъ дворомъ раздался страшный лопадинный топотъ и шумъ подъхавшихъ экипажей. Еще минута, и въ комнату, занятую бѣгающими, ворвался Демидовъ, въ сопровождѣніи полицейскихъ. Онъ встрѣченъ былъ раздирающимъ душу крикомъ

Лизаветы Александровны, тутъ же упавшее лицо его «душеньки Лизы!» Когда Что скажетъ теперь дворъ, государына? Никита Григорьевичъ остался наединѣ съ Ты никогда не любила меня, обманщица! своей женой, распростертой на широкомъ А я чѣмъ же тебя погубить, безсовѣтна!

— Я сама буду просить государыню отпустить меня изъ монастыря. Вамъ всегда все равно было, какая у васъ жена, есть она у васъ или нѣтъ. Будто вещь какая вамъ досталась!

«А онъ, въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ хоропъ, будто и не онъ», подумала она невозмутимо, смотря на чрезчуръ «одушевленнаго» Никиту Григорьевича.

— И я рада, да, очень рада,—продолжала она съ видимымъ озлобленіемъ,—что хоть теперь отомстила вамъ...

Лицо ея горѣло, волосы ея спутались, и она, вскочивъ съ дивана и издигаясь на остољбенѣвшаго отъ удивленія Демидова, еще долго говорила ему, въ слезахъ и рыданіяхъ, о его винахъ передъ нею, о своей горемычной, затубленной жизни, пока, наконецъ, дико вскрикнувъ, бросилась въ истерику въ его распростертый объятия.

М-ле Florand находилось во всю свою жизнь не имѣла болѣе талантливой ученицы. По возвращеніи Демидовыхъ домой, она также примирилась съ Никитой Гр-

Кап. Д. И. ПОВАЛИШИНЪ, награжденъ
орденомъ св. Георгія 4 ст. и золотымъ
Георгіевскимъ оружиемъ.

Кап. А. Г. РАЗМИНОВИЧЪ, раненъ въ
голову. За боевые отличия награжденъ
Георгіевскимъ золотымъ оружиемъ.

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Одинъ изъ митинговъ, устраиваемыхъ младотурками въ Константинополь. Толпа съ турецкими, германскими и австрійскими флагами собралась около фонтана, подаренного туркамъ Вильгельмомъ II въ 1898 г. Со ступенемъ фонтана ораторъ-младотурецъ держа рѣчь къ толпе.

克莱恩查特съ диванъ, то всячески старалася привести ее въ чувство. Онъ всегда любилъ ее, а теперь, когда едва не потерялъ ее навѣки, она, странно сказать, какъ будто сдѣлалась для него еще дороже. Глядѣть его на жену-измѣницу удивительнымъ образомъ сочеталось съ чувствомъ жалости къ юной, прекрасной женщинѣ, занѣйной, неопытной, безмолвно ожидающей возмездія отъ оскорблѣнаго мужа, тогда какъ она въ сущности была только жертвой извѣстнаго всему Петербургу негодяя-обольстителя. Демидовъ не замѣчалъ, что лежавшая безъ чувствъ Лизавета Александровна сквозь опущенные рѣсицы обдавала его тревожнымъ взглядомъ, какъ бы желая угадать чувства, волновавши его душу. Когда она, наконецъ, пришла въ себя и открыла помутнѣвшимъ отъ слезъ глаза, то уже знала, что и какъ ей нужно говорить.

— Вы навѣки погубили меня, безсчастную,—сказала она, зарыдавъ.

— Ты, измѣница, осрамила меня на всю имперію,—вспыхнула Демидовъ.—

Полковн. Юрий Конст. УСТИМОВИЧЪ,
награжденъ Георгіевскимъ оружиемъ
за то, что въ бою 19 сент. 1914 г. у
Радостава захватилъ съ боя важную
позицию, сбѣл передовыя части нем-
цевъ, выдержалъ затѣмъ ихъ напоръ
и облегчилъ дальнѣйшую работу всей
дивизіи, оказавъ своими дѣятѣями
решительное влияніе на исходъ боевъ.

съ войн.

Группа русских офицеров у города въ Восточной Пруссії, взятаго нашими войсками.

горьевичемъ, и потому отзывалась о чѣмъ пчтовора сенатскаго я утвердить не чѣмъ, какъ о добромъ человѣкѣ. Черезъ мѣсяцъ Могу и Полянскаго помилую. Съѣзъ исполнилось давнее желаніе Лизаветы — Дозвольте мѣсяцъ, государыни, доложить Александровны: она уѣхала за границу со своей почтенной наставницей и съ мужемъ, земскій, покраснѣть, — что на сіе, мѣсяцъ въ извѣшнѣи себѣ двухгодичный отпускъ.

IV.

На другой день на утреннемъ докладѣ Царю Селѣ обѣр-полиціймайстеръ Чичеринъ донесъ императрицѣ Екатеринѣ о похищении Демидовой, о взятіи академическаго секретера на гауптвахту и спрашивалъ ея повелѣній. Императрица съ любопытствомъ слушала всѣ подробности неудачнаго побѣга Демидовой съ Полянскимъ и все время смотрѣлась. Затѣмъ она приказала Чичерину взять съ Полянскаго отвѣты на допросные пункты и послѣ этого отпустить на свободу.

Однако, дѣло Полянского внезапно осложнилось. Всегда точный въ исполненіи порученныхъ ему дѣлъ, Чичеринъ, изъ желанія вполнѣ выяснить дѣло, предъявилъ Полянскому такіе допросные пункты и въ такихъ подробнотахъ, которыхъ касались и самой «высокородной супруги высочайшаго двора камергера». Пространно отвѣтилъ на одни пункты, Полянский противъ другихъ отмѣтилъ только, что «единой подлостью чувствованій допросчика изъясняется опѣтъ сочиненіе таковыхъ пунктовъ и по враждебной двоюродной чести отвѣчаетъ на нихъ не иначе, какъ презрѣніемъ».

Этотъ отзывъ Полянского былъ какъ нельзя болѣе на руку всѣмъ его врагамъ. За «продерзостныи отвѣты» и оскорбленіе обѣр-полиціймайстера, производившаго допросъ по высочайшему повелѣнію, Полянский былъ преданъ суду сената, где на дѣло посмотрѣли, какъ и сѣдовало ожидать, исключительно съ формальной точки зренія, не входя въ тонкости разбора «подлости чувствованій». Чичерина и «дворянской чести» самого Полянского. Основываясь на выведенныхъ на справку и подходящихъ къ случаю статтяхъ изъ «Уложенія царя Алексія Михайловича», «Воинскаго артикула» и «Морскаго устава», сенатъ приговорилъ Полянского къ отсечению правой руки, писавшей «продерзостныи отвѣты», и приговоръ этотъ представилъ на высочайшее утвержденіе черезъ генераль-прокурора князя Вяземскаго.

Императрица со вниманіемъ прочла докладъ Сената и приложенные къ нему допросные пункты Чичерина съ отвѣтами Полянского и, обращаясь къ генеральному прокурору, замѣтила, пожавъ плечами:

— Сенатъ долженъ обсужденіе дѣла, а не токмо приводить законы, кои стоятъ тому паздѣть изданы... Докладъ вашъ, князь, я оставилъ у себѣ, но гарантъ скажу вамъ,

сообщила о приговорѣ сената по дѣлу Полянского, известного всему городу, и сказала Бецкому:

— Во всякомъ случаѣ вы лишаетесь конференц-секретаря, который вы были такъ доволены. Ему нельзѧ оставаться въ Петербургѣ, гдѣ онъ себя тамъ прославилъ и гдѣ у него такъ много враговъ. Но кто его возьметъ?

— Государыни,—сказалъ графъ Чернышевъ,—если ваше величество оставите ему руку, то я нижайше прошу определить его ко мѣсту въ правителіи канцеляріи по званію моему бѣлорусскаго генерал-губернатора. Такіе люди мѣстѣ нужны, а съ подьячими я измучился.

— Я графу подлинно удивляюсь, — произнесъ съ раздражениемъ сиповатымъ голосомъ великий князь Павелъ Петровичъ. — Его, этого Полянского, должно въ крѣпости содержать, а не мѣста ему давать. Человѣкъ разратный и дисциплины не знающій, а будетъ губерніями управлять!

Императрица поднялась изъ-за стола, застѣгнула пальцы. Принявъ изъ рукъ давно; мы помнимъ его еще такъ хорошо, юнаго камсур-юнкера большую чашку его вѣнѣніе, его незримое присутствіе еще такъ ощущимо во всей нашей духовной жизни, что слишкомъ понятель этотъ великий князь Павла Петровича, тихо просилъ. Сынъ покойнаго, Илья Львовичъ, упоминалъ въ письмахъ съ войны что ему не разъ доводилось слышать это же же вопросъ «тамъ» — на самомъ полѣ великой борбы. Александра Львовна Толстая говорить о томъ же въ своихъ впечатлѣніяхъ. Люди, встрѣчаясь съ дѣтьми Льва Толстого, не могли удережаться отъ невольнаго высказыванія этой мысли.

— А его самого вы, мой старый другъ, — сказала вѣзали бы къ себѣ на отчетъ? Скажите мнѣ сущую правду.

— Государыни! — воскликнулъ пораженный словами Екатерины Чернышевъ и запнулся.

— А я, — продолжала императрица, понижая голову до шопота, — я должна буду оставить ему всю имперію...

Е. Шумагорская.

Левъ Толстой и война.

Ужъ сколько разъ случалось и слышать, Петъ Васильевичъ Завадовскій, графъ отнесся къ пынѣшней войнѣ, если бы до-Захарь Григорьевичъ Чернышевъ и мнѣ жаль?..

— Онъ ушелъ отъ насъ еще такъ не-

Принцъ ГУССЕЙНЪ-КА ЕЛЬ, новый египетский султанъ. Султанъ Гусseinъ — второй сынъ знаменитаго хедива Измайла и дядя низложеннаго хедива.

Вопросъ тѣмъ острѣ, что мы все знаемъ, что онъ «отрица» войну. Въ прежніе годы мы относились къ этому почти равнодушно, какъ къ «философско-мѣтию». Въ общемъ мы сочувствовали этому мнѣнію: «война, конечно, есть зло», и «не нужно убивать людей». Дальше вѣлаго признания мысли почти не шла, ибо ей не было настойчивой причины зажигаться сопротивлѣніемъ — «сторить и прекословить».

Но теперь эта причина на лицѣ.

Когда война пришла, она оказалась вѣтъ, чѣмъ мы предполагали издали, «Убивать людей...» Но тутъ не только убиваютъ, а прежде всего сами жертвуютъ тѣмъ, чѣмъ, казалось бы, невозможно жертвовать. Отдаютъ свою жизнь часто добровольно, безъ особой даже необходимости, — всегда безъ ропота, въ покорности, которую иначе не назовешь, какъ религиозной.

Война вдвинула насъ въ мистическое переживаніе жизни — въ то серъезѣйшее къ ней отношеніе, котораго требовали отъ насъ и болѣе или менѣе тщетно старались пробудить въ насъ всѣ про-покѣники морали и пророки религіозной истины — Левъ Толстой въ томъ числѣ.

Да, тутъ по справедливости можно спросить: что сказать бы «онъ», если бы дожилъ до этихъ дней и почувствовалъ все, что они несутъ съ собой? Не смущалась ли бы въ немъ та слишкомъ «трезвенная», разсудительно-морализующая опѣка, въ которой онъ (въ послѣдніе годы особенно) поддавалъ ко всѣмъ явлениямъ жизни? Не чувствовалъ ли бы онъ прѣсный вкусъ той арииа destillatae, на которой онъ хотѣлъ замѣстить тѣсто мірового бытія и исторического строительства? Не бросился ли бы ему прямо въ глаза тотъ острый трагизмъ людей супѣбы, о которомъ онъ, конечно, зналъ (*«Война и Миръ!»* *«Анна Каренина!»*), но на который въ послѣдніе годы какъ-то постарчески успокаительно закрывать глаза?

Трудные вопросы; перазрѣшимость отвѣтъ!..

Но, думая о «немъ» и объ его «отрица-ніяхъ», хочется отвѣтить одно — просто какъ чисто-объективное замѣчаніе «литературной критики». Вѣдь никто изъ нашихъ великихъ писателей (за единствен-

Корреспондентъ «Нового Времени» и «Вечернаго Времени» А. И. Ксюнинъ, награжденный командующимъ арміей Георгіевской медалью «за храбрость», оказавшую во время варшавскихъ боевъ, при перевозкѣ раненыхъ подъ огнемъ непріятеля.

В. В. СТРЕЛЬСКАЯ в начале 80-х годов минувшего века.

и то лишь частичным исключением Лермонтова) не умѣлъ изображать войну, какъ войну, въ ея реализмѣ, кромѣ именно Льва Николаевича. У Пушкина война—«предметъ пѣснотѣй», явленіе эпическое и обобщенное почти до степени художественной схемы (Полтавскій бой); у Гоголя она—такая же фантастика, такой разъ во-время. Переживаемыя нами события особенно обостряютъ вопросы русского национального самослуженія, и есть все основанія думать, что послѣ войны, съ возвращеніемъ къ спокойной работѣ культуры мысли, мы встрѣтимся съ этими и все его творчествомъ (эпopeя «Тараса Бульбы»); Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій не знаютъ войны. Только Лермонтовъ даетъ первый ея реальный эскизъ («Валерикъ»). Но только Левъ Толстой пишетъ целую галерею ея картинъ—только онъ одинъ, отъ разной написаніе цѣлое, духовно независимое молодости, отъ «Казаковъ» и «Севастопольскихъ разсказовъ», и до предсмертного «Хаджи-Мурата», не уставалъ обращаться къ ней мыслью и художественнымъ вниманіемъ и рисовать бытъ войны (если можно такъ выразиться) во всѣхъ подробностяхъ, съ такой же любовью и любовью, какъ Тургеневъ—быть дворянской усадьбы или Достоевскій—«интеллигентъ» квартиры Петербурга.

Но странно ли это? Тѣмъ болѣе, что «любование» тутъ тоже несомнѣнно. Никто не скажетъ, чтобы «Севастопольские разсказы» или картины «Войны и Мира» такъ-таки «индушили отвращеніе» къ «этой ужасной непрѣдѣльности»—войнѣ. Скорѣе наоборотъ... Но что еще замѣтѣло: такого отвращенія отъ войны не вспыхиваетъ и самъ «Хаджи-Муратъ», написанный, однако, послѣ всѣхъ отрицаній. Болѣе того: при чтеніи его необыкновенно «сѣхъ», точно обѣянныхъ кавказскимъ просторомъ странницъ, начинаетъ казаться, что на этихъ «грызныхъ», съ точки зрѣнія проповѣдника и моралиста, страницахъ художникъ забывалъ стѣсненія горизонтовъ реальной жизни...

Конечно, легко замѣтить, что война «удалась» какъ разъ тѣмъ изъ русскихъ писателей, которые сами пережили ее реально. Даже Пушкинъ видѣлъ войну лишь издали, какъ подробность своего «путешествія въ Азію»; Гоголь нечтѣлъ о войнѣ, какъ о всемъ другомъ; Тургеневъ, Гончаровъ и Достоевскій даже страшно представить себѣ на войнѣ, хотя Достоевскій столько о ней писалъ и такъ призывалъ ее... Только Лермонтовъ и Толстой носили сами военный мундиръ. Мало того: они оба были не праздными зрителями на боевомъ полѣ, а выѣздились лично своимъ участіемъ, какъ было отмѣнено даже официальными отчетами. Эта черта особенно замѣтна: если она еще довольно естественна для Лермонтова—для его времени и его личной психологіи, то отъ Толстого ея можно было бы

и не ждать. Повторю, Тургенева или Петра), тѣмъ, можно думать, теперешня Достоевскаго какъ-то невозможнно вообразить, приводящая насъ въ гораздо болѣе здѣсь «на четвертомъ бастіонѣ». Однѣ глубокое столкновеніе съ нашимъ «европейскимъ для того «баринъ», другой—пейзажомъ» (ибо Германія во многихъ относительно «интеллигентъ». Только будущій шешихъ есть дѣйствительно кульминация «отрицатель», Левъ Толстой, совершенно щонная точка европейской духовной культуры въ этой грозно-реальной стихіи войны. туры), заставить насъ снова обратиться. Только онъ можетъ быть тутъ «на кѣ себѣ и спросить самихъ себя о нашемъ своемъ мѣстѣ». Насколько это не такъ просто, вы лучше этой борьбы. поймете, если вообразите себя на этомъ. Надо сознаться, что какъ разъ послѣдние

годы передъ войной были отмѣчены, къ «отрицатель», который тѣмъ умѣлъ уживаться съ обществомъ всякаго рода «европейчиающими» течений. Старое славяно-финское къ нашему времени почти совсѣмъ зокъ къ нему, что другого равнаго «хуко» со сцены и уже окончательно потеряло дожника войны» приходится искать по остаткамъ даже прежнаго вліянія (что отъ всей всемирной литературы—и не найти... части объясняется и внутреннимъ одриз-

И снова встаетъ легкая съ виду и мудрая проблема: «какъ же отыскать оживленія его и реставраціи несся бы «онъ» къ этой войнѣ?» Т. е. (московскій кружокъ нео-славянофиловъ) какъ долженъ быть бы отнесись, если бы пока не получили широкой популярности, захотѣлъ (и смогъ) быть вполнѣ самимъ да и не опредѣлились еще сами въ завер-собой—быть Лѣвомъ Толстымъ во всейшающихъ формахъ, единственно вліяющихъ на массы. И вотъ—жалкая, обѣз-лая, какъ черепъ педанта, пѣменская гно-ология, путающаяся въ собственныхъ про-тиворѣчіяхъ, не умѣющая объяснить самыхъ кардинальныхъ явлений міра,—даже эта убогая красавица, покорила себѣ сердца русскія и все послѣдніе годы держала подъ своимъ пудренымъ обаяніемъ позднѣшее поколѣніе российскихъ мыслителей.

Поглядѣть на эту печальнную картину, невольно благословишь въ душѣ очистительную грозу четырнадцатаго года и скажешь, что, въ числѣ прочихъ формъ «пѣменского засілія», она должна освободить насъ и отъ этого умственного рабства—отъ искаженій подлиннаго русскаго духовнаго облика.

А истинныя черты этого послѣднаго рельефно выступаютъ передъ нами изъ ство, какъ пѣменская неодолимая и центральная идея, начиная отъ первыхъ про-блесковъ этого мышленія, всѣ въ глубинѣ тихой до-петровской Руси, и кончая блестящей умственной дѣятельностью со-просниковъ Шеллинга и Гегеля—первыхъ московскихъ славянофиловъ и ихъ блудав-го сына, Владимира Соловьевъ. Можно сказать, что, поскольку русскій человѣкъ самостоятельно и оригинально думалъ о Россіи, а не только «подражалъ Западу», въ своихъ настроенияхъ,—постольку онъ той или иной формѣ склонился къ этой именно идеѣ.

Съ ея угиреостью, упорствомъ въ возвращеніи и общинародностью (въ старо-московской, понятной народу, чисто-религиозной формѣ) не идуть ни въ какое сравненіе разрозненные, чисто-личные, случайного характера попытки мессіанскаго национального мышленія у другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы захотимъ вспомнить, какъ аналогичный русскому примѣръ, мессіализмъ германскихъ философовъ-идеалистовъ (особеннѣ Фихте и Гегеля), то намъ немедленно «испортилъ» впечатлѣніе, оглушительное хохотъ надъ тѣми же Нѣмцами послѣднаго философскаго свѣтила Германіи—Ницше. Впрочемъ, въ Германіи и въ эпоху своего расцѣта идея национального мессіанизма оставалась чисто отвлеченней «научно» идеей теоретическихъ умовъ, получившей лишь въ ѣши для своеобразное практическое приложеніе, где она утратила уже всякий идейный образъ и подобіе...

Напротивъ, идея русскаго «избраничества» уже тѣмъ застрахована отъ такого печального конца, что она съ самого начала понимаетъ себя, какъ идея религиозная. «Римскій» принципъ государственной силы въ русскомъ мышленіи никогда не являлся въ томъ обнаруженнѣ видѣ реставраціи античнаго идеала, какъ это имѣть мѣсто въ мечтателей прусской государственности. Россія въ идеалѣ своего всегда была «святая Русь»... И въ соответствии съ этимъ основнымъ различиемъ слѣдовало бы въ сущности внести въ старую формулу терминологично-

В. В. СТРЕЛЬСКАЯ за 10 лѣтъ до смерти.

Литературный замѣтки.

Россія—третій Римъ *.

Книжка г. Кириллова выходитъ какъ разъ во-время. Переживаемыя нами события особенно обостряютъ вопросы русскаго национального самослуженія, и есть все основанія думать, что послѣ войны, съ возвращеніемъ къ спокойной работѣ культуры мысли, мы встрѣтимся съ этими и все его творчествомъ (эпопея «Тараса Бульбы»); Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій не знаютъ войны. Только Лермонтовъ даетъ первый ея реальный эскизъ («Валерикъ»). Но только Левъ Толстой пишетъ целую галерею ея картинъ—только онъ одинъ, отъ разной написаніе цѣлое, духовно независимое молодости, отъ «Казаковъ» и «Севастопольскихъ разсказовъ», и до предсмертного «Хаджи-Мурата», не уставалъ обращаться къ ней мыслью и художественнымъ вниманіемъ и рисовать бытъ войны (если можно такъ выразиться) во всѣхъ подробностяхъ, съ такой же любовью и любовью, какъ Тургеневъ—быть дворянской усадьбы или Достоевскій—«интеллигентъ» квартиры Петербурга.

* И. Кирилловъ. «Третій Римъ». Очеркъ исторического развитія идеи русскаго мессіанизма. М. 1915. Стр. 100. Ц. 50 к.

Заслуженная артистка Императорскаго Александровскаго театра

Бары. Вас. СТРЕЛЬСКАЯ. † 11 января въ Лигово.
Съ портрета 1907 г., снятаго ко дню 50-лѣтнаго юбилея артистки.

скую поправку и говорить не столько о «третьем Риме», сколько о «второй Византии». Но здесь действует, конечно, правило триады, имущее, правда, свои достаточные основания...

Книжка г. Кириллова обнимает историю вопроса, начиная от «погреба о бывшем клобуке» (около 1600 года) и «посланья» гениального икона-Филофея, которого по справедливости следует почитать основателем русской философии XVI в., и кончая г. Гершоном и Ердневым. При этом нельзя не заметить, что именно в подсунутых течениях наших идей, вопреки волнам на поверхности, как бы снова оживилась и заструилась старая мечта... Будем надеяться, что ей окончательное выражение и расцвет уже близко, «при дверях»...

П. М-ч.

Юмор и лирика.

Рассказы г-жи И. Гривенской были разбросаны по отдельным изданиям, и потому читающая публика, знавшая писательницу по ее драматическим и стихотворным опытам, меньше была знакома с ее белетристическими дарованиями. В сборнике «Из книги жизни» мы встречаем, рядъ рассказов, которые по выразительности и превосходству могли бы отнести к категории юмористических, но в большинстве случаев это не более, какъ оболочка, которую автор прикрывает лирической настроением, вызванной въ немъ созерцанием мелькающихъ передъ нимъ жизненныхъ явлений. Авторъ начинаетъ, напримеръ, въ юмористическихъ тонахъ рассказъ «Нудача», и какъ будто собирается только посыпаться надъ героемъ, который чувствуетъ себя глубоко обожженнымъ судьбой потому, что въ это, объясняющее ему, было передано другому, а девушка, въ чувствахъ которой къ себѣ ощущалась, стала такъ вести себя съ его соперникомъ, что ему ничего не осталось, какъ «регидораться безъ шума и фразъ, съ достоинствомъ полковника, привыкшаго къ побѣдамъ и уступающаго только непреоборимымъ, непредвиденнымъ стихийнымъ силамъ». Но уже съ серединой рассказъ белетристическое «сердце» уступаетъ место болѣе алегичнымъ тонамъ. Авторъ сталкивается со своимъ героямъ, считающимъ себя чуть ли не самыми несчастными существами въ мірѣ, съ «бѣднейшей изъ бѣдныхъ женщинъ», сумѣвшей, однако, сохранить въ своей нишѣ жизнерадостность, и герою ничего не остается, какъ сдѣлать выводъ: «что начало бѣдствія по міру того, еще, начинавшаго въ это время, и пугалась, приюнила ишь, отчекъ и фамилью моего случайного спутника, меркло и исчезло... Нѣсколькоъ простой, вѣрющей душѣ живые источники иныхъ оттѣнковъ звучитъ заключительность радости и довольства?!. Точно также находились юмористическая черты въ обрисовкѣ зѣ «Чортъ». Герой этого рассказа доходитъ до «чародѣя», жены и мужа, у которого была до такой глубины мерзости и подлости, «другая»,—а можетъ быть, эта другая что служившій ему вѣрою въ продолженіе была уже десятая,—но заканчивается многими годами чортъ не выдерживаетъ и разскажъ тѣмъ, что «среди осени иль плюетъ ему въ лицо. Мораль, къ которой любви, уже начавшей покрываться иносемъ приходитъ авторъ,—что «самъ чортъ не сурговъ зими, блеснуль иль одинъ изъ можетъ оставаться всегда злорадно-спокойственныхъ дней»... Простыя анекдоты койнѣмъ зрителемъ всего, что дѣлается можетъ показаться разскѣзъ о романѣ ме на землѣ, но «бываютъ случаи, когда и между «нимъ» и «ему», встрѣтившимися въ чортово сердце должно возмутиться про-поездъ и понравившимися другъ другу, тѣль дѣяній иныхъ дѣлъ земли»... А поѣтъ этой мимолетной встрѣчи изъ-за тѣль какъ дѣяніе героя разскѣза, возмущающее потерявшими однѣ другого изъ тѣмѣ чорта, кажется невинно дѣтской видомъ... Почему? Да потому только, что она шалостью по сравненію съ тѣмъ недосыпѣ не успѣла сообщить ему свое имя и фамилии образами низости и гнусности, иллю, а онъ, хотя и сказалъ, и хотѣ какъ который показали міру за послѣдніе иль имена его, также и фамилия оказались «саколько мѣсяцевъ дикия орды Шабабъ, иными обыкновенными», такими, которыхъ то со скептическимъ выводомъ автора «легко запомнить», но когда дѣло дошло книга читателю, хотя и съ горечью, иллю того, чтобы написать «ему» письмо, приходится согласиться.

* Изабелла Гривенская. Изъ книги жизни. Разскѣзы. Петроградъ. 1915 г. Стр. 204. II 1 р.

ПЕРЕДІІННАЯ ВЫСТАВКА 1914 г. ВЪ МОСКВѢ.

«РАННІЙ СНІГЪ».—Картина проф. Е. Е. Волкова

«СЕМЬЯ».—Картина проф. В. Е. Маковского.

Съ фот. Ксено. Глыбовской.

Мелочи.

Французский генералъ объ окончаніи войны.

Во французскомъ журнале «Annales Politiques et Littéraires» напечатано интервью одного изъ видныхъ представителей французской армии. Фамилия генерала не указана—военная цензура вмѣшилась въ это дѣло,—но изъ прозрѣній можно заключить, что вопросъ идетъ о генералиссимусѣ Жоффруа.

Итакъ, генералъ Жоффруа слѣдующей мысли относительно окончанія войны.

«Наставшая война перевернула все устоявшіеся понятия о томъ, что можетъ представить война въ ХХ вѣкѣ, при развитіи техники военного дѣла. Какъ же новые факторы выяснились за эти четыре мѣсяца войны? Во-первыхъ, люди, во-вторыхъ, жизненные припасы. Исходя изъ этихъ двухъ положений, мы можемъ определить примѣрно крайний срокъ войны.

«Что можетъ дать Германия, даже при крайнемъ напряженіи, по первому вопросу?

Самые оптимистические писатели Германии доводятъ цифру ед. солдатъ до пяти миллионовъ. Но изъ этой суммы приходится отбросить огромный процентъ способныхъ носить оружіе, застрявшихъ къ моменту объявленія войны въ Америкѣ, Африкѣ и Азіи. Это обратная сторона германской эмиграціи, Drang'a къ колоніямъ!

Далѣе, по статистическимъ подсчетамъ, каждый день войны выбываетъ изъ строя германской армии до 5,000 человѣкъ убитыми и скончавшимися отъ ранъ и болѣзней. За четыре мѣсяца войны, то есть за 120 дней, число этихъ окопч-

ательно потерпѣвшихъ для страны людей достигнетъ колоссальной суммы въ 600,000 человѣкъ. Безъ болѣзни ошибаться, можно оцѣнить размѣры потерпѣвшихъ въ ту же цифру.

Слѣдовательно, съ начала войны до 1 января 1915 года Германия потеряла уже 1,200,000 человѣкъ или четвертую часть всесїи своей армии. Пройдутъ еще четыре мѣсяца, и въ марте германскій арміи уменьшится уже на половину.

Пополнение рядовъ ед. явится совершенно невозможна вещью, ибо уже въ настоящее время Германия привлекаетъ крайнее напряженіе, призываю въ армію юношей 17 лѣтъ и стариковъ.

«Переходимъ ко второму пункту—жизненному припасамъ. Объ этомъ писали уже немало съ начала войны. Выяснилось, что Германия проявила много заботъ въ приготовленіи запасовъ на случай войны. Но Вильгельмъ II упустилъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство. Со свойственной ему безапелляционностью, исходящей изъ глубокой вѣры въ непогрешимость своихъ мыслей, онъ утвѣдился, что война не можетъ затянуться на долгое время. Онъ разсчитывалъ на быстрое уничтоженіе Франціи, какъ боевой единицы, и на обращеніе всѣхъ германскихъ силъ противъ Россіи, силы которой его стратеги также не сошли съ руками, руководствуясь лишь познаніями русско-японской кампаниіи.

«Поэтому, по мнѣнію самыхъ пристрастившихъ германскихъ оптимистовъ, запасовъ Германиі не можетъ хватить дольше, какъ на восемь мѣсяцевъ. Постѣ этого крайнѣго срока наступитъ неописуемый голодъ какъ для арміи, такъ и для всего населения страны.

«Помимо этого слѣдуетъ отмѣтить, что и пушки Германіи обречены на бездѣятіе къ тому же времени. Мѣдь и олово не добываются въ Германиі. Възвѣзъ этихъ металловъ съ наступленіемъ войны прекратился почти совершенно. Рѣдкіе случаи контрабанды не могутъ пополнить колоссального расхода снарядовъ за первые мѣсяцы войны, когда Германия не жалѣла ихъ по самой ничтожной цѣли.

«Уже изъ настоящей минуты выяснилось, что Германия расходуетъ на обоихъ фронтахъ и громадномъ болѣшинствѣ случаевъ старые чугунныя ядра, начиненные чернымъ порохомъ. Недалекъ день, когда ихъ пушки будутъ извергать исключительно эти снаряды и, наконецъ, замолкнутъ совершенно!»

И вотъ, если Германия лихорадочно и неустаннымъ готовилась къ войне въ течение 11 лѣтъ, то достаточно будетъ исколькѣхъ мѣсяцевъ, чтобы въ силу естественныхъ условий жизни въ эти условия свелись къ нулю, и всѣ старания министризма окажутся Сизифовой работой, простымъ bluffомъ германскаго юнкерства.

«Альманахъ» г-жи де Тэбъ за 1915 годъ.

На дѣлѣ въ Парижѣ вышелъ изъ почты новый «Альманахъ» г-жи де Тэбъ, выдержки изъ котораго мы приводимъ адѣль.

Она предсказываетъ на 1915 годъ исколькѣ катастрофы вулканическаго происхожденія, подтверждая свое прошлогоднее предсказаніе, что Парижъ сильно пострадаетъ отъ огня, и предвидитъ окончаніе войны ранѣе лѣта, говоря: «Лѣто и осень несутъ съ собой такие тѣмурмы и празднества, какихъ не запомнятъ истории народовъ».

Далѣе она указываетъ на исколькѣ рядъ конфликтовъ, могущихъ возникнуть на почѣ столкновенія личныхъ интересовъ разныхъ государствъ. Однако, въ эти исколькѣ разнѣе оговорки будуть улажены, благодаря осторожности и искусству искажающихъ лицъ.

Въ общемъ «Альманахъ» отчасти разгорячаетъ искажающихъ адѣльовъ Синеви, дававшихъ отъ нея рѣшительныхъ и определенныхъ указаний о судьбѣ грядущаго года.

За туманными словами о грядущей славѣ съ трудомъ можно различить точные указания, тѣмъ болѣе, что въ новомъ сборнике предсказаній г-жа де Тэбъ удѣлила главное вниманіе дѣламъ Франціи периода, слѣдующаго непосредственно за войной.

Эти частные предсказанія касаются лишь внутреннихъ дѣлъ союзного наимъ народа.

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Издавѣ Товарищество А. С. Суворина—«Новое Время».

ЖОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 13962

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 24-го ЯНВАРЯ (6-го ФЕВРАЛЯ) 1915 ГОДА.

№ 13962

Сдача турецких войскъ командиру корпуса подъ Сарыкамышемъ.

Ориг. рис. А. Пржевальского.

Строму витязю.

(Септины).

Въ строй солдатской пищели,
Съ другомъ походнымъ—ружьемъ,
Кровя лишенный, постели,
Ты, примиряясь съ дождемъ,
Бурей и воемъ метели,
Къ дальней певицимъ цѣли
Ночью стремишься и днемъ.

Чуждый наградъ, расчету,
Въ братскій вступаешь ты міръ,
Жизнь отдавая за роту,
Знамя полка и мундиръ;
Дѣлши съ полкомъ ты работу,
Радость, печаль и заботу,
Тризну справляешь и пиръ.

Пушекъ громовыя рѣчи,
Варыны шрапнели, гранатъ,
Птие пуль и картечъ,
Бодрой души не страшать.
Смѣль въ атакѣ и въ сѣчи,
Жажденъ ты съ недругомъ встрѣчи,
Строй нашъ витязъ—солдатъ!

Смерть для тебя—не тревога:
Ждеть она всѣхъ впереди!
Носишь въ сознаныи ты Бога,
Крестъ—на безстрашной груди.
Богъ крестоносцу—подмога!
Къ свѣту приводить дорога,
Если съ тобой Онъ! Иди!

И. Б. Хвостопы.

Ген.-лейт. Николай Николаевич ЮДЕНЧИЧ.
Въ Японскую кампанию онъ получил золотое оружие. Теперь Высочайше
награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Алевтина Петровна и Васенька.

I.

Это было въ 1877 году. Звали ее Алевтийой Петровной. Была она самая заурядная женщина: рыхлая, толстая, ходила переваливалась, половину дня не снимала камота и туфель. Ей тогда было лѣтъ за сорокъ,—по она распустилась и казалась гораздо старше. Такія бываютъ помѣщицы, что живутъ цѣлыя вѣкъ у себя въ помѣстяхъ,—никуда ихъ не тянетъ, никто не вызываетъ ихъ любопытства. Индѣйки и телята—этоюо, а лѣтомъ—слины и клубника интереснее для нихъ, чѣмъ политика и общественные вопросы. По такимъ патруямъ безслѣдно скатывается то, что, повидимому, должно бы было ихъ захватить.

Когда совершилась «эмансипація»—она только что вышла замужъ и осталась совершенно равноправна къ этой реформѣ. Дѣлѣ кѣлѣстнныя дѣвки, что съ младенчества служили въ домѣ, остались и теперь служить, и она имъ положила три рубля въ мѣсяцъ каждой. Камъ до этого жила она въ казеннѣй квартирѣ на Мойки, такъ и осталась тамъ жить. Когда изъ деревни пришла вѣсть, что ея мать умерла, она перекрешилась и сказала:

— Царство ей небесное! Пожила старушка.

Подпоруч. Ш. А. ЭЛЬЗЕНГЕРЪ
погиб на «Проводнике».

Заказала панихиду въ Почтамтской церкви, три дня поплакала, а потому опять забеспокоилась:

— И что это, какъ въ красильнѣ долго держать мою обувь, что я отдала перчатки и искала поглядывать на новую красить: еще къ Благовѣщенію обѣща-форму, она его спрашивала:

— И все не готово!

Но произошелъ эпизодъ, который и на нее оказалъ влияніе, да такое, что никто и не ожидалъ.

Быть у нея одинъ сынъ Васенька. И Васенька былъ самый обыкновенный мальчикъ. Учился не то, чтобы очень хорошо, но и не плохо. Алефтина Петровна очень хотѣла, чтобы онъ былъ въ Пажескомъ. Такъ какъ отецъ его былъ генераль, то это устроилось легко. Васенька приходилъ по воскресеньямъ домой, бѣлья много, спальня много, ходилъ по комнатамъ молча и заложивъ руки въ карманы панталонъ.

— Ты думаешьъ въ Академію?—спросила отецъ.

Васенька только мычалъ. Не то это былъ утверждительный отвѣтъ, не то отрицательный. Но сестры его, Лидочка и Танечка, уѣхали, что онъ въ Академіи не будетъ.

— Куда ему! Кавалеристъ онъ хороший, на лошади по цирковому щадить можетъ,—а для Академіи онъ не годится.

Передъ самимъ выпускомъ его изъ корпуза папаша схватилъ холеру и былъ свезенъ на Смоленское кладбище. Сестры падѣли длинныя черныя вуазы, и трауръ оказался настолько имъ к лицу, что старшей пришлось отложить свадьбу до осени. Почти одновременно съ этимъ собрались наши арміи двинулись на Турукъ, и открылись два театра войны: одинъ—на Дунай, другой—въ Закавказье и въ Малой Азии.

Смерть мужа тоже не особенно повлияла на Алефтину Петровну,—быть можетъ потому, что онъ былъ лѣтъ на двадцать старше ея и имѣлъ нравъ настолько круглой, что старшая дочь, Лидочка, замѣчала:

— Папаша ужасно несовременный человѣкъ,—ему бы надо было лѣтъ дѣлать назадъ родиться.

Выходъ сына изъ офицеры, а дочери—за потаруса отвлекали Алефтину Петровну отъ ея горя: ей было просто некогда печалиться и она посыпъ несколько жалобъ на свое сиротство, говорила знакомымъ:

— Но какъ Васъ идти офицерскій мундиръ,—изумительно!

А минуту черезъ десять замѣчала:

— Я такъ рада за Лидочку, такъ рада! Ось во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ,—потарусъ-то нашъ веселый, прегеселый...

Ей на это говорили:

— Теперь за Танечкой очередь.

— Ну, Танечка лѣтъ пять еще подождѣть,—попрѣжала она,—ей всего пятиадцать.

Алефтина Петровна какъ-то не селялась офицерскій мундиръ сына съ войны. Какъ будто войны съ Турками была съма по себѣ, а офицерство Васеньки само по себѣ. Танечка хорошо знала, что Васенька рвется на войну. Когда онъ ходилъ по комитету, чтобы възять долгъ, что я отдала перчатки и искала поглядывать на новую красить: еще къ Благовѣщенію обѣща-форму, она его спрашивала:

— И что это, какъ въ красильнѣ долго держать мою обувь, что я отдала перчатки и искала поглядывать на новую красить: еще къ Благовѣщенію обѣща-форму, она его спрашивала:

— Но произошелъ эпизодъ, который и на нее оказалъ влияніе, да такое, что никто и не ожидалъ.

Быть у нея одинъ сынъ Васенька. И Васенька былъ самый обыкновенный мальчикъ. Учился не то, чтобы очень хорошо, но и не плохо. Алефтина Петровна очень хотѣла, чтобы онъ былъ въ Пажескомъ. Такъ какъ отецъ его былъ генераль, то это устроилось легко. Васенька приходилъ по воскресеньямъ домой, бѣлья много, спальня много, ходилъ по комнатамъ молча и заложивъ руки въ карманы панталонъ.

— Ты думаешьъ въ Академію?—спросила отецъ.

Васенька только мычалъ. Не то это былъ утверждительный отвѣтъ, не то отрицательный. Но сестры его, Лидочка и Танечка, уѣхали, что онъ въ Академіи не будетъ.

— Куда ему! Кавалеристъ онъ хороший, на лошади по цирковому щадить можетъ,—а для Академіи онъ не годится.

Передъ самимъ выпускомъ его изъ корпуза папаша схватилъ холеру и былъ свезенъ на Смоленское кладбище. Сестры падѣли длинныя черныя вуазы, и трауръ оказался настолько имъ к лицу, что старшей пришлось отложить свадьбу до осени. Почти одновременно съ этимъ собрались наши арміи двинулись на Турукъ, и открылись два театра войны: одинъ—на Дунай, другой—въ Закавказье и въ Малой Азии.

Смерть мужа тоже не особенно повлияла на Алефтину Петровну,—быть можетъ потому, что онъ былъ лѣтъ на двадцать старше ея и имѣлъ нравъ настолько круглой, что старшая дочь, Лидочка, замѣчала:

— А ты не боишься, что тебя убьютъ?

Ось удивленно на нее смотрѣль, точно она вывезла непроходимую нѣльность, и имѣла въ отѣтѣ:

— Вотъ, нашла чего бояться! Я самъ просилъ. Меня уже записали...

И когда онъ объяснилъ матери, что его назначили на Кавказъ, она обомѣла.

— Какъ? Тебя? Да что же ты можешьъ сдѣлать? Зачѣмъ ты тамъ нуженъ?

Ось посмотрѣль на свои красноватые кулаки и отѣтѣла:

— Да не все ли равно, мамаша,—я ли, другой ли кто? Всѣ сражаются; хуже другихъ, что ли, я?

Вдругъ она охватила его руками и заскричала:

— А я не пущу тебя, не пущу!

Ось разнодушно смотрѣль въ уголъ, где стояла фарфоровая ваза съ изображеніемъ пастушки, лобзющаго пастушку въ короткой розовой юбѣ, а вокругъ курчавились липовые деревья, и только сказалъ низкимъ басомъ:

— Это, мамаша, невозможно. Меня записали.

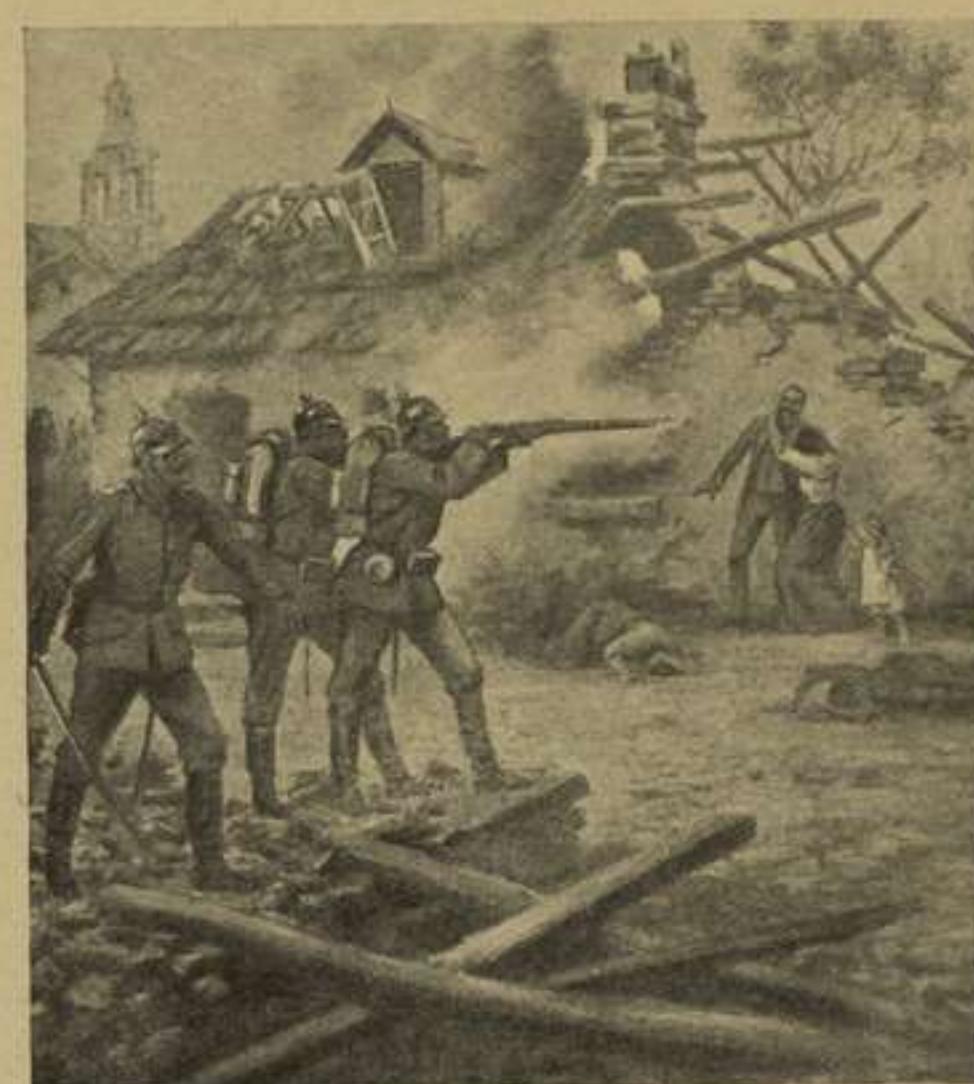
— Я пойду, я хлопотать буду.

И она побѣхала.

Она была у товарищей ея покойного мужа,—у генераловъ тощихъ, у генераловъ толстыхъ; у генераловъ съ усами вверхъ, у генераловъ съ усами внизъ; у самыхъ важныхъ генераловъ. Всѣ были съ ней лестниками и внимательны. Всѣ сочувственно покачивали головами и всѣ говорили въ унисонъ:

— Но Васи самъ же просилъ, его уже внесли въ списки.

Тщетно уѣхала она, что ея материнское сердце этого не позволить, что она этого не попустить.

«Германцы въ Польшѣ». — Картина В. В. Мазуровского, на выставкѣ Петроградскаго Общества художниковъ.

Капит. М. Е. ЛОГВИНОВЪ,
безъ вѣсти пропалъ.

Вася все-таки уѣхалъ. Въ ночной тьѣ одобрительно. Шель дождикъ, свѣтило вагоны длинной цѣпью тянулись и терпели солнце. Брали Плевину, на Шипѣ было ходило гдѣ-то во мракѣ, изгибаясь какъ лодка, а Алефтина Петровна растерянно огромный звѣзда змѣя. Потомъ паровозъ ходила изъ комнаты въ комнату и спасибо-спасибо, колеса заскрипѣли. Облако пашивала: ра и дыма окутало и вагоны, и провожавшихъ, и сестры съ матерью и веселыми потарусами остались среди тьмы, а здѣшний краснощекий юноша искать отъ было тоже. Вдова тѣдила по всѣмъ штабамъ въ смутномъ пологѣ наступающей бамъ, по всѣмъ налитымъ воинскимъ чинамъ. Одажды въ полупустотѣ Александрийскомъ театрѣ кто-то громко оповѣстилъ:

— Да гдѣ же Васенька?

А Васенька пропалъ. Въ числѣ убитыхъ его не было. Въ числѣ раненыхъ его не было тоже. Вдова тѣдила по всѣмъ штабамъ въ смутномъ пологѣ наступающей бамъ, по всѣмъ налитымъ воинскимъ чинамъ. Одажды въ полупустотѣ Александрийскомъ театрѣ кто-то громко оповѣстилъ:

— Телеграмма пришла: Плевинъ взята.

А сверху кто-то спросилъ басомъ и дѣловито:

— Въ чемъ дѣло?

Тогда еще громче отвѣтили о давно-жданномъ взятіи. Наверху закричали «ура!» Потомъ внизу, потомъ заиграли гимнъ,—и еще, и еще, и еще...

А о Васенька слуховъ не было!

Вышла замужъ Лидочка. Алефтина Петровна надѣла бархатное темно-малиновое платье съ кружевами и со слезами молилась на коленяхъ. Нотарисъ сѣялъ кинаго молчанія. Ходили какіе-то студенты изобиливши выглаженной рубашкой и въ пенснѣ, и Танечка на нихъ поглядывала косыль лѣвымъ глазомъ на певѣсту, которую

КЪ ЗЕМЛЕТРІСЕНІЮ ВЪ ИТАЛИИ.

РАЗВАЛИНЫ АВЕЦЦАНО, — города въ сѣв. Абруццахъ, съ 8.000 жит. Около Авеццано находятся подземный каналъ, вырытый римскими императорами Клавдіемъ и соединивший въ древности городъ съ устьемъ реки Лириса.

Полк. Арк. Ст. ДАВЫДОВЪЧЪ, прѣдателски убитый бомбой военно-пѣхотными германскими офицерами, имѣты въ пленѣ при Сан-ни-хахъ.

Ген.-м. Ф. Н. ХИТРОВО.
Паль въ бѣю.

— Все-таки какъ будто чего-то
есть!—захѣчала Танечка.
— Глупынь человѣкомъ одинъ меныше.
— Ну, мамаша, таъ нехорошо говорить о погойникахъ.
Алѣтина Петровна презрительно оттѣшилась губами.
— Значить, яи о комъ нельзѧ и правды сказать?—возражала она.—Кому онъ былъ вужелъ? Приходилъ по воскресеньямъ, и накидывался на обѣдь. Помнишь, какъ онъ Ѣѣлъ? Я всегда его Готтентъ-Тотомъ звала.
— А тому деньги его пошли?—осѣдомлилась Лидочка.
— Никакихъ денегъ у него не было. Была пенсія. Пустой человѣкъ!

III.

Нынче, въ ѹѣзѣ, загорѣлась война. Все всколыхнулось. Лидочка и Танечка стали шить раненымъ рубашки. Дѣвочки изтаруса кадыли на себя красные кресты и начали пропадать въ лазаретахъ.

Война застала ихъ въ Теріокахъ, где сеи жили вѣстѣ на своей дачѣ, оби-
той вмѣсто обѣзѣ пѣбѣленымъ холстомъ. потѣли и заполняли собою лѣтній полу-
кахъ съ разрѣзами, которые какъ-то нынѣ въ Петроградъ.

Скрывались отъ домашнихъ и выставля-
лись только на «паяхѣ». Сперва вѣдь ду-
лошадей на осмотръ и пополненіе обозовъ.

Мимо оконъ Алѣтины Петровны гнали на Петроградъ. Тутъ были и бѣлыя, и чалыя, и совсѣмъ, что Нѣмцы называли въ западѣ въ Тутѣ были и караковыя, и пѣгія, и ржѣя, и боль-
шой безчисленнаго флота, и каждый ды-
и караковыя, и пѣгія, и ржѣя, и боль-
шой на горизонѣ моря принимали за вѣ-
шкую эскадру. Когда вышло предписание ихъ безъ сѣдѣль и стремянъ кавалеристы

не зажигать огни противъ тѣхъ оконъ, что говорили:

— Вотъ выйдешь ты замужъ, совсѣмъ
я одна останусь.

Подписали Санть-Стефанскій миръ. Во-
ротились войска; были барабаны, разѣвав-
ались знамена. А Васенька пронаѣлъ. Такъ-
таки пронаѣлъ безъ вѣсти.

У Алѣтины Петровны что-то затуманилось въ головѣ. Точно дымомъ стало застилать ей глаза. Она сѣдалась какъ то ниже ростомъ, цѣлье дни раскладывала границианськіе и спрашивала у сѣдоусаго, красиваго Потапа Игнатьевича—кузена ея мужа, который неизмѣнно обѣдалъ у нея въ воскре-
сенье:

— Ну, что,—ничего не узнали о Вас-
енькѣ?

Потапъ Игнатьевичъ синходительно смотрѣлъ на нее,—пожималъ плечами и говорилъ:

— Конечно, не узналь. Да и съ чего бы вдругъ о немъ получились слѣдѣнія?

Когда она уставала раскладывать кар-
ты, онъ бралъ у нея изъ рукъ колоду и наливалъ ихъ раскладывать тоже. Иногда онъ вдругъ вспоминалъ:

— А помните въ Генуѣ, на Кампо-
Санто, есть мраморный монахъ? Стоитъ
у анала и читаетъ?

Она долго вспоминала, а потомъ говорила:

— Ну, такъ что же?

— Ничего,—замѣчала онъ.—Стонть
мохахъ и читаетъ. Чудесный монахъ. Мнѣ
такъ вспомнилось.

Танечка не вышла замужъ. Студенты въ плену получали мѣста судебныхъ слѣдователей, дѣлались хирургами, женились, а Танечка все созрѣвала и наливалась. Она даже стала непохожа на барышню,—и въ манерахъ ея проявилась

та рѣзость въ движеніяхъ, которая такъ часто бываетъ свойственна старымъ дѣвамъ. Ей минутою и тридцать лѣтъ, и сорокъ. Ужъ старинная племянница ея вышла замужъ и сѣдалась сама матерью. Иногда сестры говорили:

— Мамаша стала какъ будто забывать Васю.

— Пора!—отвѣчала Ліда и, задумавшись, соображала,—ему бы вѣдь теперь за пятьдесятъ стукнуло?

— Генераломъ быль бы.

Потапъ Игнатьевичъ тоже свезли на Смоленское. Алѣтина Петровна чувства и тутъ не обнаружила, а сказала:

— Даю пора ему! Пренадѣлъзый быль старикъ. Суслилъ свои сигары. Уѣдеть, а потому послѣ него на другой день все стоить запахъ въ комнатѣ.

Поруч. драгунского полка kn. N. C. АНДРОНИКОВЪ, убитый при взятии измѣцкой батареи въ м. Колюшина.
Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Сть Государя Императора на гробъ его былъ возложење крестъ изъ живыхъ цветовъ

— Ну, ужъ, въ мѣсто тоже! Болота ка-
закахъ съ разрѣзами, которые какъ-то нынѣ въ Петроградъ!

Но когда Турки объявили войну, Алѣтина скрывалась отъ домашнихъ и выставля-
лась только на «паяхѣ». Сперва вѣдь ду-
лошадей на осмотръ и пополненіе обозовъ.

Мимо оконъ Алѣтины Петровны гнали на Петроградъ. Тутъ были и бѣлыя, и чалыя, и совсѣмъ, что Нѣмцы называли въ западѣ въ Тутѣ были и караковыя, и пѣгія, и ржѣя, и боль-

шой на горизонѣ моря принимали за вѣ-
шкую эскадру. Когда вышло предписание ихъ безъ сѣдѣль и стремянъ кавалеристы

не зажигать огни противъ тѣхъ оконъ, что говорили:

— Вотъ подкрасимъ ихъ въ защитный

выходъ на залы, вѣдь кипулись съ дать

въ городъ. Бѣхали на крышахъ вагоновъ, цѣѣть,—заправскіе кони будутъ.

Алѣтина Петровна смотрѣла бѣгло на тала только о казахскомъ фронѣ. Одна-

жды она спросила:

— А гдѣ Лорисъ-Меликовъ?

— Какой, мамаша, Лорисъ-Меликовъ?

— Генераль.

— Давно померъ. Что вспомнили!

Она пожевала челюстями, посмотрѣла на

дочь, точно что вспоминая, и потомъ при-
бавила:

— И Тергукасовъ умеръ?

— И Тергукасовъ.

Она скажа губы и дни три не говорила

ни слова. На четвертый вдругъ спросила:

— А Вася не пишетъ?

Танечка неодобрительно тряхнула голо-
вой.

— Не надо, мамочка, о немъ вспоми-
нать.

— Какъ бѣ надо? Мать беспокоится,—
а онъ и ухомъ не ведетъ. Ты пишешь ему?

Танечка молчала.

— Напиши, что такъ не дѣлаютъ
почтительныя дѣти.. Я подѣ сердцемъ
его носила, а онъ...

— Бабелька-то, кажется, совсѣмъ изъ
ума выжила,—говорила одна изъ сестеръ
милосердія съ защитнымъ прорѣзомъ га-
юбкѣ.—Она опять про дядю Васю цѣлье
дни вспоминаетъ. И что это она живѣтъ до
сихъ поръ? У пась въ лазарѣтѣ моло-
денькие офицеры съ шрапнелью въ голо-
вѣ лежать и наѣзки попорчены, а она
только...

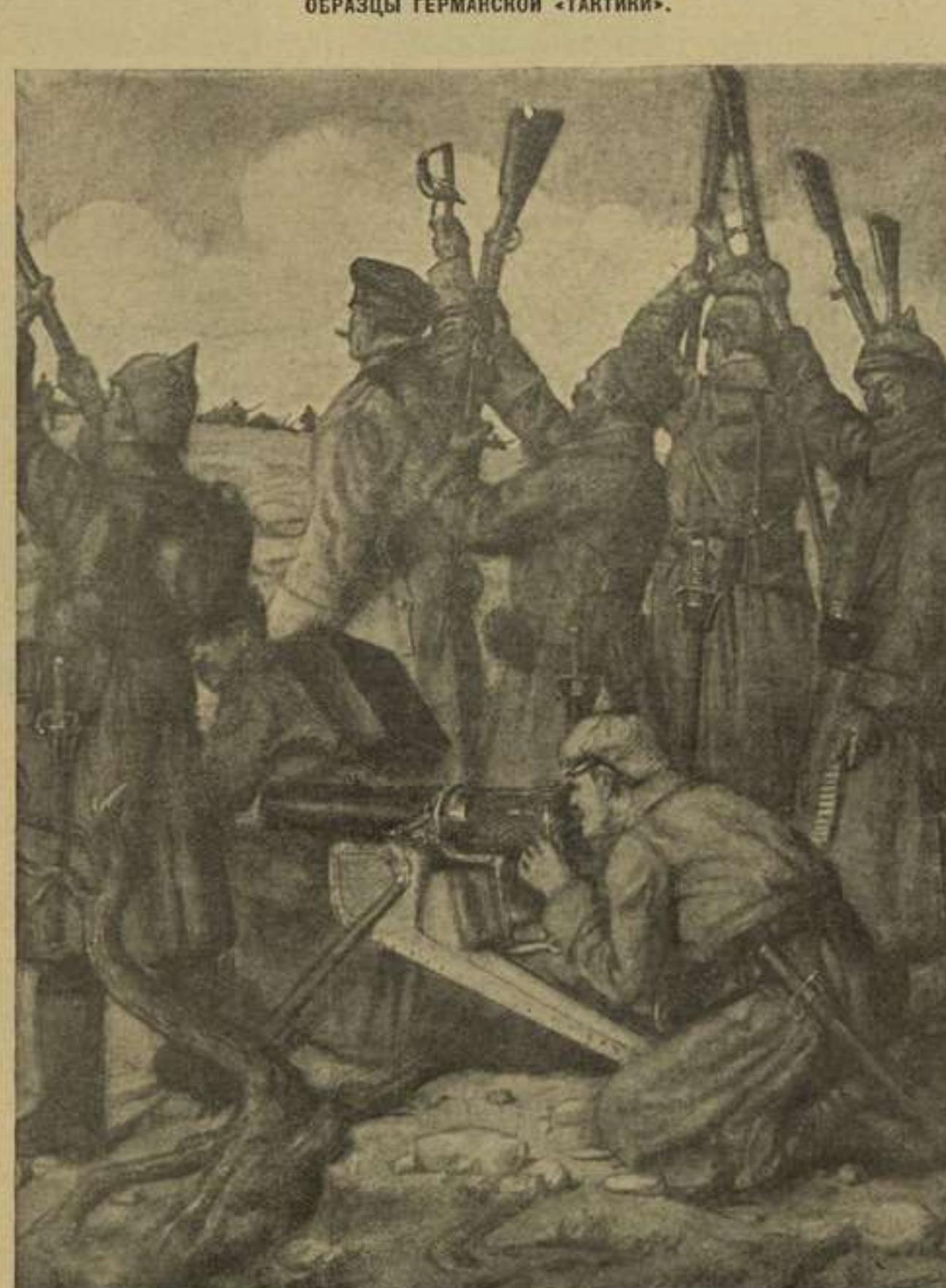
— Нѣть ужъ, пожалуйста, не распро-
страняйся...—останавливала ее Лідия.

— Да противно, мамаша,—ей Богу,
противно,—тутъ молодыя жизни,— и
вдругъ старые такие...

— Не пишетъ!—жаловалась вѣсть.
Алѣтина Петровна въ крахѣ ерзала на
своихъ креслахъ.—Ужъ и дѣти пошли
теперь! Быть бы живъ отецъ,—огъ не
смѣть бы, онъ бы писалъ постоянно.
Вѣдь знаетъ, что я беспокоюсь,—жесто-
кость какая-то...

И она утирала платкомъ сухіе глаза.
Ей казалось, что она плачетъ,—бо изъ
старческихъ слезныхъ железокъ не вы-
давливается никакой влаги, а лицо оста-
валось такимъ же спокойнымъ и не-
движимымъ, какъ всегда.

— Я ему и писать перестала,—борно-
тала она.—Не хочу. И письмо придетъ
отъ него—читать не буду. Ему до меня
дѣлъ нѣть,—и мнѣ до него тоже нѣть дѣ-
ла. Пусть убываютъ. Лижетъ за родину.

ОБРАЗЦЫ ГЕРМАНСКОЙ «ТАНТИНИ».

Германскимъ позиціямъ угрожаютъ штыковая атака, плохо переносимая войсками Вильгельма II. Командиръ атакуемой нѣмѣцкой части и солдаты поднимаютъ сружи,—офицеръ эфесомъ са-
бли вверхъ, солдаты—вверхъ прикладами. Слышины крики: «сдаемся!» Нападающіе останов-
ляются, готовясь послать отрядъ, чтобы обезоружить непріятеля, а въ это время укрытая
сдающимися германскими солдатами митральеза вдругъ начинаетъ разстрѣливать дѣ-
ревищихъ «нѣмецкому честному слову».

Павшие смертью храбрыхъ.

Полк. А. А. Брезинь, былъ уже пред-
ставленъ къ ордену св. Георгія 4 ст.

Кап. В. А. Гарбовский.

Ротм. В. П. Васильевъ.

Подпоруч. А. И. Василевский

Подполк. К. Б. Суловский. За предыдущіе
бои награждены Георгіевскимъ оружиемъ.

Подполк. С. Н. фонъ-Рентель.

Мичм. К. В. Яленский.

Подпоруч. М. И. Козловский.

Подпоруч. А. А. Казицынъ.

Кап. Н. В. Степановъ.

Подполк. В. И. Знаменский.
Скончался отъ ранъ.

Кап. В. В. Книлеръ.

Подпоруч. Б. С. Красовский.

Кап. В. З. Сасонъ.
Скончался отъ ранъ.

Подпоруч. М. В. Беэръ.

Поруч. Д. П. Кольдовинъ.

Подпоруч. Н. А. Кувардинъ.

Вольеоопр. К. В. Серебряковъ.

Пralopr. Б. Н. Еогохваленский.

Вольеоопр. М. А. Пикманъ.

Русские драгуны захватывают германский обоз.

Ориг. рис. А. Прокопьевского.

пускай. Этимъ охъ свою черствость передъ Господомъ загладить. А то вѣдь такъ помыкать матерью... Я отрекаюсь отъ него. Совсѣмъ отрекаюсь...

И она спокойно смотрѣла на собесѣдника, точно говорила за обѣдомъ:

«Нѣть, благодарю, супа я больше не буду».

Разъ ея внучка, не та, что ходила въ юбкѣ съ разѣзомъ, а постарше, Зоичка,— которая была уже замужемъ за пріяжнымъ поѣтромъ, что писалъ стихи,—сказала ей:

— Знаете, бабушка, у меня въ госпиталѣ есть раненый офицеръ, который все узнать можетъ про Кавказъ. Я вѣтъ спрошу про дядю Васю, завтра же охъ паведать справки.

Старуха посмотрѣла на кое небрежно, но одобрила:

— Чѣмъ жъ, спроси.

А черезъ пѣвѣсколько дней Зоичка ей сообщила:

— Бабушка, дядя Вася вѣдь умеръ.

Глаза Алевтины Петровны слѣзались совсѣмъ круглые и остановились на внучке. Она незадачно смотрѣла на нее и молчала. Внучка испугалась, и стала трясти бабку за руку.

— Бабушка, родная, да что съ вами? Но бабушка ничего не говорила, глаза ея были попрежнему круглые, въ вся она смотрѣла какъ будто изъ какого-то другого міра сюда. Зоичка даже испугалась, и побѣжала къ своей матери.

— Мамочка, я сказала бабушкѣ, а бабушка скруглила глаза и молчитъ.

Дочь пошла къ Алевтинѣ Петровнѣ, тряслась ее за руку, кричала на ухо,—думала, что у нея столбникъ. Но старуха смотрѣла на нее долго молча и потомъ вдругъ сказала:

— Отстань, —ничего со мной не случилось. Ну, чего вы ко мнѣ пристали?

IV.

На утро она, шаркая туфлями, вышла, крестиль Васеньку, охъ и панихиду явление надо въ газетахъ напечатать, какъ всегда, въ гостиную и усѣлась въ споѣть.

свое кресло. Вѣтъ на вѣ смотрѣли.

— Ну, вѣтъ,—сказала она.—Васень какъ умеръ,—замѣтила Таня,—а другого чтобъ зѣсть...

како познать можно.

И она начала смотрѣть на улицу.

За обѣдомъ она сообразила вслухъ:

— Панихиду надо отслужить. Въ

воскресенье позови отца Михаила. Охъ ла она,—Богу-то все равно. Только обѣденье надо въ газетахъ напечатать,

что Васенька померъ... Чтобъ все знали...

— Отецъ-то Михаилъ лѣтъ тридцать, Въ воскресенье,—да. Въ воскресенье это,

какъ умеръ,—замѣтила Таня,—а другого чтобъ зѣсть...

— А старушка-то одергнѣла!—за-

мѣтила внучка съ зашитымъ разѣзомъ,—

я такого хладнокровія и не ожидала.—

Неужто всегда въ эти годы тѣль бываетъ?

Погаріусь, не утерявши съ годами тѣсности, но совершенно облыѣвшій, сѣмѣдиа тѣ знакомому священнику. Тотъ упивился, что въ два часа въ воскресенье желаютъ служить панихиду на дому. Но во всякому случаѣ общашь.

— Пынче вѣль светлѣя ризы полагаются. Это еще Константина Петровнѣ, покойный разъяснилъ: черныхъ-то вѣденіи Нѣмцами. Такъ что не столь печальное умыніе находить служеніе. У настъ въ церкви введеніи превосходные похоронные напыны: достаточно и ихъ, чтобы растрогать скорбящій духъ.

Но растрогать скорбящій духъ Алевтины Петровны ему не удалось.

Наканунѣ панихиды она распорядилась чтобы выпутъ блѣлое платье, въ которочку она послѣдний разъ причащалась. Ленты разглажили. Она сказала Танечкѣ:

— Хорошее платье. Теперь такихъ не дѣлаютъ.

— Знаю, много разъ говорила,—буркнула Танечка.

— А еще разъ лѣтъ услышать?

— Не то что лѣтъ, а липнее.

— Такъ вѣтъ по Васеньку и панихиду отслужимъ,—повторила старушка.—Хорошо!

— Ужъ тѣль-то особенно хорошаго въ этомъ нѣть ничего.

Но Алевтина Петровна стояла на своёмъ:

— Хорошо! Я сегодня во снѣ генера-

Полк. Вач. Ант. СОХАЦНІЙ. Награждены Георгіевскимъ оружиемъ, чиномъ полковника и представленъ къ ордену св. Георгія 4 ст.

Рис. П. Шиноловъ.

Раненые лазарета Donville près Granville Manche. Въ Нормандіи въ мѣстечкѣ Donville les Bains, развѣвается русский флагъ «Единение Царя съ народомъ» на лазарете, устроенному на средства, вырученныя съ концертовъ нашей соотечественницы В. Д. Философовой, которая, застигнутая войной, не могла вернуться на родину.

Бельгийские стрѣлки, кавалеристъ и пехотинцы.

за своего видѣла и Васеньку. Будто они чай пьютъ и молчатъ. Я говорю: «нехорошо, Васенька, что ты матери не даваешь о себѣ вѣсти».—А онъ набѣль ротъ булками, такъ что щеки совсѣмъ, какъ пузыри, и молчать. Я генералу говорю: «хоть ты бы ему внушить», а онъ кричитъ: «молчи!»...

Послѣ обѣда старушка опять оповѣстила:

— А Васенька-то умеръ. Подъ Карсомъ умеръ.

Такъ какъ на слова Алевтины Петровны перестали обращать вниманіе, то она замѣтила:

— Безчувственные вы! Брать умеръ, а вамъ хотѣ бы что!

А въ восемь вечера она сама умерла. Легла на постель, повернулась къ стѣнѣ,— еще разъ сказала:

— Васенька-то умеръ,—и перестала рыдать.

На другой день шли въ залъ нотаріуса парижиду въ овѣтыхъ ризахъ и поминали не раба Божія Василія. «попрощавшую» Алевтину.

И. Гайдичъ.

Часы унынья.

Изъ Метерлинка.

Былыхъ желаній тѣни таютъ,
Бредутъ толпой усталой сны,
Былыхъ грёзы отлетаютъ,
И дни надеждъ погребены.

Куда направитъ духъ полётъ?
Однѣ небо пеленою,
Нѣть завѣздъ, надъ всѣмъ унынья лёдъ,
И спій отблескъ подъ луною.

Страдальцевъ тѣмы безъ очага,
Рыданья, скованная силой,
И отчамъ настѣнище—сѣга!—
Господь мой, скажался и помилуй!

Я жду, проснёться-ль жизнь вокругъ,
Я жду, блеснётъ ли день мінь юный,
Я жду, коснётся-ль солнце руку
Моихъ, застышихъ въ ласкѣ луной.

О. Г. Карагина.

О русской войнѣ.

Наступившій Новый годъ русскій народъ встрѣтилъ «подъ ружьемъ», обращеннымъ къ тремъ враждебнымъ фронтамъ.

Барабанщикъ изъ Марокко и стрѣлки.

своей территории,—и оба раза противъ стороны признавала себя безусловно послѣ Петра Великаго до 1900 г. обнимаетъ время около 175 лѣтъ и включаетъ только 45 лѣтъ безусловного затишья. Изъ 38 войнъ, въ общемъ составляющихъ 106 лѣтъ, Россия вела войны: на западѣ—со Швецией 3 раза (7 лѣтъ), съ Польшей 5 разъ (13 лѣтъ), съ Пруссіей 1 разъ (6 лѣтъ), съ Венгрией 1 разъ (годъ), съ Европой 2 раза (3 года); на Югѣ—съ Турцией 7 разъ (19 лѣтъ), съ Персіей 4 раза (23 года), на Кавказѣ 2 раза (65 лѣтъ); на востокѣ 10 разъ (24 года).

Съ XIV вѣка,—времена возрожденія Русского государства,—и до начала бурлого XX столѣтія, т.-е. въ теченіе болѣе чѣмъ 530 лѣтъ (1368—1900 гг.) Россия провела въ войнахъ 353 г.,—иначе говоря, двѣ трети своего бытія, въ томъ числѣ вѣнчаній войны—305 лѣтъ.

Тотъ же И. Н. Сухотинъ въ своемъ живо написанномъ изслѣдованіи «Война въ исторіи русского міра» далъ нѣсколько интересно построенныхъ схемъ и выводовъ.

Собранныя имъ данныя указываютъ, что особенно сильное напряженіе силь проявила Россия въ ея борьбѣ съ Западомъ, потребовавшей 180 лѣтъ войны, а это третъ всей жизни государства. Затѣмъ слѣдуетъ, по числу лѣтъ, борьба на Востокѣ—156 лѣтъ и, главнымъ образомъ, съ Монголо-Татарами. Послѣ Петра Великаго изъ 175 лѣтъ Россия провела въ войнѣ почти 100 лѣтъ, болѣе всего въ южномъ направлѣніи, въ томъ числѣ 35 лѣтъ ушло на одолѣніе Турции.

Введенная въ составъ европейскихъ государствъ, «императорская Россия», на единоборство употребила цѣлыхъ 86 лѣтъ: съ двумя врагами разомъ она воевала 21 годъ, съ тремя—11 лѣтъ, съ четырьмя—3 года, съ девятью—1 годъ.

«Своими войнами Россия, сокрушая силы, враждебныя благу человѣчества, возстановливая попранные, помогая слабому, спасая погибавшаго,—призывала народы къ самостоятельной жизни, создавала новые государства, отклонила удары отъ культурнаго государства, становила на ноги погибающее государство, извлекала народы изъ рабства иварварства, вводила ихъ въ лучшія условия жизни».

И действительно, упорными войнами, своими собственными силами, безъ постоянной поддержки, Россия остановила на порогъ монголо-татарскаго міра, одолѣвъ затѣмъ турецкое могущество, не разъ заставлявшее Европу трепетать за свое существование. На Западѣ она нанесла рѣшительный ударъ «вѣнчаному солдату».

Солдатъ изъ Марокко въ «разговорѣ» съ нѣмецкой каской, взятой съ убитаго имъ врага.

Портреты акварелью сдѣланы известнымъ баталистомъ Maurice Orange. Впослѣдствіи онъ устроилъ выставку портретовъ скромныхъ героевъ войны 1914—1915 гг.

Если отбросить переживаемую нами чего подобного 1806 году въ Пруссіи, войну, то мы увидимъ, что только два 1866 году въ Австріи, 1814—1815 гг. и произвѣла Россія въ ея борьбѣ съ Западомъ, потребовавшей 180 лѣтъ войны, а это третъ всей жизни государства. Затѣмъ слѣдуетъ, по числу лѣтъ, борьба на Востокѣ—156 лѣтъ и, главнымъ образомъ, съ Монголо-Татарами. Послѣ Петра Великаго изъ 175 лѣтъ Россия провела въ войнѣ почти 100 лѣтъ, болѣе всего въ южномъ направлѣніи, въ томъ числѣ 35 лѣтъ ушло на одолѣніе Турции.

Введенная въ составъ европейскихъ государствъ, «императорская Россия», на единоборство употребила цѣлыхъ 86 лѣтъ: съ двумя врагами разомъ она воевала 21 годъ, съ тремя—11 лѣтъ, съ четырьмя—3 года, съ девятью—1 годъ.

«Своими войнами Россия, сокрушая силы, враждебныя благу человѣчества, возстановливая попранные, помогая слабому, спасая погибавшаго,—призывала народы къ самостоятельной жизни, создавала новые государства, отклонила удары отъ культурнаго государства, становила на ноги погибающее государство, извлекала народы изъ рабства иварварства, вводила ихъ въ лучшія условия жизни».

И действительно, упорными войнами, своими собственными силами, безъ постоянной поддержки, Россия остановила на порогъ монголо-татарскаго міра, одолѣвъ затѣмъ турецкое могущество, не разъ заставлявшее Европу трепетать за свое существование. На Западѣ она нанесла рѣшительный ударъ «вѣнчаному солдату».

НА ВЫСТАВКАХЪ.—ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ХУДОЖНИКОВЪ.

Постоянная трапеза для бедныхъ у Троицы-Серг'я, подъ Москвой. — Картина проф. К. Г. Мановского.

чествашему о гегемонии надъ европейской Сибирью.

Если сопоставить дѣй военные истории—общеваршайскую и русскую, то пам'ять о горѣ у меня горѣть слѣдомъ когтей. Но представится, что Россия никогда не хотѣла рода категорий войнъ. Такъ, Забыть и одинокъ въ стихающемъ напримѣръ, она не вела династической борьбы за наследство, не пускалась въ войну ради отвлечения общественного внимания отъ внутренней неурядицы,—вообще ни разу русскій войска не шли проливать своей крови въ видахъ поддержки интересовъ личности, партии, или сословія, играющаго видную направляющую роль въ государствѣ, какъ это сплошь и рядомъ наблюдалось въ Западной Европѣ, числящей за собою лишь два периода чисто церковной борьбы: религиозныя войны между протестантами и католиками XVI—XVII столѣтій, и революціонная бури конца XVIII столѣтій; на

Она, безумная, мѣшается во снѣ, когда часы звонятъ двѣнадцать при лунѣ, разработанной области возможны настоящія «открытия», касающіяся не какихъ-нибудь разностей того или иного текста, людей, олицетворяющихъ собою «корткое и смиренное» начало, противупоставляемый критикомъ излюбленному западными писателями «хищному» типу. «Что же представлять собою этотъ возвеличиваемый Григорьевъ Бѣлкинъ?» — проинчили спрашиваетъ проф. Бородинъ и, съ своей стороны, даетъ его характеристику, согласно которой Бѣлкинъ «никакъ не возвышается надъ общимъ уровнемъ съреной действительности» и является олицетвореніемъ «всѧкой обывательщины, духовнаго мѣщанства, убожества...» Въ данномъ случаѣ болѣе всего поражаетъ въ человѣкѣ, являющемся представителемъ ученаго цеха, полное пренебреженіе истинно научными преміями изслѣдований. Во-

первыхъ, въ чемъ заключается «возвеличиваніе» Григорьевъ Бѣлкина? Казьг. Бородинъ могъ бы усмотреть даже изъ тѣхъ читать изъ сочинений А. Григорьева, которая приведены у него въ книжѣ, что критикъ смотритъ на Бѣлкина не какъ изъ «героя», а какъ на «критическую сторону души» поэта, какъ на начало, главнымъ образомъ, «отрицательное»; «ибо предоставить его самому себѣ, ого передать въ застой, въ мертвящую лѣнь, въ хамство Фамусова и добродушное взглѣдничество Юсова». Все это очень далеко отъ «возвеличиванія» Бѣлкина. А затѣмъ, если бы ученый изслѣдователь дѣлъ себѣ трудъ свести вмѣстѣ все, что говорится у Пушкина о Бѣлкинѣ, то онъ понялъ бы, что его уничтожающая характеристика является совершенно несправедливой. Попробуемъ соединить эти разрозненія черты въ одно: Бѣлкинъ былъ молодой человѣкъ «корткій и честный»; оғь «вельжизнь самую умѣренную», отличалась «мягкосердіемъ»; онъ «отгѣнилъ барщину и учредилъ весьма умѣренный оброкъ»; для него «звание литератора всегда казалось самымъ завиднымъ»; когда онъ поселился въ деревнѣ, «скука бездѣствія ста-ла мучить» его. Все это какъ будто бы нечто разнится отъ обычной убогой «обывательщины». Проф. Бородинъ, преисполненный желанія стереть Бѣлкина изъ порошка, ставить ему въ вину даже «полное отсутствіе критического взгляда» на литературную область, выражющееся въ «его преклоненіи передъ Кургановскимъ Письмовникомъ», совершившемъ упускъ изъ вида, что преклоненіе было у Бѣлкина лишь въ дѣтскомъ возрастѣ, когда даже и выдающіеся люди увлекаются первѣдко произведениями, вовсе того не заслуживаю-

Литературные заметки.

«Открытия» въ области пушкиновѣдѣнія.

Изученіе Пушкина представляетъ ту особую привлекательность для каждого изъ слѣдователя, что въ этой, сравнительно

* Проф. А. К. Бородинъ. Собрание сочинений. Т. 2. А. С. Пушкинъ. Ки-во «Прометея» Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 1914 г. Стр. 127. Ц. 90 к.

«Боярышня за пальцами».—Картина проф. К. Г. Мановского.
Съ фот. Ксени. Глыбовской.

Германская сестра милосердія.

Такъ тихо и тепло! Заботливыя лица Родныхъ и доктора склоняются ко мнѣ... Я ранена изъ Пруссіи, въ далекой сторонѣ, Тамъ бродить на поляхъ германской сестрицы. Какъ мышь летучая, какъ злыхъ предсѣй птица,

щими, впоследствии же, какъ оно самъ говорить, Кургановъ для него «потерялъ прежнюю свою прелестъ».

Если даже въ такомъ немудреномъ вопросѣ авторъ заблудился въ трехъ соснахъ, то неудивительно, что не можетъ безнамощно блуждать онъ, давая отчетъ о томъ «открытии», которое первоначально сдѣлали гг. Н. И. Черняевъ и А. И. Искозъ, и которое проф. Бородинъ подтверждаетъ силой своего ученаго авторитета. Сущность открытій состоитъ въ томъ, что Пушкинъ въ некоторыхъ изъ повѣстей Бѣлькина будто бы «дастъ пародии на свои собственныя созанія». Несомнѣнно, что каждый писатель, возвращаясь въ различные периоды своей жизни къ тѣмъ же образамъ, можетъ подходить къ нимъ съ совсѣмъ иной стороны, чѣмъ раньше. Но попытка доказать, что въ «Гробовщикѣ», пригласившемъ къ себѣ на новоселье своихъ зазывчиковъ—«мертвецовъ православныхъ», мы должны видѣть пародию изъ Донъ-Жуана, обратившагося къ командору съ приглашеніемъ стать на стражѣ у дверей донны Анны во время его свиданія съ нею, или въ геронѣ «Мятежа» Марѣ Гавриловѣ въ пародіи на Татьяну,—является совершенно несостоятельной. Мы не имѣмъ возможностиъ къ краткой замѣткѣ шагъ за шагомъ опровергнуть аргументацію проф. Бородина. Достаточно будетъ указать, что онъ приписываетъ героямъ повѣсти то, чего самъ Пушкинъ вовсе не имѣлъ въ виду и что является лишь плодомъ фантазіи гг. Черняева, Искоза и Бородина. Положеніе въ «Мятежѣ» таково: Марѣ Гавриловна въ почти безсознательномъ состояніи обѣйчала вмѣсто Владимира, съ которымъ у нея состоялось на этотъ счетъ соглашеніе, съ какимъ-то незнакомцемъ, позволившимъ шутки ради профѣлать надъ собою и совершило ему чужую дѣвушкѣ обрядъ вѣчанія и затѣмъ скрывшимся бесследно. Владимиръ

скоро умираетъ, и Марѣ Гавриловна долго хранитъ память о немъ, но потомъ, ей г. Закржевскому, и выразилъ предположеніе, что авторъ ея весь молодъ. Увы, который и самъ къ ней неравнодушенъ. Приходитъ повторить это предположеніе! Марѣ Гавриловна «ожидала минуты романа». Хотя молодость какъ разъ тутъ самыя чистые и пріятельства недостатокъ, отъ которого мы «исправляемъ самую неожиданную». Послѣ лежимъ съ каждымъ днемъ, по этихъ первыхъ словъ объясненія Бурниза она дней, видимо, протекло слишкомъ мало для прерывать его: «Я никогда не могла г. Закржевскому. Его книга все еще очень быть вашей женой... Для каждого неза- «сыра», до чрезвычайности «литератур- туманенного предвзятъмъ мнѣніемъ чита- теля ясно, какова была предполагаемая геройней неожиданная развязка, и тѣмъ веселѣй»—стонть надъ книгой г. Закржевскому должна была заключиться эта прерванныя скаго, и онъ пишетъ о немъ почти Бурнизовъ фраза: «потому, что я уже каждый разъ, какъ хочется писать о Лермонтовѣ, съ кѣмъ-то, съ кѣмъ, я и монтоѣ». Пышная фразология Заратушты берется имъ вона fide, и онъ еще не почувствовалъ оскоину ея философіи.

* Александръ Закржевскій. «Лермонтовъ и современность». Киевъ. 1915. Стр. 153. Ц. 1 руб.

му Владимиру, «но поза не удается, и мы логизмы. Она еще не утомила его и не присутствуетъ при водевильномъ окончании ему.

ицѣи всей, складывающейся трагически, истории». Это одинъ изъ крупнейшихъ камней, поддерживающихъ шаткое построение теоріи о пародированіи Пушкинъ своимъ собственнымъ типомъ. Выводъ, который можно сдѣлать отсюда, это,—что для совершенія открытій въ области пушкинскаго письма надо прежде всего болѣе внимательно читать Пушкина.

Ю-Н.

Около Лермонтова».

Года два назадъ, рецензируя одну книгу хранить память о немъ, но потомъ, ей г. Закржевскому, и выразилъ предположеніе, что авторъ ея весь молодъ. Увы, который и самъ къ ней неравнодушенъ. Приходитъ повторить это предположеніе! Марѣ Гавриловна «ожидала минуты романа». Хотя молодость какъ разъ тутъ самыя чистые и пріятельства недостатокъ, отъ которого мы «исправляемъ самую неожиданную». Послѣ лежимъ съ каждымъ днемъ, по этихъ первыхъ словъ объясненія Бурниза она дней, видимо, протекло слишкомъ мало для прерывать его: «Я никогда не могла г. Закржевскому. Его книга все еще очень быть вашей женой... Для каждого неза- «сыра», до чрезвычайности «литератур- туманенного предвзятъмъ мнѣніемъ чита- теля ясно, какова была предполагаемая геройней неожиданная развязка, и тѣмъ веселѣй»—стонть надъ книгой г. Закржевскому должна была заключиться эта прерванныя скаго, и онъ пишетъ о немъ почти Бурнизовъ фраза: «потому, что я уже каждый разъ, какъ хочется писать о Лермонтовѣ, съ кѣмъ-то, съ кѣмъ, я и монтоѣ». Пышная фразология Заратушты берется имъ вона fide, и онъ еще не почувствовалъ оскоину ея философіи.

Ничто особенно—этотъ великий «словесникъ»—стонть надъ книгой г. Закржевскому должна была заключиться эта прерванныя скаго, и онъ пишетъ о немъ почти Бурнизовъ фраза: «потому, что я уже каждый разъ, какъ хочется писать о Лермонтовѣ, съ кѣмъ-то, съ кѣмъ, я и монтоѣ». Пышная фразология Заратушты берется имъ вона fide, и онъ еще не почувствовалъ оскоину ея философіи.

• Александръ Закржевскій. «Лермонтовъ и современность». Киевъ. 1915. Стр. 153. Ц. 1 руб.

АКВАРЕЛЬНАЯ ВЫСТАВКА 1915 ГОДА.

«ПОДРУЖКИ».—Картина худ. Ф. В. Сычкова.

Со фот. Елен. Глыбовской.

Но все-таки это неправда, будто Печоринъ «не прошлое, а наше настоящее»,— «кость отъ костей нашихъ и плоть отъ плоти нашей». Я думаю, что наши кости тутъ не причемъ. На Печоринѣ несомнѣнно лежитъ печать совсѣмъ другой, не современной эпохи—оно (поскольку связь съ конкретными подробностями времени и места) принадлежитъ вполнѣ определенно къ Русскимъ 30-ымъ годамъ, времени русского романтизма и молодости духа. Тогда было много похожихъ на Печорина (одинъ тогдашній дуэль какъ характеристика!), и во всемъ складѣ эпохи было что-то позволявшее такимъ натурамъ цѣлѣ и пышно распускаться. Теперь совсѣмъ не то: не та совсѣмъ степень психологической зрѣлости—душа постарѣла, и «печоринство» ушло въ литературу, где пришло разсужденій и риѳмующий характеръ. И даже въ такомъ видѣ оно прославляется совсѣмъ другими элементами.

Впрочемъ, г. Закржевскому хочется вообще сделать современность позагадочнѣе и пострашнѣе. Оно привлекаетъ даже самого Году въ качествѣ ея «вдохновителя» (стр. 130). Всѣ писатели у него съ «тайными» и всякихъ воззрѣній къ «отцу моему дьяволу», оно береть, конечно, вполнѣ апѣтитъ. Впрочемъ и самъ оно, какъ видится, очень озабочено судьбами «Темнаго» и ожидающими его возможными не приятностями. «Если вдуматься въ судьбу Діавола, то придешь къ выводу, что оно самый величайший страдальцъ въ мірѣ» (стр. 96)... Въ пѣкоторое смѣгченіе «демона» автора, можно добавить, что онъ фантаристъ и даже шутовскаго Давида Бурлюка, съ его «отрадно быть чертами персонажемъ...». Вообще автора гипнотизируютъ «послѣдніе разрушительные течения русской творческой мысли: алогизмъ, катастрофизмъ, инъюнкция, футизмъ», и прочее тому подобное... Лермонтовъ, среди всѣхъ этихъ «изомъ» и риѳманъ, вѣдь себя у ужасовъ, выглядитъ немножко странно, хо- Лермонтовъ, какъ поручикъ, и влюбляетъ, конечно, въ его, оставшемся такимъ ся, и интригуетъ, и откровенничаетъ, и юнымъ, творческимъ есть много материала даже мірѣ проѣлѣшаетъ, какъ поручикъ для экскурсій, подобныхъ предпринятой Съ другой стороны, есть въ русской ли- г. Закржевскому. Кстати, ему и цитиро- тературѣ повѣсть, въ заглавіи которой вѣдь приходится больше юношескіе и ма- стоятъ совсѣмъ «постороннія» слова: г. Закржевскому известные стихи Лермонтова. Молодая патину и реторика этихъ стиховъ г. Закржевскому?.. Читалъ ли ее П. Перновъ.

ПОПРАВКА. Въ приложеніи къ № 13955 на 19-й страницѣ скончавшагося отъ ранъ С. Н. Емельянова-Гонгієва ошибочно напечатана «Емельяновъ-Гонгіевъ».

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Паданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

Поступило въ книжн. магазинъ «Нового Времени» (Петроградъ, Невский, 40)

5-е изданіе, «ГИГИЕНА БРАКА».

Женщ.-врача Волковой. Ц. 50 к.

Содержаніе: Нуженъ ли бракъ. Воспитаніе детей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе юношей. Проституція. Выборъ жены. Женевѣчество. Вступленіе въ бракъ. Гигиена брачной жизни. Искусство безплодія. Разводъ. Переходный возрастъ. Бездѣтные браки и т. д.

НОВАЯ КНИГА
М. Матерлинкъ. Смерть.

Перев. И. Арденина. Петроградъ 1914 г. Стр. 163. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. налогомъ 1 р. 55 к.
СОДЕРЖАНІЕ: Гл. I. Наша воспоминавшість о смерти. Гл. II. Небыть. Гл. III. Бессмертіе сознанія. Гл. IV. Теософская гипотеза. Гл. V. Неопіринітская гипотеза. Гл. VI. Обыкновеніе смерти. Гл. VII. Перекрестная переписка. Гл. VIII. Переизложеніе. Гл. IX. Участъ сознанія. Гл. X. Два вида безконечности. Гл. XI. Наша участъ въ этихъ безконечностяхъ. Гл. XII. Заключеніе. Скл.: Т-во «Н. П. Керблаковъ». Петроградъ, Гостиный, 19.

Въ книжарахъ № 13955 „ВѢСТИНИКА МОДЫ” поѣздано: Парижская хроника моды. 170 рисунковъ дамскихъ и дѣтскихъ туалетовъ, 27 рисунковъ рукодѣлій въ изысканные пелічины. 87 выкроекъ. Платья и туфли для выкладываемыхъ винницъ. Какъ спѣлать постель не тканока раненаго. Misereore Рад. Бекера. Во время котильона Рад. П. де Курセル. Англійская похлебка. Пирогъ изъ яблока и сыръ изъ яблока. Какъ сохранять свѣжій пѣтъ лица. Десять способовъ прѣти полноты. Правила для сохраненія здоровья. Проф. Шако. Что дорого арміи. Средства для винницъ противъ наѣвомыхъ. Почтовый ящики. Запачки, загадки, пасьянсы и т. д. Цѣна въ годъ 6 руб. съ перес. Петроградъ, Итальянская, 16.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»
Петроградъ, Невский 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (в/д.)
и Саратовъ

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ

ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ

Разсказы

Цѣна 1 руб.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ
ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ,
НЕВРАЛГИИ,
ИШІАСА,

простудныхъ и резматическихъ болей даетъ Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ вѣчей. Кефалдолъ абсолютно безредень. Остерегайтесь подѣлъ.

Въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени»

А. К. ГРИНЬ

ПОКИНУТАЯ ГОСТИНИЦА

Романъ. Цѣна 75 коп.

ЖОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 13969

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 31-го ЯНВАРЯ (13-го ФЕВРАЛЯ) 1915 ГОДА.

№ 13969

НА БЗУРЬ.—Кавказские стрельки.

Ориг. рис. А. Пржевальского.

Послѣ битвы.

Кровь залила холмъ ступени...
Мелькали санитары-тѣни,
Къ живымъ страдальцамъ подходя,
И на носилкахъ колыбели,
Оберегац, иѣжко губы
Борца, какъ слабое литье!..
И сестры тихиѣ средь битвы
Несли любви живой цветы,
Въ послѣдній знакъ земной молитвы
Слагая мертвые персты.
И ангелъ скорбный, приближалась,
Въ объятьяхъ душу уносиль
И, предъ Владыкою склонилась,
О милосердій молить!..

Когда тотъ натискъ бурный минѣть,
Въ крови омытая земля
Вздохнеть свободнѣе, остынетъ,
Забудутъ взрывы и волы,
Богъ кроткаго ученья,
На эти нивы съ высоты,
Гдѣ пропыхъ алчность, злоба, мщенье—
Поставили Твои ярости!..

Варн. Сухорская.

Васька Храповъ.

У него была отвратительная репутація
изъ папскій городъ.

Я помню Ваську Храпова очень давно,
прямо съ «донасторическихъ» временъ, ко-
гда оба мы были малышиками. Помню его
кромѣчнымъ бѣлобрысымъ кадетикомъ,

котораго товарищи прозвали «Храпъ бѣлобрысый», и это глупое имя такъ и за-
стало разъ навсегда въ моей памяти.

Прекрасный былъ мальчишка «бѣло-
брысый», и это глупое имя такъ и за-
стало разъ навсегда въ моей памяти.

невозможно: каждая игра съ первыхъ же

шаговъ начиналась съ ссоры, огнъ приди-

стло разъ навсегда въ моей памяти.

Играть съ нимъ было разъ къ любому пустынку и никогда ни

въ чёмъ не соглашался уступить.

И такимъ же несимпатичнымъ остался
онъ и послѣ, когда прѣхалъ молодымъ
офицеромъ въ расположенный подъ па-
шнимъ городомъ кавалерийскій полкъ.

Встрѣчался я съ нимъ тогда очень рѣдко,

но слышать о немъ и о его продѣлкахъ

полевольгъ приходилось постоянно.

Пылицею, кажется, Храповъ никогда
не былъ, но куда бы ни прѣхалъ, всегда
имѣть видъ, точно вѣтъ-вѣтъ съ по-
хмѣлья: нетерпимость проявлять къ лю-
дямъ и къ ихъ мнѣніямъ необычайную,—

ничего не стоило безъ всякаго повода

имѣть съ нимъ самыя непрѣятныя столк-
ненія.

Не знаю, какъ относились къ Храпову
товариши, но поговаривали неоднократно,
что ему придется оставить полкъ. Одно
время это было, кажется, совсѣмъ рѣшено
вопросомъ, и Храповъ остался только
потому, что за него просить всѣми
уважаемыемъ въ городѣ предводитель дво-
риянства, богатый помѣщикъ Баксаевъ,
школьный приятель полкового командира
и человѣкъ очень влиятельный.

Храповъ считался въ то время жен-
хомъ единственной дочери Баксаева—оча-
рдовательной Ирины Владимировны. Объ
этой садѣбѣ, разумѣется, говорилъ весь го-
родъ. Не только изумлялись, но открыто не-
годовали, какъ могла эта умная, хорошо
воспитанная, требовательная къ людямъ
дѣвушка полюбить такого отчалинаго,
грубаго и вѣсмъ одинаково непрѣятнаго
человѣка.

А Ирина Владимировна была дѣвушка
дѣйствительно прелестная: недаромъ ее

Его Императорское Высочество Великий князь НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ,
докторъ русской истории honoris causa.

Совѣтъ московскаго университета, въ виду высокихъ науч-
ныхъ заслугъ Его Императорскаго Высочества, въ области
русской истории постановилъ возбудить ходатайство о Вы-
сочайшемъ созволеніи на поднесение почетнаго диплома
Великому Князю на степень доктора русской истории honoris
causa.

Вновь назначенный товарищ министра торговли и промышленности, гофмейстер Высочайшего Двора С. П. ВЕСЕЛАГО, бывш. начальник отдела торговых портов и торгового мореплавания.

многие называли мадонной. Минь, по крайней мере, она казалась самым чистым изображением именно этого типа; бледная гдѣ могла съ ними встрѣтиться благоприятствовала ей — обѣ этомъ я неземная, астральная... И вдругъ поставили рядомъ Ваську Храпова!

Это сближеніе было такимъ неестественнымъ, такимъ случайнымъ, что у игнорируетъ. Это одно уже создавало ему меня, я твердо помню, состоялось тогда непрѣятности въ полку, и при другомъ по этому поводу такое образное представление о человѣческихъ бракахъ: изъ однѣй урны слѣпая судьба вынимаетъ билеты съ мужскими именами, изъ другой — съ женскими. Случайнымъ сознаніемъ лялъ въ этомъ отношеніи исключительную терпимость и часто любить говорить съ обычной своей кризой усыпѣшкой, что

Только такъ и можно было объяснить, ему нужны хороши, дальние офицеры, а что Ирина Владимировна выбрала Ваську не примѣрные супруги и не женихи для примѣрныхъ городскихъ дѣвичъ.

Подпоруч. Н. В. ОРЛОВСКИЙ,
раненъ контуженъ.

Капит. Н. Л. ЯРЫШКИНЪ,
раненъ въ бою.

Храпова. Да и встрѣчались они не такъ часто, потому что Храповъ почти не бывалъ изъ приличнаго общества. Среди ея многочисленныхъ поклонниковъ были люди действительно замѣтные, красивые и блестящіе; она считалась не только самой хорошей изъ выѣзжавшихъ барышень, но только самой образованной и изъ лучшей въ городѣ семьи, но еще къ тому же самой богатой, самой выгодной партией.

Потому-то, вѣроятно, и не замѣтили родители своеевременно ея увлечения, что ужъ очень оно казалось неестественнѣмъ, что Храповъ ни у себя дома, ни въ домѣ своихъ знакомыхъ они почти не поселили. Если бы они и могли подозревать обманъ, кривившись въ ея отлучкахъ изъ дома подъ различными предлогами, то ужъ во всякомъ случаѣ догадка привела бы къ какому-нибудь другому имени.

Даже городская сплетня не скоро называла Храпову, не скоро и трудно повѣрила въ его виновность въ данномъ случаѣ. Когда кто-то первый сказалъ, что видѣлъ ихъ вдвоемъ вечеромъ на извозчикѣ, ему рѣшительно отвѣтили: «этого не можетъ быть». Объявить тайнымъ героямъ Ирины Владимировны Храпова — это значило обречь на полную неудачу даже намѣренную клевету.

Въ сущности, можно было сказать, что Храповъ совсѣмъ не бывалъ въ свѣтѣ, и воплощеніемъ именно этого типа; бледная гдѣ могла съ ними встрѣтиться благоприятствовала ей — обѣ этомъ я неземная, астральная... И вдругъ поставили рядомъ Ваську Храпова!

Это сближеніе было такимъ неестественнымъ, такимъ случайнымъ, что у игнорируетъ. Это одно уже создавало ему меня, я твердо помню, состоялось тогда непрѣятности въ полку, и при другомъ по этому поводу такое образное представление о человѣческихъ бракахъ: изъ однѣй урны слѣпая судьба вынимаетъ билеты съ мужскими именами, изъ другой — съ женскими. Случайнымъ сознаніемъ лялъ въ этомъ отношеніи исключительную терпимость и часто любить говорить съ обычной своей кризой усыпѣшкой, что

Уже будучи женатомъ Ирины Владимировны, Храповъ, слѣдя за азартной игрой въ клубѣ и за проницаеми своего товарища, неожиданно пакинулъ на двухъ, опять-таки очень извѣстныхъ и даже уважаемыхъ въ городѣ, лицъ и съ крикомъ: «долой шулера!» стягъ ихъ выгналъ изъ-за стола. Говорили потому, что и на этотъ разъ Храповъ былъ близокъ къ истинѣ, но, не разбирая дѣла по существу, изъ обычного человѣческаго общенія. Онъ, не мученный постоянными жалобами, полстѣснѣлся, говорилъ все, что думалъ. Головы Людный рѣшилъ, наконецъ, патовой всегда отвѣтить за свои слова, дѣйстѣльно считалъ и самъ испавший роемъ. Только благодаря внимательности столпеній, онъ вѣчно гроздилъ неизѣбѣнскому Баксаеву, уладилась и эта исторія, и Храповъ всегда остался въ томъ же полку.

Но черезъ три—четыре недѣли произошло нечто совсѣмъ необыкновенное:

Васька Храповъ отказался отъ брака съ

Ириной Владимировной. Не она ему отказалась, а онъ самъ не захотѣлъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, говорили. Это ужъ было совсѣмъ неслыхано.

Когда была объявлена свадьба, всячески осуждали невѣсту, жалѣли ея родителей, но о Храповѣ уже стали говорить съ оттенкомъ извѣстнаго уваженія: какогъ-всѣ-таки молодецъ! Пошливалъ, пошливали, боялись и своеобразились, — казалось, вотъ-вотъ будетъ за бортъ выброшенъ, а, однако, подъ шумокъ ложко свое дѣло обѣдалъ, устроилъ свою судьбу, да еще какъ устроилъ: чутъ ли не первое состояніе во всей губерніи, и вѣдомоѣ первая красавица, самая спѣшная и разборчивая... Ну, и Васька Храповъ!

А тутъ вдругъ отказался! Самъ Баксаевъ его, говорить, уговаривалъ, чутъ ли не дѣль должна была быть. Несчастная дѣвушка совсѣмъ заболѣла, ее въ имѣніе къ тетушкѣ отправили. На этотъ разъ Храповъ бы навѣрно убралъ изъ полка, да онъ и самъ собирался вовсе со службы уходить, но только происходило это уже въ йюль, и черезъ не сколько дней неожиданно началась война.

Полкъ былъ однимъ изъ первыхъ дви-

Раненые подпор. В. Р. ВАЛЬТЕРЪ, подпор. П. А. АЛЕНСѢЕВЪ, кап. М. И. КУНЕВЪ и подпор. М. Н. ГРЕБЕНѢСЪ.

бою кое-какія основанія. А другой разъ путь къ западной границѣ, а вмѣстѣ съ Храповъ явился въ клубъ на благотворительный губернаторской вечеръ, устраиваемый губернаторшей, подъ руку съ такой дамой, что всѣ старшины ахнули, когда ее увидѣли.

Во времена неизѣбѣнскаго объѣсенія Храповъ преслѣдованію зазывалъ одному изъ старшинъ во всеуслышаніе, что эта дама несравненно привлекательна и привлече его супруги. Опять-таки, по существу, онъ былъ, пожалуй, и правъ, по эта история лишь съ величайшимъ искусствомъ и затратой большой энергіи была кое-какъ замата его однополчанами. Похожихъ на это случавшее было вообще не мало, — почти постоянно приходилось слышать о Храповѣ.

Уже будучи женатомъ Ирины Владимировны, Храповъ, слѣдя за азартной игрой въ клубѣ и за проницаеми своего товарища, неожиданно пакинулъ на двухъ, опять-таки очень извѣстныхъ и даже уважаемыхъ въ городѣ, лицъ и съ крикомъ: «долой шулера!» стягъ ихъ выгналъ изъ-за стола. Говорили потому, что и на этотъ разъ Храповъ былъ близокъ къ истинѣ, но, не разбирая дѣла по существу, изъ обычного человѣческаго общенія. Онъ, не мученный постоянными жалобами, полстѣснѣлся, говорилъ все, что думалъ. Головы Людный рѣшилъ, наконецъ, патовой всегда отвѣтить за свои слова, дѣйстѣльно считалъ и самъ испавший роемъ. Только благодаря внимательности столпеній, онъ вѣчно гроздилъ неизѣбѣнскому Баксаеву, уладилась и эта исторія, и Храповъ всегда остался въ томъ же полку.

Но черезъ три—четыре недѣли произошло нечто совсѣмъ необыкновенное:

Васька Храповъ отказался отъ брака съ

Ириной Владимировной. Не она ему отказалась, а онъ самъ не захотѣлъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, говорили. Это ужъ было

самъ неслыхано.

Священникъ минѣправилъ — своимъ

симпатичнымъ голосомъ, привѣтливымъ тономъ, своимъ благообразнымъ, бородатымъ лицомъ. Это лицо было такое русское, такое родное и знакомое, — казалось, я его встрѣчалъ уже сколько разъ. Кипятокъ скоро появился, и толстый

Полкъ былъ однимъ изъ первыхъ дви-

Шт.-кап. Б. И. БЕЗРЕБРЕННИКОВЪ,
раненъ въ бою.

Состоявший при особо уполномоченному Красного Креста студенческому броволецу гр. А. П. ТОЛСТОЙ, скончавшемуся среди неустанныхъ и тяжелыхъ работъ на своемъ посту въ Варшавѣ 1 января. Незадолго до кончины онъ былъ награжденъ медалью на георгиевской лентѣ «за храбрость» и Георгиевскимъ крестомъ 4 ст.

Павшие смертью храбрыхъ.

Лейт. Е. А. Мягловский.

Мичм. Н. В. Эйлеръ.

Мичм. С. А. Григоренко.

Мичм. Н. П. Гилосыровъ.

Вольноопр. К. И. Борилло.

веклюже корявыми пальцами священника. Разговоръ, естественно, сталъ гораздо я въ интеллигентномъ человѣкѣ никогда ничего подобного не видывалъ, иначе не встрѣчалъ. Брался онъ за вѣсль такъ онь и скончался тутъ же. Царствіе раскрывать новую четвертушку чаю.

— Ну, а какъ полкъ нашъ,—часто самыя трудныя порученія, и смѣлостью ему небесное! — Ну, а какъ полкъ нашъ,—часто самыя трудныя порученія, и смѣлостью ему небесное!

— Охъ, старость,—ничего не подѣбывалъ въ огнь?

— Да всю осень разѣдками занимались ка: думали, Богъ вѣсть какія силы огнь

— Ну, да и кому же оно уготовано, а еще и другая какая-то болѣзнь, и въ пѣсколькихъ боахъ участвовали... за собой ведеть... И какой вѣрный глазъ, если не такимъ, какъ былъ Василій...

— Быть пальцы плохо действуютъ,—теперь только теперь, въ самое послѣднее время, какая вѣрная догадка: все впередъ заль, — А вы и Ирину Владимировну знаете?—

— Это артритъ называется...

— Какая же старость, батюшка? — Да полковникъ нашъ говорилъ: скоро опять умретъ онъ, знаете, и совсѣмъ какъ рѣстолко разсказомъ священника, сколько

васъ и сѣдины-то почти нѣтъ. Вамъ тольѣ двинемся. Только многихъ хорошихъ офицеровъ... Принесли его на носилкахъ, подъ его отношеніемъ къ Храпову.

— Но полечиться бы слѣдовало.

— Полечиться... да... тутъ воды, го-пости вѣтъ жалѣли мы съ полковникомъ румяныхъ, глаза совсѣмъ ясные. Я былъ

въорять, помогаютъ. Надо будетъ полечить—Люднѣмъ Василія Храпова. Вы о немъ, увѣренъ, что рана легкая, а выпило, что

сѧ... нало... Да, знаете, какъ-то противно конечно, въ свое время много слышали... ему пѣсколько минутъ жить оставалось,

теперь здоровьемъ заниматься. Я Царствіе ему небесное!

— Такъ какъ сейчасъ съ войны тѣду, такъ насмѣшился... — Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

— Да, убить. И умеръ, какъ и то меня подзываютъ и говорить:

<p

ПОДЪ ЕАРШАВОЙ.—Русские драгуны захватывают германский автомобиль.

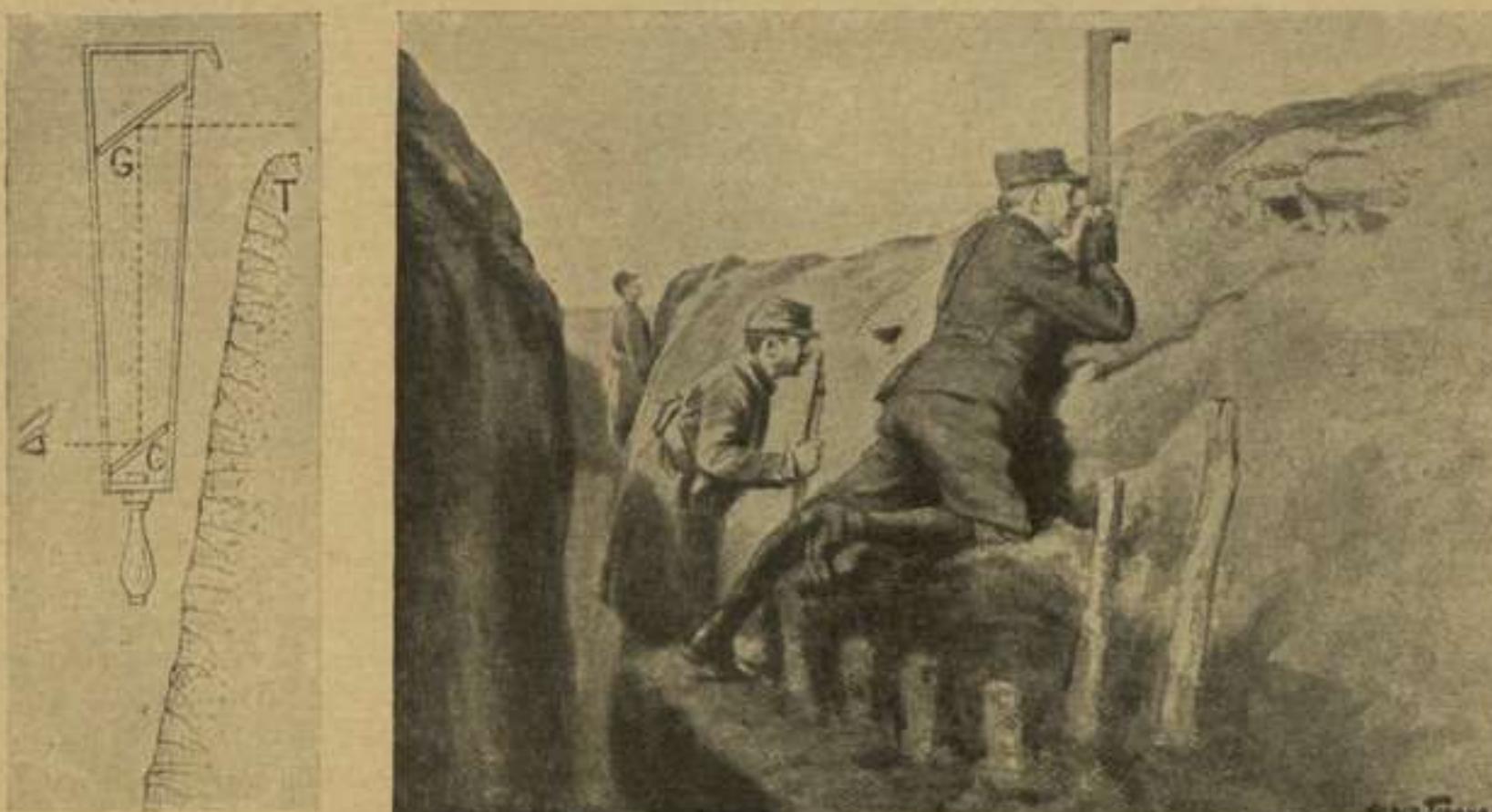
Ориг. рис. А. Прокопьевского.

киньль вызовомъ обществу. Съ самыми дыгалась, и домой меня къ нимъ приглашали я быстро понять, что ничего хорошаго ихъ обывчать скорѣе. И вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдними людьми, съ самыми послѣдними молебны служить или когда что за изъ всего этого не выйдетъ... Полюбили не оставляло меня ни на минуту тяжелое ми женщины, какъ равный, знакомство надобится. Тоже дѣвушка не такая, какъ они другъ друга очень скоро, и Василій предчувствіе: слишкомъ ужъ какіе-то любовь. Но онъ остался чистъ душой всѣ,—съ удивительной душою, южная и мнѣ въ этомъ此刻же признался и ди особенные, не отъ мира сего, на что-то и тѣломъ, ни одной тѣни на него не чуткая... И тоже замыслила она изрѣдка сказать, что онъ хочетъ совсѣмъ уѣхать другое обреченные...

легло... Много мы бѣсѣдовали съ Василіемъ по душѣ побѣсѣдовывать. Вотъ и изъ города. Много мы тогда съ нимъ толѣмъ, онъ ко мнѣ постоянно, чуть ке встрѣтились они какъ-то съ Василіемъ, ковали, всячески убѣждать я его, что пе ко мнѣ однажды Василій, совсѣмъ желтый, каждый день приходилъ, дѣлился со мною встрѣтились да и сразу почувствовали другъ только пѣть грѣха въ ихъ будущей семье- страшный, лица на немъ несть. «Я, говорилъ звонкии. Вотъ я и говорю—трудъ друга. И стала Ирина Владимировна прѣной жизніи, но что, соединивъ свои силы, рѣшилъ отказался отъ свадьбы съ Ириной», на пастырскую задача. Противъ совѣтъ, южать ко мнѣ все чаще и чаще... Правду они сколько добра сумѣютъ сдѣлать: дай Какъ отказался? Въ умѣ ли ты? «А вспомни противъ прямыхъ запогѣй иногда уѣхъ сказать, я по началу такъ подумалъ, что Богъ, чтобы въ жизни побольше такихъ ините, батюшка, слова: кто не возненавидѣвъ я его: «да живи ты, какъ всѣ жи— если образуется здѣсь свадьба, такъ и слѣдуетъ участвовать, чтобы дѣти у нихъ дѣлать отца и матеръ...» «Да полно», говорю вуть, Василій...» Только онъ понималъ: да Богу. Василія я, какъ сына, любяль и рождалась,— такъ я ему тѣждѣ говорилъ. я ему: «брось ты, наконецъ, пачное свое «Не то вы согѣтуете, батюшка, что ду— назѣялся, что это дастъ ему счастье въ Началѣ онъ покемногу соглашаться, — юродство». Погрѣйте ли,—я, пастырь думаетъ,— говоривъ мнѣ... — И дѣйствительно... Приходитъ это

— Ирина Владимировна,— продолжалъ путь. А для Ирины Владимировны болѣе ство. Ужъ какъ же я на нихъ радовался, вѣстно кидать дѣвушку, которая тебѣ такъ отецъ Герасимъ посыпъ маленькой паузѣ:— порядочнаго, болѣе родственнаго ей человѣка— когда объявили помолвку; къ самому Бакъ— любить». Разрыдался онъ тутъ, и такой она у меня съ десяти лѣтъ всегда исповѣѣла трудно было и съскать... Но толькъ саеву уѣждать его єздилъ, все торопился съ нимъ случился припадокъ, что я думалъ—умреть пожалуй. Но рѣшенія не измѣнилъ. «Не могу и не могу!» да и все

ВО ФРАНЦУЗСКИХЪ ТРАНШЕЯХЪ.

I. Схематический рисунокъ траншейного перископа, по своему устройству напоминающаго перископъ на подводныхъ лодкахъ Т—верхъ траншеи, надъ нимъ выдается конецъ перископа. G—наклонное зеркало, отражающее часть мѣстности передъ траншеей. Другое наклонное зеркало (G) передаетъ это изображеніе наблюдателю.
II. Наблюденіе за непріятельскими траншеями съ помощью перископа.

Солдатъ А. ПЕТРОВЪ, первый георгиевский кавалеръ первой петроградской мотоциклистской роты.

Награжденъ Георгиевскимъ крестомъ за спасеніе своего команда и за доставку важнаго донесенія подъ траншейнымъ огнемъ въ бою подъ Варшавой.

ВКОВЬ СФОРМИРОВАННАЯ БЕЛЬГИЙСКАЯ АРМЯ.

Король АЛЬБЕРТЪ производить смотръ своимъ молодымъ войскамъ на берегу моря.

туть. Несколько разъ пытался я потому какъ-нибудь еще повернуть. «Нетъ», говорить: «это счастье не для меня. Я уйду въ монастырь, мигъ другого пути неѣть... Да вотъ началась война...

Я былъ совершенно ошеломленъ всѣмъ тѣмъ, что услышалъ отъ священника. Такъ вотъ какъ оказался на самомъ дѣлѣ Васъка Храповъ, тотъ самый Храповъ, который имѣлъ такую прочную и устаконившую репутацію въ нашемъ городѣ! Такъ вотъ что вдѣло къ нему чистую душу лѣнушки-мадонны...

— А обѣ Иригѣ Владимировнѣ вы теперь что-нибудь знаете? — спросилъ я отца Герасима.

— Кажется, она еще у тетки въ имѣніи. Хотѣлаѣхать сестрой милосердія, да сердце заболѣла, — не отпустили. Я ее непремѣнно позицію, буду съ ней говорить, постараюсь вернуть ее къ жизни... Только едва ли что-нибудь теперь выйдетъ: обреченнай...

В. Опочининъ.

Полк. Мих. Мих. БУТЧИНЪ, раненъ въ бою. За отличие въ бояхъ противъ непріятеля награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и георгіевскимъ оружиемъ.

Король-герой.

Посвящается его величеству королю Бельгіи.

Чы клики потрясаютъ
Изъерскія поля?

То храбрые Бельгійцы
Встрѣчаютъ короля.

И смѣль и непреклоненъ
И предъ силой ихъ король,
Законъ — Альберта лозунгъ
И честь — его пароль.

Онъ — рыцарь съ сердцемъ львинымъ,
И левъ въ его гербѣ,
Онъ бѣтъ за свободу,
Неутомимъ въ борбѣ!

Что ищетъ, вражки пули
Надъ нимъ весь день свистѣть,
Въ ридахъ своихъ Бельгійцевъ —
И вождь онъ, и солдатъ.

Въ его страну родную.
Въ святой его очагъ
Съ меюмъ беззлазнымъ вторгся
Измѣну внесший врагъ.

Кощунственнымъ набѣгомъ
Страна разорена
И женской, дѣтской кровью
Земля напоена...

Но близокъ часъ возмездья:
Народъ дождется дnia —
Страдалецъ-край возстанетъ
Изъ крови и огня.

И передъ мошью духа
Героя короля
Благоговѣйной данью
Склонится вся земля.

Н. В. Хвостовъ.

Эва жертвенника.

Стихотвореніе въ прозѣ.

Безумно мчатся события, и все кошмары
страны истории.

Въ сіяніи подвига и славы проносятся
свѣтлыя тѣла еще сегодняшняго, но уже

Господь и Вседержитель, прими эту
жертву будущаго Мира!..

Но что тамъ рядомъ съ этимъ чуднымъ
жертвенникомъ?

Послушай, Камиль, за что ты снова хо-
чешь убить Авели? Дозволено, предатель!
Ступай, задыхайся въ смрадной гари сво-
ей кощунственной жертвы! Прочь, убийца!
Дальше, дальше отъ чистаго пламени!
Борчись отъ боли и безсильной ярости
подъ гаванившимъ на тебя тобой воззви-
нутымъ идоломъ, въ вызванномъ тобою
огнѣ преисподней!...

Жизнь, всескорывающая жизнь тамъ,
среди смерти и ужаса!

Кажды мигъ отличаетъ слово божіихъ
войновъ. Каждое изъ движеніе запечатль-
вается изумленной исторіей. Счастье по-
двига и суровый долгъ, побѣдный клинъ
и жалобный стоикъ умирающаго, и острая
радость и смертная тоска, усталая улы-
бка и бодрая пѣски, кошмаръ и вос-
торгъ... И молитва...

Чаша жизни полна до края и не вмѣ-
стить ей безцѣнной, животворящей слаги!

Я пойду къ нимъ и скажу, что тоже
люблю родину и хочу умирать ихъ чудной
жизнью, хочу жить ихъ побѣднымъ уми-
рающимъ. Буду ходить отъ цели къ цели,
отъ окопа къ окопу, буду говорить, какъ

Командиръ гвардейского полка
ген.-м. Вас. Ал-др. НЕФУГЛЕВСКІЙ,
награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.ПОСЛѢ ПОЛЕТА НЕМЕЦКИХЪ ЦЕППЕЛИКОВЪ НАДЪ ЕВЗАЩИТНЫМИ ПРИБРЕННЫМИ
ГОРОДАМИ АНГЛИИ.Разрушенные дома въ Йрмутѣ, надъ которыми 19 января пролетѣлъ германский цеппелинъ,
бросившій 16 бомбъ. Взрывами ихъ было убито пять человѣкъ и несколько ранено.

Военный летчик француз шт.-кап. ГРЕЗО, служащий в рядах русской армии.

Земский лытній охранный сторожевый пост, расположенный на высоте 7 $\frac{1}{4}$ т. футов близь турецкой границы, в 40 вер. къ западу отъ г. Артвина. Выпавший адъе 24 августа снѣгъ поставилъ въ весьма затруднительное положеніе стражниковъ.

люблю ихъ, какъ вѣ мы, такъ чудовищно дившися въ нихъ, будто бы, дремавшіе до благополучные за ихъ спины, любимъ, толь хищные инстинкты, а что до по-благословляемъ и благодаримъ ихъ! Были наль Франціей они были вполнѣ

Боже, дай же и мнѣ, ничтожеству изъ культурныхъ народовъ, олицетворяя со-ничтожество, прилизиться къ великому бою то, что слышеть подъ названіемъ жертвенному! Дозволь подложить въ огнь «Германіи временемъ Шиллера и Гете». Но сухую юбочку и очиститься отъ прокоснотъ, которые поддерживаются такой взглядъ, веняя къ угодному Тебѣ пламени!

Тебѣ же честь, Тебѣ же страхъ, Тебѣ же митью, такъ какъ несправедливо было бы изловатися изъ недостатокъ въ свидѣтельствахъ о варварскомъ способѣ веденія Германцами войны съ Французами. Однимъ изъ самыхъ яркихъ свидѣтельствъ этого рода являются впечатлія бельгійского писателя Камилла Лемонье, въ его книѣ

«Les charniers» (въ русскомъ перево- м. п. дь это заглавіе слишкомъ мягко передаю- дь это заглавіе слишкомъ мягко передаю-

* Камилль Лемонье. *На братскихъ могилахъ*. (Седанъ). (Les charniers). Кн.-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 1915 г. Стр. 142. Ц. 80 к.

въ желаніи сгущать краски тамъ, гдѣ ствомъ игралъ на роль сочту Бетховенъ рѣша о поступкахъ немецкихъ сол-на, а другой всѣ душой наслаждался про-дѣль, но его запись о томъ, что онъ ви-изведеніемъ великаго художника. Они рас-сѣдовавши за седатскимъ разгромомъ,—кихъ, и «казалось помыслимыть, чтобы этотъ голый, ничтъ не прикрашенный эти самые люди могли быть безчеловѣч-рѣзакъ, являющійся какъ бы скрытыми убийцами». Но едва зашла рѣча про «человѣческими документами»,—произно-войну,—оба офицера мгновенно преобра-дѣть потрясающее впечатліе. Картины зияли. «Эта внезапная метаморфоза по-смерти, ужаса, разрушепія всего, что бы-казала намъ, какъ много жестокости на-ло создано долгою творческой работой, не-риду съ благодушіемъ въ этомъ двойствен-выразимаго отчаянія лицъ, лишившихся и номъ германскому характеру, тяжеломъ и своихъ близкихъ, и послѣднаго достоинія, впечатлителюю»,—замѣчаетъ Лемонье. сѣдѣютъ одна за другую, почти не давая Мы, на основаніи опыта послѣднаго време-читателю отдохнуть на какомъ-нибудь от-ни, можемъ внести въ это наблюдение ту-радномъ впечатліи, и не удивительно, что Эмиль Золя, въ видѣ высшей похвалы автору, писалъ ему, что онъ не хочетъ ся сродни лицемѣрю

ю-и-и.

Путешествіе по Волгѣ.

Нѣмцы въ дни франко-пруссской войны.

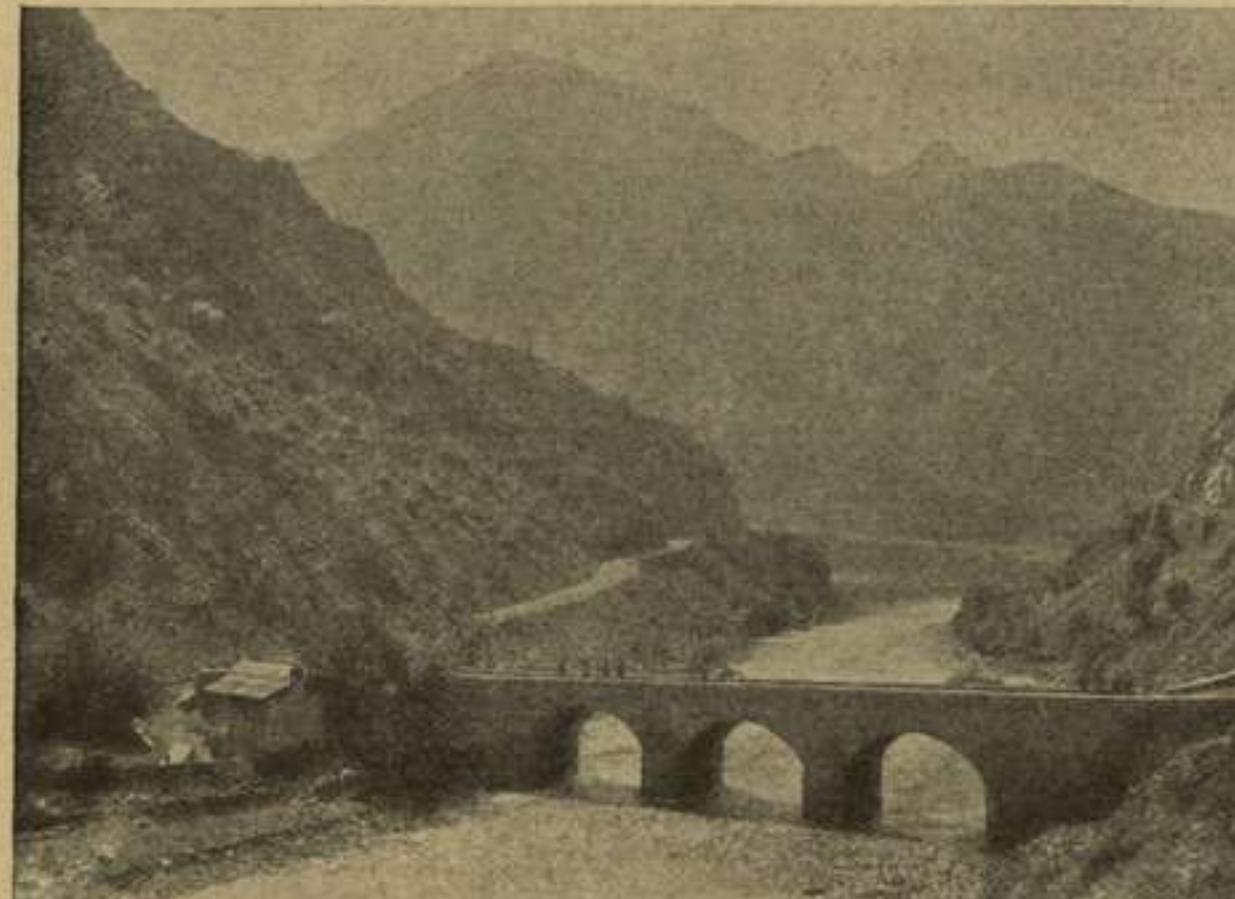
Поразившіе воображеніе грубость и без-человѣчность Нѣмцевъ по отношению къ написанной послѣ Седана. Бельгіецъ могъ только къ лицамъ, входящимъ въ составъ арміи воюющихъ съ ними державъ, но и шавшися во Франціи, какъ посторонній къ мирному населенію занятыхъ ими зрителю, котораго нельзя было заподозрить, мѣстностей, дало могимъ поводъ и въ раз-говорахъ, и въ печати высказывать мнѣ-ніе, что такими они сдѣлялись лишь послѣ франко-пруссской войны, впервые пробу-

шлось быть бельгійскому писателю, зла-ѣще вырисовываются фигуры тевтоновъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣсть въ со-вѣтѣ общаго образованія, то въ со-дніи. Лемонье встрѣчаетъ пьяныхъ нѣме-цкихъ солдатъ, развалившихся въ барскихъ коляскахъ и требующихъ, чтобы возница изо всѣхъ силъ погонялъ чистокровныхъ лошадей: «Это лошади графа такого-то,—посыпаютъ мѣстные жители,—они укра-ли ихъ изъ конюшни замка». Встрѣтивъ разрушенный нѣмецкими орудіями лаза-ретъ, писатель остается въ недоумѣніи, какимъ образомъ по флагу съ краснымъ крестомъ Нѣмцы не догадались, что это за зданіе. И въ отвѣтъ онъ слышитъ: «Да поглядите на флагъ,—они его изрѣши-ли!» Въ разоренной деревушкѣ Базель упѣтѣвшіе чудомъ жители говорятъ ему: «Все сожгли негодяи, и жителей запирали въ погребахъ, чтобы и они тоже сгорѣ-ли». Въ другой деревнѣ прусскіе солдаты зашли въ домъ, заплативъ бѣдной семье, состоявшей изъ беспомощного старика, больной старой женщины, пятнадцатилѣтнаго мальчика и двадцатилѣтней дѣвушкѣ; по-слѣ того, какъ гдѣ-то на улицѣ раздался выстрѣлъ, они въ ярости «разметали по-стели, столы и стулья, закрыли матрацы старика и старуху, дочь же привязали къ столу и помогая другъ другу, совершили насилие надъ нею на глазахъ полу-сердитыхъ родителей ея». Какъ бы въ видѣ контраста длинику ряду картины воровства, зѣрствъ, насилий и преда-тельствъ, совершаемыхъ нѣмецкими вой-сками, Лемонье изображаетъ двухъ «куль-турныхъ» германскихъ офицеровъ, съ ко-торыми ему пришлось провести некоторое время вмѣстѣ: одинъ изъ нихъ съ чув-

Бѣлозерскій предводитель дворянства, дѣств. стат. сов. В. А. ВЛАДИМИРСКІЙ, по-учитель лазарета і овгородскій Общи-ны Кр. снѣга Креста имени «Бѣлозерскаго предводителя дворянства В. А. Владими-рскаго съ семьей». Онъ устроилъ на соб-ственныхъ средства два лазарета, по-тер-зовавъ болѣе ста тысяч руб. на нужды раненыхъ воиновъ, собралъ совмѣстно съ супругою до 15,000 руб. деньгами и из-ско-лько десятковъ вагоновъ разныхъ пред-метовъ для дѣйствующей арміи. Лично от-возилъ послѣдніе на передовыя позиции, онъ получилъ контузию при постъщении этихъ позиций.

Мѣста гдѣ были бои между нашими кавказскими войсками и турками.

Старинный мостъ черезъ р. Имерхенъ на шоссейной дорогѣ между г. Артвиною и м. Ардану-чомъ, въ Чорохскомъ краѣ.

ГЕРМАНСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ-МАСОНЫ.

Император Вильгельм I.
Редкая фотография, снятая съ памятного альбома масонских ложъ в Германии. На шею у Вильгельма I масонский треугольник. Онъ подвязанъ передникомъ каменщика, въ рукахъ масонскій молотокъ, на столѣ—масонскій кодексъ. Съ тѣми же атрибутами масонства снята и преемница Вильгельма I, императоръ Фридрихъ. Въпрогто и теперешний кровавый императоръ фигурируетъ среди членовъ какой-нибудь масонской ложи и найдутся фотографии, изображающія его съ тѣми же атрибутами масонства, какие видны на портретахъ его дѣда и отца.

Император Фридрихъ,
съ атрибутами масонства.

ское море*. Маленькая часовенка среди болотъ и лѣсовъ Осташковскаго уѣзда, съ небольшимъ срубомъ-колодцемъ, откуда Волга вытекаетъ едва замѣтнымъ ручейкомъ, первые притоки Волги, Верхне-Волжскій Бейшлотъ,—со всѣмъ этимъ читатель знакомится не только по живымъ описаниямъ, но и по нагляднымъ иллюстраціямъ. Веда читателя далѣе, составитель не упускаетъ случая, когда это необходимо, напомнить о народныхъ легендахъ, связанныхъ съ «Волгой-матушкой», о томъ, напр., какъ слилась Волга съ Вазузы, или о преданіяхъ, связанныхъ съ впадающей въ Волгу рекою Керкендея,—знакомить съ исторіей приволжскихъ городовъ, съ памятниками старины, попутно даетъ картины волжского быта, изображая, напр., условия жизни исчезнувшихъ нынѣ бурлаковъ и пришедшихъ имъ на смену крючниковъ; читатель знакомится съ живущими по берегамъ Волги народностями, съ существующими у местныхъ жителей промыслами, съ условиями судоходства по Волгѣ и по «системамъ», соединяющимъ ее съ Балтийскимъ и Бѣльскимъ морями, и т. п. Составленная живо и занимательно, книга г. Тарапыгина можетъ служить не только полезнымъ пособіемъ для учащихся, но съ успѣхомъ способна замѣнить собою «путеводитель» при путешествіи по Волгѣ.

Н. Н. В.

Мелочи.

Рука Вильгельма II и г-жа де-Тэбъ.
Г-жа де-Тэбъ въ «Послѣдовіи» къ своему Альманаху на 1915 годъ, отвѣтствуетъ на многочисленныя письма, которыя она получала въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго года.

Корреспонденты Сивиллы XX вѣка живо интересовались вопросомъ, какимъ методомъ она доходитъ до составленія своихъ предсказаний? Г-жа де-Тэбъ не отвѣтываетъ обыкновенно на полуляемыя ею письма, весьма недружелюбно встрѣчающіяся съ проникающими къ ней интересовыми и предпочитаетъ личное общеніе со своими адептами путемъ «Послѣдовія» къ своему сборнику предсказаний.

Приводимъ ея объясненіе всей подготовительной работы, предшествующей составленію Альманаха.

Изъ объяснений г-жи де-Тэбъ явствуетъ, что методъ ея весьма простъ и не имѣть ничего общаго съ таинственными вычислѣніями древнихъ маговъ и средневѣковыхъ астрологовъ, опредѣлявшихъ будущее по движению небесныхъ сѣѧтъ, по внутренностиямъ убитыхъ животныхъ и т. п.

Она руководится главнымъ образомъ наблюдѣніями, сдѣланнными въ теченіе цѣлаго года надъ руками извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей разныхъ странъ и, основываясь на хиромантии, проподѣливъ извѣстныя параллели между судьбою даннаго лица и ближайшимъ будущимъ страны.

«Въ теченіе года я имѣю возможность изучить очень большое количество рукъ,—пишетъ она. — Выборомъ этихъ рукъ я отгости руковожу лично, пользуясь услугами многочисленныхъ корреспондентовъ и друзей въ разныхъ странахъ міра. Если интересующая меня рука не приходится сами ко мнѣ, я прошу моихъ друзей доставить мнѣ отпечатки фотографіи ихъ и изучаю ихъ заочно».

По утвержденію г-жи де-Тэбъ, въ ея «архивѣ» хранятся «исторіи» многихъ тысячъ рукъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ со всего свѣта.

Каждый вечеръ она тщательно записываетъ въ теченіе многихъ лѣтъ подрядъ все наблюдѣнія, сдѣланнныя днемъ, причемъ весьма заботливо и аккуратно подвергала ихъ строгой классификаціи по странамъ.

Къ концу года ея «dossier» заключаетъ огромную коллекцію «рукъ-типовъ», какая она ихъ называетъ, распределенныхъ въ строгомъ порядкѣ въ зависимости

отъ этого курса, въ качествѣ одного изъ обязательныхъ предметовъ, должна была бы входить поездка по Волгѣ. Едва ли какоенибудь другое путешествіе можетъ дать столь полное понятіе о подлинной Руси, какъ прогулка въ три тысячи стъянинъ верстъ отъ Рыбинска до Каспийскаго моря. Но пока намъ приходится только мечтать о такой постановкѣ образованія, при которой каждому учащемуся здѣсь была бы возможность непосредственно познакомиться съ красотами родной страны и съ историческими памятниками, и большинству учащихся ничего больше не остается, какъ совершать подобного рода путешествія хотя бы умственно. Сухія географіческія описанія, разумѣется, могутъ вѣтъ очень слабой степени восполнить пробѣлъ въ этомъ отношеніи, а потому съ полнѣмъ сочувствіемъ можно отнести къ поѣзданію Ф. А. Тарапыгина въ рядѣ очерковъ дать изображеніе «жизни» великой русской рѣки, начиная съ ее зарожденія до впаденія въ Каспий-

* Ф. А. Тарапыгинъ. *Волга-матушка*. Образовательное путешествіе по Волге. Очерки и картины волжской жизни отъ истока до впаденія ея въ Каспийское море. Петроградъ. 1914 г. Стр. 305. Ц. 1 р. 90 коп.

ПЕРЕДВІННАЯ ВЫСТАВКА 1915 ГОДА.

«ИНТЕРВЬЮ». — Картина проф. В. Е. Мановского.

Съ фот. Ксн. Глыбовской.

сти отъ расы, национальности, соціального положенія, пола и возраста даннаго лица.

Предоставимъ дальнѣе слово самой г-жи де-Тэбъ въ объясненіи того, какъ создается изъ этихъ данныхъ ея предсказаніе.

«Послѣднія недѣли года я удѣляю срѣзиному и тщательному обдумыванію разныя наблюденія моего «dossier». Въ моемъ умѣ рисуются смутные образы, выясняются контуры возможныхъ событий на грядущій годъ. Весь трагизмъ этой работы заключается въ полной невозможности разгадать точно даты, въ которыхъ должны совершиться предчувствуемые мною события.

«Порядокъ и сила этихъ представляемыхъ туманно роящихся въ моемъ мозгу, не зависятъ совершенно отъ моей воли. Всѣ они непроизвольны, случаины и неожиданны, на подобіе нашихъ сновъ, управляемы которыми не дано намъ. Но вступаетъ день, когда, подъ влияніемъ безпрерывныхъ и напряженныхъ думъ, въ моемъ мозгу точно отдергивается какая-то запѣса. Меніи охватываетъ холода и огненіе, я забываю всѣ предметы окружающаго меня реальнаго міра, и испоно, отчетливо вижу и ощущаю недалекое «сантра». Образы смѣняются образами помимо моей воли. Я не въ силахъ удержать бѣгъ и смѣю ихъ, не могу произвольно удержать одинъ изъ нихъ въ памяти и углубиться въ обсужденіе или разсмотрѣніе его. Но затѣмъ эти образы выплываютъ снова и снова, каждый разъ съ всею большей реальностью и яркостью, пока, наконецъ, не воплощаются настолько, что я могу сознательно записать ихъ, какъ ясное видѣніе будущаго».

Трудно, конечно, определить, гдѣ ложь и гдѣ истина въ словахъ г-жи де-Тэбъ, однако нельзѧ не признать, что предсказанія ея оказались довольно вѣрными. Въ октябрь 1913 года, когда она сдала въ печать свой Альманахъ на 1914 годъ, нечто еще на политическомъ горизонте Европы не предсказывало той грозы, которая разразилась въ іюлѣ.

Переходимъ къ тому, что высказала г-жа де-Тэбъ о рукахъ Вильгельма II. Она сознается, что никогда не видѣла императора и могла произвести свои наблюдѣнія лишь по фотографіи его правой руки, принадлежавшей одной знакомой дамѣ изъ Берлина. Лѣвая рука Вильгельма—большая, изуродованная худосочіемъ, какъ известно, всегда тщательно прачтется имъ за спину или за бортъ сюртука на всѣхъ фотографіяхъ.

М-ре де-Тэбъ говоритъ: «Правая рука воли, тогда какъ лѣвая—рука судьбы. Моя наблюдѣнія исполнены и не совсѣмъ ясны вслѣдствіе того, что я имѣла возможность изучить лишь одну руку его. Но я могу съ уверенностью ска-

Иван Никитич Шчучинъ, 35 лѣтъ прослуживший въ типографіи А. С. Суворина мастеромъ-печатникомъ.

зать, что уже тот факт, что левая рука Бильгельма изуродована и высохла,— является указанием свыше на то, что рогъ Гогенцоллерновъ отмѣтилъ его свою печатью.

Правая рука—жестка, суха, пальцы — конической формы съ слегка придавленными ногтями. Большой палецъ чрезмѣрно длиненъ съ сильно развитымъ верхнимъ суставомъ, что свидѣтельствуетъ о жестокости характера. Мизинецъ указываетъ на сильно развитое воображение. Всѣ три остальные пальца—нормальны, за исключениемъ легкой странности: мышца соединяющая суставы глубоко вдаются внутрь. Это довольно тревожный симптомъ.

Когда Бильгельмъ II держитъ руку свободно, пальцы сильно отстаютъ одинъ отъ другого, и между ними появляется сплюшной просвѣтъ. Это очень рѣзкій признакъ честности и лживости натуры.

Линіи на его рукахъ положительно безчисленны. Достаточно глубокая ладонь и неправильная артикуляція пальцевъ указываетъ на сравнительно короткую жизнь.

При отсутствіи показаній лѣвой руки я не могу точно сказать, будетъ ли эта смерть физическая или моральная, т. е. безуміе.

Линіи жизни едва прикасаются къ линіи сердца, поднимающейся въ видѣ вислообразного развиленія на лунный бугоръ, что указываетъ на склонность къ несбѣротнымъ и гмышеніямъ сантиментальной и тривиальной натуры.

Его линія счастья идетъ въ началѣ весьма ясно и опредѣленно впередъ, но затѣмъ внезапно обрывается среди цѣлаго ряда крестовъ и звѣздъ—признаковъ удачи и славы. Этому человѣку суждено пасть внезапно и неожиданно съ той высоты, на которую его вознесла судьба. Головная линія также обрывается совершенно неожиданно на мѣстѣ скрещенія ея съ линіей счастья.

Я не скажу ничего о другихъ ли-

SCHWARZBROT. (Изъ жизни Германіи въ военное время).

У магазина «деликатесовъ» въ Берлинѣ,—передъ чернымъ хлѣбомъ въ окнѣ магазина.
Карикатура А. Юргенса.

ниахъ,—о буграхъ Венеры, Луны и т. д. Они подчёркиваются вполнѣ все то, что мы знаемъ о Бильгельмѣ II.

Я хочу только подтвердить то, что изъ запечатленныхъ линій счастья и горы явились характерными признаками рока, преслѣдующаго указанное лицо, ведущаго его къ безумью или самоубийству.

Но съ другой стороны линіи жизни продолжаются регулярно дальше. Въ силу этихъ противорѣчій, я утверждаю, что меня ничуть не удивитъ, если Бильгельмъ II послѣ паденія будетъ доживать свою жизнь гдѣ-либо въ изгнаніи, уединеній, быть можетъ, въ тиши уединеній, для духовно-больныхъ.

Но рука указываетъ еще на безумие гордыни, на изумительную способность дважды и лицемѣрія. Это человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ начальств.

Въ буржуазной жизни онъ прошѣлъ незамѣтнымъ, ибо не имѣлъ бы возможности проявить свои дурные инстинкты. У кормила власти,—онъ причинилъ много бѣдъ и горя и зальетъ кровью всѣ места, по которымъ ступитъ его нога.

Далѣе г-жа де-Тобѣ указываетъ на то, что она опредѣлила характеръ Бильгельма II еще восемь лѣтъ назадъ, и что неоднократно приходилось спорить съ многими видными личностями Франции, отстаивающими то положеніе, что императоръ Германіи—несомнѣнно выдающій человѣкъ.

Теперь она съ удовольствіемъ бросаетъ этимъ лицамъ, среди которыхъ несколько министровъ и видныхъ членовъ Франціи, свой вызовъ: «Кто былъ правъ?»

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Преданіе Товарищества А. С. Суворина—*«Новое Время»*.

Модные изящные колье, кулонь, кольца, браслеты, броши, запонки, булавки и т. п. у фирмы

«Драгоцѣнныя камни»

Н. А. Насоновой въ Екатеринбургѣ

Существуетъ съ 1892

Иллюстративный прейс-курантъ выс. безъ платы.

Поступило въ книжн. магазинъ «Нового Времени» (Петроградъ, Невскій пр., 40)

5-е изданіе „Гигиена брака”.

Женщ.-врача Волковой. Ц. 50 к.

Содержаніе: Нуженья лѣбакъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе двоихъ. Выборъ мужа. Воспитаніе юношей. Проститутія. Выборъ жены. Женевѣство. Иступленіе въ бракъ. Гигиена брачной жизни. Искусственное бѣзплодіе. Равводъ. Переходный возрастъ. Бездѣтныя браки и т. д.

ВЕГА

На Вершинахъ Знаній

ОККУЛЬТНЫЙ РОМАНЪ

Цѣна 1 р. 50 к.

ДЕ-СТАЛЬ

Коринна или Италия

РОМАНЪ

Цѣна одинъ рубль

Продается въ книжномъ магазинѣ *«Новое Время»*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ „ЛѢТОПІСЬ ВОЙНЫ 1914 ГОДА“

ИЗДАЕТСЯ НА ВРЕМЯ ВОИНЫ; ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

Участниковъ изъвестные поэтические писатели.

Художественная часть ведется подъ наблюдениемъ Бр. Скамоцци специально приглашенными художниками. Собственные корреспонденты.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Петроградъ, Надеждинская, 19, телефонъ № 427-85.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На 3-ю серию 12 номеровъ (Февраль, Мартъ, Апрѣль) въ Россіи За границей

съ № 25 по № 36 8 руб. 6 руб.

Первая серия (Августъ, Сентябрь и Октябрь 1914 г.) съ № 1 по № 12 продаётся за 4 руб.; съ перес. 5 руб.

Вторая серия (Ноябрь, Декабрь 1914 г. и Январь 1915 г.) съ № 18 по № 24—8 руб.; съ перес. 4 руб.

Первая и вторая серия имѣтъ за 7 руб.; съ перес. 8 руб. 50 к.; нал. плат. 8 руб. 60 коп.

Отдельный номеръ 30 коп.; съ пересылкой 40 коп.; нал. плат. 50 коп.

Редакторъ-Издатель Дм. Дусенский.

100 штукъ открытыхъ писемъ различного содержанія и красокъ, съ картиками

на Нѣмцевъ, Австрійцевъ, Турокъ

и т. под.

насыщается за 3 р., 50 шт. — 2 р., 25 шт. — 1 руб. 10 к. 100 шт. — 15 р., 500 шт. — 10 р. съ пересылкой.

АДРЕСЪ: Петроградъ, Невскій пр., д. 104, кв. 29, художнику Л. Г. Злотникову. Телеф. 174-28.

Новое изданіе Товарищества А. С. Суворина—*«Новое Время»*:

Николай Энгельгардтъ.

ІСТОРІЯ РУССКОЇ ЛІТЕРАТУРЫ

XIX СТОЛѢТИЯ.

Томъ первый.

1800—1850 гг.

Критика.—Романъ.—Поэзія.—Драматургія. Съ приложениемъ синхронистической таблицы, указателя и полной библиографіи. Издание 2-е исправленное и дополненное. Стр. XII+617.

Цѣна 3 рубля

ПЕЧАТАЕТСЯ ВТОРОЙ ТОМЪ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Товарищества А. С. Суворина—*«Новое Время»*

Петроградъ, Невскій пр., 40. Петр. сторона, Большой пр., 69-А, Вознесенскій пр., 36. Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

Русскій Календарь на 1915 г.

А. С. Суворина

(44-й годъ).

Всѣ отдельы, касающіеся разнообразныхъ сторонъ политической, финансовой и экономической жизни Россіи, исправлены и дополнены по новѣйшимъ даннымъ, многіе совершенно переработаны. Рисунки и портреты на отдельныхъ листахъ и въ текстѣ, диаграммы.

Статистическая часть календаря и справочная заново переработана и дополнена многими цѣнными свѣдѣніями. На отдельѣ *«Приложения»* въсе появляются въ этомъ году обзоры русской литературы, искусства и научное обозрѣніе. Съѣзжъ того, вѣдь появлены: *«Календарь охотника»* (хота въ Россіи—законоположенія и приемы производства охоты помѣщаютъ, съ плагромъ); *«Календарь удильщика и любительского рыболовства»* (съ практическими сопѣтами); *«Искусство плавать»; «Медицинский путевникъ»* (перечень болѣзней, хѣ признаки и лечение) и проч.

Цѣна: въ бумагѣ—1 р., съ пересылкой—1 р. 40 к., въ папкѣ—1 р. 60 к., съ пересылкой—2 р. 10 к., за падеженный плащ—прибавляется 10 коп.

ЗАПОРОВЪ

Примите Стомоксигенъ д-ра Антона Мейера.

Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригиналѣ коробки ясно указано имя д-ра Антона Мейера и адресъ Екатерин. кан. 29. Стомоксигенъ абсолютно безреакціи и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Н. Каринцевъ

ДВА
ДРУГА

изъ жизни
въ льсахъ Африки

ПОВѢСТЬ
для дѣтей
и юношества.

Съ рисунками
худ. С. Плошиаскаго.

Цѣна: въ бум. 1 р. 50 к.,
въ папкѣ 1 р. 75 к., въ
переплѣтѣ 2 р. 25 к.

Н. Каринцевъ

СКАЗКИ
и
ЛЕГЕНДЫ
ШВЕДСКАГО
НАРОДА

въ обработкѣ
для дѣтей.

Съ 78 рисунками
шведскихъ художниковъ.

Цѣна: въ бум. 1 р. 75 к.,
въ папкѣ 2 р., въ пере-
плѣтѣ 2 р. 50 к.

В. МИКУЛИЧЪ

ДУСЯ

РАЗСКАЗЫ

Цѣна 1 рубль.

Изабелла Гриневская.

ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ

РАЗСКАЗЫ

Цѣна 1 рубль.

А. П. АРАПОВА

КТО-ЖЕ? ПЕРВОВЫДАТАЯ ФЕМИНИСТКА.

Цѣна 2 рубля.

Цѣна 20 коп.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Петроградъ, Эртельевъ, 13